

$$\triangle \frac{66}{122}$$

2. I.

2 карт.

20. 2. 09 п. 2
2.04.13-п. 5

66
129

85-1-14 195. 4 25

СЛАВЯНО-ТУРЕЦКАЯ БОРЬБА

1876—77—78 гг.

Бн
Г 297

И ЕЯ ЗНАЧЕНИЕ

ВЪ ИСТОРИИ РАЗВИТІЯ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА.

МЫСЛИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ

П. ГЕЙСМАНА

бывшаго участника войнъ 1876 и 1877—78 годовъ.

ЧАСТЬ I.

СЕРБСКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

1876 ГОДА

СЪ ТРЕМЯ КАРТАМИ.

Складъ изданія у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1887.

144.

2024607199

В. 39-18256

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 февраля 1887 г.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 15.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

837-1-14

Въ настоящее время проходитъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ возстаніе православнаго сербскаго населенія Босніи и Герцеговины противъ турецкаго владычества и послѣдовавшая за нимъ война между Сербією и Черногорією съ одной стороны и Турцією съ другой, взволновали на первыхъ же порахъ почти весь славянскій міръ, а затѣмъ явились причиною вмѣшательства Россіи, которая послѣ кровопролитной войны, хотя и нанесла Турціи смертельный ударъ, но всетаки не добилась окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса.

Въ теченіи этихъ десяти лѣтъ произошло много событій, далеко не радостныхъ съ русской и вообще славянской точки зрѣнія. Событія эти напоминаютъ Боснякамъ и Герцеговинцамъ, Черногорцамъ и Сербамъ, въ особенности же двинувшимся къ нимъ на помощь Русскимъ о томъ, что всѣ ихъ усилія и жертвы не привели къ желаемымъ результатамъ вслѣдствіе стеченія въ высшей степени неблагоприятныхъ обстоятельствъ, которымъ, быть можетъ, суждено еще не разъ повториться въ будущемъ при дальнѣйшемъ рѣшеніи восточнаго и неразрывно съ нимъ связаннаго славянскаго вопросовъ. Такое значеніе этихъ обстоятельствъ, естественно, должно вызвать въ нашемъ обществѣ желаніе выяснитъ причины неудачъ, постигшихъ столь незаслуженнымъ образомъ могущественнѣйшій въ Европѣ народъ, принесшій столь великія жертвы и выставившій за себя борцомъ доблестную армію, которая, не считая числа враговъ, но только спрашивая, гдѣ они, доказала еще разъ, что русское оружіе и нынѣ, какъ въ былые славные дни, не взирая ни на какія затрудненія, не опускается до тѣхъ поръ, пока сраженный врагъ не проситъ пощады. Знать эти причины и понимать, откуда онѣ являются, намъ необходимо, дабы въ будущемъ не повторить тѣхъ же ошибокъ, какія случились въ указанное выше время. Падать духомъ въ виду этихъ ошибокъ, а равно и въ виду упомянутыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, не слѣдуетъ. Въ жизни народовъ ошибки неизбежны; вызываемыя же ими неудачи нерѣдко имѣютъ на народы гораздо болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ самые блестящіе успѣхи и пріобрѣтенія.

Съ этой точки зрѣнія желательно, чтобы каждый участникъ или очевидецъ послѣдняго славяно-турецкаго столкновенія подѣлился со своими соотечественниками тѣми мыслями, воспоминаніями и впечатлѣніями, которыя онъ вынесъ изъ этой роковой борьбы.

Руководствуясь этимъ соображеніемъ, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ принести русскому обществу въ видѣ посильной лепты, *«Мысли, воспоминанія и впечатлѣнія»*, вынесенныя мною изъ упомянутой борьбы, при чемъ настоящее изданіе обнимаетъ собою первую часть моего труда, посвященную «сербско-турецкой войнѣ 1876 года». Въ описываемой войнѣ я участвовалъ въ качествѣ ротнаго и баталіоннаго командира сербской арміи, при чемъ собственно въ бою мнѣ приходилось иногда дѣйствовать въ роли старшаго звена и даже обыкновеннаго солдата. Касаюсь событій, къ которымъ я не могъ оставаться равнодушнымъ, я, по всему вѣроятію, придалъ изложенію ихъ болѣе или менѣе субъективный оттѣнокъ, что впрочемъ, по моему мнѣнію, не представляетъ слишкомъ большаго недостатка въ виду того, что я, нисколько не задаваясь цѣлью во чтобы то ни стало склонить читателей къ раздѣленію моихъ взглядовъ, стараюсь лишь изложить описываемыя мною событія возможно болѣе систематически, основывая мои заключенія на возможно болѣе достоверныхъ данныхъ и предоставляя на усмотрѣніе читателей рѣшеніе вопроса, на сколько удачно я выполнилъ мою задачу.

Стараясь придать моему труду систематическій характеръ, я не могъ приступить прямо къ изложенію сербско-турецкой войны, но счелъ необходимымъ предпослать ему сжатый очеркъ исторіи развитія восточнаго вопроса, при чемъ отбѣнилъ по возможности отношеніе къ этому вопросу различныхъ европейскихъ государствъ вообще и нашего отечества въ особенности.

Коснувшись исторіи сербскаго народа, я воспользовался почтеннымъ трудомъ г. Овсянаго, которому принадлежитъ честь изданія перваго у насъ въ Россіи сочиненія, обнимающаго собою въ сжатомъ видѣ описаніе Сербіи почти во всѣхъ отношеніяхъ.

Затѣмъ я пользовался, какъ матеріалами для обработки, сочиненіями иностранныхъ авторовъ, описавшихъ сербско-турецкую войну 1876 года, а именно: Француза *Леконта* и Нѣмцевъ *Майерса* и *Рюстова*. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе оба нѣмецкіе писателя.

Майерсъ, бывшій капитанъ австрійскаго генеральнаго штаба, отличается пристрастіемъ къ Туркамъ и недружелюбнымъ отношеніемъ къ Сербамъ. Къ тому же и сообщаемыя имъ свѣдѣнія освѣщаютъ болѣе обстоятельно дѣйствія Турокъ и менѣе подробно дѣйствія Сербовъ, что впрочемъ отчасти объясняется тѣмъ, что онъ находился при турецкой арміи. Что касается достоинствъ его сочиненія «*Der Serbisch-Türkische Krieg im Jahre 1876*», то отъ офицера спеціальнаго рода службы можно было бы ожидать лучшаго.

Гораздо болѣе серьезное значеніе имѣетъ трудъ Рюстова: «*Der Krieg in der Türkei, Zustände und Ereignisse auf der Balkanhalbinsel in den Jahren 1875 und 1876*». Сочиненіе это, представляя довольно обстоятельное описаніе событій, происшедшихъ на Балканскомъ полуостровѣ въ 1875 и 1876 годахъ, въ связи съ ходомъ дипломатическихъ переговоровъ между великими державами, является пока лучшимъ изъ числа трудовъ, посвященныхъ изложенію упомянутыхъ событій. Недостатки этого сочиненія такіе же, какъ и другихъ трудовъ того же автора, называемаго совершенно справедливо застрѣльщикомъ въ военной литературѣ вълѣдствіе того, что онъ начиналъ описывать всѣ послѣднія войны въ то время, когда онѣ еще не были окончены. Сужденія и выводы Рюстова отличаются скороспѣлостью и далеко не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Отнесеніе имъ начала возникновенія восточнаго вопроса ко времени троянской войны можетъ вызвать лишь улыбку даже среди массы читающей публики, не говоря уже о специалистахъ. Особенно важное значеніе имѣетъ произведенная имъ оцѣнка помощи, оказанной Сербамъ Русскими, при чемъ онъ нѣсколько грѣшитъ противъ истины, по всему вѣроятію, по той причинѣ, что дѣло касается Русскихъ и вообще Славянъ, къ которымъ, кажется, еще ни одинъ Нѣмецъ не относился дружелюбно или по крайней мѣрѣ безпристрастно.

Въ этомъ предисловіи я нарочно указываю на упомянутые источники съ тѣмъ, чтобы каждый изъ читателей могъ съ большимъ для себя удобствомъ провѣрить, насколько это возможно, какъ все мое описаніе, такъ въ особенности мои обобщенія и выводы, которые болѣею частью расходятся съ заключеніями названныхъ авторовъ.

Представляя первую часть моего труда на судъ читателей, считаю долгомъ заявить, что если трудъ мой будетъ причисленъ къ разряду правдивыхъ описаній, могущихъ пригодиться впоследствии будущему историку послѣдней славяно-турецкой борьбы, то я буду считать мою задачу исполненною.

II. Гейсманъ.

ЧАСТЬ I.

СЕРБСКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

1876 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Война за освобожденіе и независимость южных Славянъ 1875—76 гг. представляет одно изъ дѣйствій въ великой исторической драмѣ, называемой восточнымъ вопросомъ. Поэтому, составляя какое бы то ни было описаніе этой войны, необходимо изложить сущность этого роковаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить значеніе одного изъ частныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ восточнаго, а именно вопроса сербскаго. Для правильного уразумѣнія обоихъ названныхъ вопросовъ, общаго — восточнаго и частнаго — сербскаго, необходимо обратиться къ исторіи.

Въ 1453 году перестала существовать Восточная Римская Имперія. Царьградъ достался въ руки османскихъ Турокъ, которые вскорѣ овладѣли всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ. Большая часть этого полуострова подчинилась ихъ власти еще въ концѣ XIV столѣтія, послѣ роковаго сраженія на Коссовомъ полѣ 15 іюня 1389 года, гдѣ Сербы были разбиты наголову, князь же ихъ Лазарь былъ казненъ по приказанію смертельно раненнаго султана Мурада I. Коссовская битва положила предѣлъ независимому существованію Сербіи, которая впрочемъ сохраняла нѣкоторую тѣнь самостоятельности до 1459 года, когда султанъ Магометъ II занялъ послѣднюю сербскую твердыню Смедерево и обратилъ Сербію въ турецкій пашалыкъ. Вскорѣ та же участь постигла Боснію, Герцеговину и Зету. Одни только «ускоки Черной Горы» успѣли отстоять свою независимость.

Такимъ образомъ почти всѣ сербскія земли подпали подъ турецкое владычество, которое сдѣлалось грознымъ для всѣхъ сосѣдей.

Власти султана подчинились все народы, жившие на пространствах от Алжира до Азовского моря и от Судана до реки Днѣстра. Оттоманскій ураганъ навелъ ужасъ на большую часть Европы и далъ себя чувствовать въ особенности своимъ ближайшимъ соседямъ: Австріи, Польшѣ и Россіи. Однако, достигнувъ апогея своего могущества, турецкая имперія обнаружила обратное движеніе, т. е. стремленіе къ упадку, которое рельефно обозначилось съ конца XVII столѣтія, а именно со времени погрома турецкихъ войскъ подъ Вѣною союзными европейскими войсками подъ начальствомъ польскаго короля Яна III Собѣскаго въ 1683 году. Этою побѣдою былъ положенъ предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ Турокъ въ Европѣ, и съ этого же момента началось постепенно увеличивающееся ослабленіе Турціи, продолжающееся и въ наше время. Ослабленіе это представляется слѣдствіемъ борьбы между Турціею съ одной стороны и Россіею, Польшею и Австріею съ другой, причемъ на сторонѣ противниковъ Турціи находились нерѣдко нѣкоторые христіанскіе подданные султана.

Однако справедливость требуетъ разъясненія, каково было участіе означенныхъ державъ въ ослабленіи могущества Турціи, и какія цѣли имѣлись въ виду каждою изъ нихъ. Внимательное изученіе исторіи показываетъ, что обѣ славянскія державы, Россія и Польша, стремились главнымъ образомъ къ изгнанію Турокъ изъ Европы съ цѣлью освобожденія подвластныхъ имъ балканскихъ христіанскихъ народовъ. Освобожденіе этихъ народовъ изъ подъ иго невѣрныхъ было девизомъ всехъ русскихъ и польскихъ государей, находившихся въ войнѣ съ Турціею, начиная съ короля Владислава III, погибшаго въ сраженіи подъ Варною въ 1444 году, и кончая Императоромъ Николаемъ I, произнесшимъ послѣ взятія той же Варны слѣдующія слова: «смерть Владислава отомщена.»

Такимъ образомъ какъ Польша, такъ и Россія въ борьбѣ съ Турціею не преслѣдовали узкихъ, эгоистическихъ цѣлей, или, по крайней мѣрѣ, не придавали имъ первостепеннаго значенія: первую роль въ этой борьбѣ всегда играли цѣли религіозныя, совпадавшія въ данномъ случаѣ съ интересами гуманности и цивилизаціи.

Однако, сходясь въ общемъ, обѣ славянскія державы различались

между собою въ частностяхъ. Во-первыхъ, католическая Польша не могла быть столь же близкой балканскимъ православнымъ христіанамъ, какъ единовѣрная имъ Россія; мало того, примѣръ Брестской уніи 1596 года и вообще преобладаніе въ Польшѣ идеи о необходимости обращенія православныхъ христіанъ въ католичество, могло только оттолкнуть балканскихъ христіанъ отъ Польши. Напротивъ того, по отношенію къ православной Россіи, въ этомъ отношеніи не могло быть никакихъ опасеній. Въ этомъ заключалось первое преимущество Россіи надъ Польшею. Во-вторыхъ, ослабляемая внутренними раздорами и анархическимъ устройствомъ Польша была слишкомъ слаба для того, чтобы перейти отъ обороны къ наступленію. Напротивъ того Россія въ отношеніи прочности своего государственнаго устройства и могущества не оставляла желать ничего лучшаго, и къ тому же могущество ея безпрестанно увеличивалось. Это было второе благопріятное для Россіи обстоятельство. Поэтому не удивительно, что Россія съ давнихъ временъ пріобрѣла то, чѣмъ никогда не пользовалась Польша: а именно, вліяніе на славянскіе и вообще христіанскіе народы Балканскаго полуострова, привыкшіе видѣть въ ней свою естественную покровительницу и безкорыстную защитницу противъ невѣрныхъ. Равнымъ образомъ и Россія въ лицѣ своихъ передовыхъ государственныхъ дѣятелей издавна сознавала выпадавшую на нее политическую миссію. Такъ напримѣръ царь Борисъ Годуновъ хотѣлъ объявить султану войну съ тѣмъ, чтобы освободить Болгаръ, Сербовъ, Босняковъ и т. д. Съ другой стороны, Сербъ Юрій Крижаничъ, предлагалъ царю Алексію Михайловичу положить въ основу своей политики стремленіе къ объединенію всѣхъ славянскихъ племенъ. При томъ же царѣ въ 1673 году, одинъ изъ польскихъ государственныхъ людей, говорилъ московскому резиденту Тяпкину, что если только царскія войска соединятся съ польскими для общихъ военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, то къ нимъ тотчасъ же присоединятся Румыны и дунайскіе Славяне, которые въ особенности готовы стать на сторону Россіи.

Петръ Великій вошелъ въ прямые сношенія съ турецкими Славянами и интересовался судьбою австрійскихъ Сербовъ. Его вліяніе было замѣтно въ Черногоріи и даже въ Далмаціи.

При Екатеринѣ II побѣды нашихъ войскъ надъ Турками, способствовали усиленію популярности русскаго имени на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ 1804 году сербская депутація просила у Императора Александра I помощи или ходатайства объ устройствѣ самобытнаго существованія задунайскихъ Сербовъ, возставшихъ противъ Турокъ подъ начальствомъ *Кара-Георгія*. Императоръ Александръ I отнесся къ Сербамъ сочувственно, но, отвлекаемый въ другую сторону цѣлымъ рядомъ войнъ противъ Наполеона I, не успѣлъ улучшить положеніе вновь организовавшейся Сербіи на достаточно прочныхъ основаніяхъ: въ статьѣ 8-й Букарештскаго договора 1812 года, заключалось лишь весьма неопредѣленное условіе объ устройствѣ независимаго управленія въ Сербіи, но и при этомъ сербскія крѣпости должны были оставаться въ рукахъ турокъ; къ тому же турецкое правительство, въ виду начавшейся борьбы между Россіей и Франціей, не захотѣло исполнять условій Букарештскаго договора и двинуло въ Сербію значительныя силы, которымъ удалось сломить сопротивленіе Сербовъ. Кара-Георгій, почти всѣ воеводы и масса простыхъ Сербовъ, бѣжали въ Австрію, послѣ чего Турки снова утвердились въ Сербіи, гдѣ изъ главныхъ воеводъ остался только одинъ Милацъ Обреновичъ, вошедшій съ Турками въ переговоры и оставленный ими во главѣ управленія Рудницкимъ, Пожегскимъ и Крагуевацкимъ округами.

Положеніе Сербовъ, снова подпавшихъ подъ турецкое владычество, сдѣлалось по прежнему невыносимымъ. Во время Вѣнскаго конгресса они снова хлопотали объ улучшеніи своей участи, но и на этотъ разъ безуспѣшно, такъ какъ даже наиболѣе дружественно расположенная къ нимъ Россія, оказала имъ лишь денежную помощь, прочія же державы отнеслись къ ихъ жалобамъ равнодушно.

Тогда, не будучи въ силахъ долѣе терпѣть, сербскій народъ снова возсталъ подъ начальствомъ *Милоша Обреновича*. Возстаніе вспыхнуло въ 1815 году въ с. Такова въ Рудницкомъ округѣ и распространилось чрезвычайно быстро по всей странѣ, большая часть которой была вскорѣ очищена отъ Турокъ. Однако Милошъ Обреновичъ, не увлекаясь одержанными успѣхами, вступилъ въ

переговоры съ турецкими военачальниками и отправилъ отъ имени сербскаго народа депутацію въ Константинополь. Благодаря заступничеству русскаго посланника, дѣло было улажено мирнымъ путемъ: Сербія получила автономію, но въ Бѣлградѣ остался турецкій гарнизонъ; сверхъ того въ главныхъ сербскихъ городахъ были оставлены турецкія должностныя лица — *муселимы*, которые, совокупно съ находившимися въ тѣхъ же городахъ сербскими должностными лицами — *кнезами*, разбирали споры между Турками и Сербами; главнымъ правителемъ Сербіи отъ имени султана былъ назначенъ Марашли-Али-паша, имѣвшій мѣстопробываніе въ Бѣлградѣ и опредѣлявшій количество податей по соглашенію съ кнезами; фактически же верховная власть сосредоточилась въ рукахъ *главнаго сербскаго «кнеза» Милоша Обреновича*, котораго народная «*скупштина*» признала наслѣдственнымъ государемъ Сербіи.

Милошъ, устранивъ всѣхъ своихъ соперниковъ, въ томъ числѣ и Кара-Георгія (убитаго въ 1817 году), сталъ стремиться къ укрѣпленію своей власти и къ увеличенію правъ сербскаго народа.

Со вступленіемъ на русскій престолъ Императора Николая I, покровительство Россіи сербскому народу приняло вполне опредѣленный характеръ. Однако во время войны 1828—29 гг. Сербія, по совѣту Россіи, сохраняла нейтралитетъ, что впрочемъ не помѣшало сербскимъ волонтерамъ принять участіе въ бояхъ русскихъ войскъ противъ Турокъ.

Въ 1829 году Россія предписала Турціи условія мира, заключеннаго въ Адрианополѣ, при чемъ вынудила Турцію значительно увеличить права сербскаго народа и признать окончательно самостоятельное существованіе вновь возникшаго сербскаго княжества. Въ видѣ остатковъ прошлаго, остались турецкіе гарнизоны въ сербскихъ крѣпостяхъ и ежегодная дань, служившіе наглядными доказательствами вассальной зависимости Сербіи отъ Турціи, но, не смотря на эту юридическую и отчасти матеріальную зависимость, Сербія болѣе всего подчинялась вліянію единовѣрной и единоплеменной, могущественной Россіи, причиною чего была нравственная связь Русскихъ съ Сербами.

Въ молодомъ сербскомъ княжествѣ вскорѣ возникли неурядица и борьба партій. Самъ князь Милошъ желалъ управлять Сер-

бією самовластно. Между тѣмъ, партія такъ называемыхъ «*великашей*» (по преимуществу чиновниковъ, такъ какъ аристократіи въ Сербіи не было), видя, что въ сосѣднихъ Дунайскихъ княжествахъ, Валахія и Молдавія, тамошняя аристократія занимаетъ привилегированное положеніе, стремилась ко введенію въ Сербіи такъ называемаго государственнаго «*Устава*», на основаніи котораго она надѣялась пользоваться такимъ же вліяніемъ на дѣла въ своемъ отечествѣ.

Такъ какъ управленіе Милоша не было лишено слабыхъ сторонъ, то число недовольныхъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Наконецъ въ 1835 году вспыхнуло возстаніе, окончившееся обнародованіемъ скороспѣлаго «*Устава*» и полнымъ ограниченіемъ власти Милоша, который былъ вынужденъ передать всю правительственную дѣятельность вновь образованному «*Державному Совѣту*». Этотъ государственный переворотъ привлекъ къ Сербіи вниманіе другихъ державъ. Имъ остались недовольны Австрія, Турція и, что важнѣе всего, Россія. Пользуясь этимъ, князь Милошъ снова усилилъ свою власть въ ущербъ Державному Совѣту.

Въ 1839 году, вслѣдствіе соглашенія Россіи съ Турціею, былъ обнародованъ новый сербскій «*Уставъ*», на основаніи котораго провозглашены: равенство всѣхъ Сербовъ передъ закономъ, неприкосновенность личности и собственности, свобода торговли и уничтоженіе натуральныхъ повинностей; административная и судебная іерархія были опредѣлены съ полною обстоятельностью; законодательная дѣятельность была предоставлена Державному Совѣту, члены котораго дѣлались несмѣняемыми; наконецъ исполнительная власть была оставлена въ рукахъ князя.

Хотя князь Милошъ подчинился этому новому уставу, но положеніе дѣлъ не улучшилось. Къ числу враговъ князя присоединились всѣ министры и Державный Совѣтъ, президентомъ котораго былъ братъ Милоша Ефремъ. Раздраженный Милошъ удалился въ Австрію, но вскорѣ вернулся въ Бѣлградъ и вступилъ въ соглашеніе со своими врагами. Между тѣмъ вспыхнуло военное возстаніе противъ Державнаго Совѣта, т. е. въ пользу князя, который не только не воспользовался этимъ возстаніемъ, но даже былъ вынужденъ дать полномочіе на его усмиреніе.

По усмирении возмания наряженъ былъ судъ надъ его зачинщиками и созвана была въ Бѣлградѣ народная скупщина, которая предложила князю Милошу: или явиться предъ нею на судъ, или отречься отъ престола. Милошъ избралъ послѣднее и, взявъ съ собою младшаго своего сына Михаила, удалился въ Валахію 3-го іюня 1839 года.

По отречении Милоша, на княжескій престолъ вступилъ старшій сынъ его *Миланъ Обреновичъ II*, княжившій всего 25 дней и умершій вслѣдствіе болѣзни.

Послѣ смерти Милана, избранъ былъ въ князья младшій братъ его 17-лѣтній *Михаилъ*, котораго отецъ сначала не хотѣлъ отпустить, но наконецъ былъ вынужденъ къ тому султанскимъ «бератомъ», утверждавшимъ избраніе Михаила.

Князь *Михаилъ Обреновичъ III*, прибылъ въ Сербію 12 марта 1840 года и принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для успокоенія государства, но, къ сожалѣнію, его благія пожеланія и мѣропріятія были безуспѣшны. Раздоры партій продолжались. Одни желали возвращенія стараго князя Милоша, другіе стояли за новый порядокъ вещей, третьи наконецъ хлопотали о призваніи на престолъ потомковъ Кара-Георгія.

Добродушный Михаилъ, надѣясь на народную любовь къ себѣ, просилъ весь народъ придать забвенію прошлое, обнародовалъ всеобщую амністію и призвалъ въ Сербію даже Александра Карагеоргиевича, съ которымъ обошелся весьма ласково. Вообще онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону всѣ партіи мѣрами кротости, прямою, искренностью и справедливостью. Но партія такъ называемыхъ «*уставобранителей*», т. е. противниковъ существовавшего въ то время Устава, мечтавшая о восстановленіи того порядка вещей, который явился слѣдствіемъ возмания 1835 года, не хотѣла примириться съ княземъ Михаиломъ. Одинъ изъ вождей этой партіи Вучичъ поднималъ знамя возмания въ 1842 году.

Князь Михаилъ не могъ усмирить этого возмания и удалился въ Австрію. Преемникомъ его былъ провозглашенъ возставшими и утвержденъ султаномъ *Александръ Карагеоргиевичъ*. Россія признала новаго князя только тогда, когда онъ былъ формальнымъ и

торжественнымъ образомъ избранъ вторично народною скупщиною.

Правленіе Александра Карагеоргіевича, продолжавшееся 16 лѣтъ, отличалось внутреннимъ спокойствіемъ, но въ сущности не могло выдерживать сравненія съ кроткимъ правленіемъ Михаила Обреновича. Самъ князь былъ слабохарактеренъ и подчинялся вліянію вождей партіи уставобранителей, Вучича, Петроніевича и родственниковъ жены своей, Ненадовичей. Названная партія, захвативъ власть, суровыми мѣрами подавляла всякое противодѣйствіе и произвела большія злоупотребленія.

При подобномъ порядкѣ вещей, сербское княжество вошло въ узкую колею мѣстныхъ интересовъ и отстранилось отъ связи съ остальными частями сербскаго народа. Оно было пробуждено громовымъ ударомъ 1848 года. Борьба австрійскихъ Сербовъ съ Мадырами вызвала въ княжествѣ сильное движеніе: цѣлыя толпы народа устремились на помощь своимъ соплеменникамъ и храбро сражались вмѣстѣ съ ними. Къ сожалѣнію ихъ совмѣстныя усилія принесли пользу не сербскому народу, но одному изъ злѣйшихъ его враговъ, Австріи.

Послѣ 1849 года въ политикѣ сербскаго правительства обнаружился крутой поворотъ. Сторонники Карагеоргіевича никогда не могли простить Россіи того противодѣйствія, которое она оказывала при избраніи его въ князья. Пока Россія пользовалась сильнымъ вліяніемъ въ Константинополѣ, они не рѣшались открыто заявлять свои чувства. Когда же между Россіею и Турціею произошелъ разрывъ по вопросу о выдачѣ венгерскихъ эмигрантовъ, сербское правительство сбросило съ себя маску, стало во враждебныя отношенія къ Россіи и сблизилось съ Турціею и Австріею.

Слѣдуя совѣтамъ враговъ Россіи, изъ коихъ замѣчательнѣе другихъ былъ Гарашанинъ, князь поддался вліянію Франціи и когда въ 1853 году Россія потребовала удаленія Гарашанина, то сербское правительство обратилось къ Турціи, Австріи, Франціи и другимъ иностраннымъ державамъ съ жалобами на «тиранство Россіи».

Это антирусское направленіе правительства князя Александра не нравилось народу, который былъ безусловно преданъ Россіи. Этимъ воспользовались приверженцы Обреновичей и взволновали

народъ. Карагеоргіевичу угрожало паденіе, но великодушная Россія спасла своего врага. Посланный Русскимъ правительствомъ чрезвычайный комиссаръ Фонтонъ, совершилъ поѣздку по Сербіи, сообщилъ Сербамъ, что Россія не желаетъ сверженія Карагеоргіевича, и уговорилъ ихъ выжидать исхода начавшейся уже войны между Россією и Турцією.

Союзныя съ Турцією державы, зная, что сербскій народъ безусловно сочувствуетъ Россіи, склонили Турцію къ признанію за Сербією правъ нейтральнаго государства.

Между тѣмъ, русскія войска заняли Валахію, Австрія же выставила на Дунаѣ наблюдательный корпусъ съ цѣлью не допустить Сербію къ принятію участія въ русско-турецкой войнѣ и противодѣйствовать занятію княжества Россією.

Сербское правительство находилось въ крайне затруднительномъ положеніи, но наконецъ рѣшилось соблюдать строгій нейтралитетъ.

По отступленіи русскихъ войскъ отъ Дуная къ предѣламъ Россіи, Сербія избавилась отъ безпокойства, но громадное большинство сербскаго народа тревожно слѣдило за ходомъ военныхъ дѣйствій и искренно сочувствовало Россіи.

По окончаніи восточной войны протекторатъ Россіи надъ Валахією, Молдавією и Сербією былъ уничтоженъ и замѣненъ общимъ покровительствомъ великихъ державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ.

Этотъ историческій моментъ весьма важенъ, такъ какъ съ этого времени рѣзко обозначилось непримиримое соперничество Австріи и Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ это время преобладающее вліяніе въ Бѣлградѣ перешло къ Австріи, но не надолго, такъ какъ число недовольныхъ въ Сербіи увеличилось. Въ 1858 году Александръ Карагеоргіевичъ былъ свергнутъ съ престола, а на его мѣсто былъ вновь призванъ старый сербскій вождь *Милошъ Обреновичъ I*, который въ слѣдующемъ году былъ утвержденъ султаномъ и признанъ великими державами.

Въ этомъ же году былъ обнародованъ принятый скупщиною законъ о наслѣдственности сербскаго престола въ родѣ Обреновичей. Годъ спустя князь Милошъ скончался.

Ему наследовалъ сынъ его *Михаилъ Обреновичъ III*, который во время долгаго отсутствія изъ Сербіи много путешествовалъ по европейскимъ государствамъ, много работалъ надъ своимъ образованіемъ и явился вторично на сербскомъ престолѣ человѣкомъ опытнымъ и просвѣщеннымъ. Въ его правленіе произошло въ Бѣлградѣ столкновеніе между Турками и Сербами въ 1862 году, послѣ чего сербская столица подверглась бомбардированію изъ цитадели, занятой турецкимъ гарнизономъ. Благодаря вмѣшательству великихъ державъ (кромя Австріи) это столкновеніе было улажено. Турція согласилась вывести свои гарнизоны изъ сербскихъ крѣпостей, но съ тѣмъ, чтобы надъ Бѣлградскою цитаделью развѣвалось турецкое знамя, какъ символъ турецкаго владычества.

Къ несчастію для Сербіи князь Михаилъ былъ убитъ въ 1868 году въ саду близъ загороднаго дворца Топчидере.

Послѣ его смерти скупщина провозгласила княземъ подъ именемъ *Обреновича IV* малолѣтняго *Милана*, внука Ефрема Обреновича, брата князя Милоша. Во время его малолѣтства Сербіею управляло особое намѣстничество, что продолжалось четыре года.

Въ 1872 году князь Миланъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и вступилъ лично въ управленіе государствомъ. Въ его княженіе произошли событія, имѣвшія весьма важное значеніе для всего славянскаго міра вообще и для сербскаго народа въ особенности, къ описанію которыхъ мы и обратимся.

ГЛАВА I.

Прежде чѣмъ говорить о событіяхъ, взволновавшихъ сербскій народъ въ началѣ послѣдней четверти XIX столѣтія, необходимо разсмотрѣть положеніе, въ которомъ находились въ то время различныя части этого народа. Княжество Сербія, какъ было выяснено выше, добилось почти самобытнаго существованія и полной автономіи и находилось лишь въ вассальной зависимости отъ Турціи. Наименьшая изъ сербскихъ земель Черногорія, благодаря геройской храбрости своихъ доблестныхъ сыновъ и своей неприступности, одна изъ всего сербскаго племени отстояла свою независимость и отразила страшнѣйшаго врага своего народа — османскихъ Турокъ. Боснія, Герцоговина и Старая Сербія стонали подъ турецкимъ владычествомъ. Наконецъ Далмація и венгерская Сербія или такъ называемая «Воеводина Сербская» (съ частью бывшей Военной Границы), входили въ составъ Габсбургской или австро-венгерской монархіи.

Положеніе сербскихъ областей, подвластныхъ султану, было невыносимо, такъ какъ Турки не уважали ни жизни, ни чести, ни собственности населявшихъ эти области Сербовъ и безпощадно грабили ихъ и вообще притѣсняли. Что касается Сербовъ, находившихся подъ властью императора австрійскаго, то и ихъ положеніе было незавидно. Хотя жизнь ихъ и имущество были въ достаточной степени ограждены австрійскими и венгерскими законами, но нельзя было сказать того же о свободѣ совѣсти и о правахъ сербской народности. Въ религіозномъ отношеніи Сербы принадлежать къ восточно-христіанской православной церкви, тогда какъ въ Австро-Венгріи преобладаетъ римско-католическое исповѣданіе. Габсбурги, какъ потомки императоровъ священной западной римской имперіи и какъ апостолическіе короли венгерскіе, почти всегда ревностно отстаивали интересы католицизма, т. е. дѣйствовали въ ущербъ интересамъ православной церкви. «Схизматики» Сербы менѣе всего могли надѣяться на ихъ благосклонность. Напротивъ того, австрійское правительство всегда желало обратить Сербовъ въ католичество. Правда, оно иногда заигрывало съ ними

и давало имъ нѣкоторыя преимущества, но это продолжалось до тѣхъ поръ, пока оно нуждалось въ нихъ, а затѣмъ, когда миновала эта надобность, то же правительство не останавливалось передъ самыми крутыми и несправедливыми мѣрами. Мѣры эти угрожали не только православной вѣрѣ Сербовъ, но и ихъ народному языку, и даже самому существованію сербской народности. Въ областяхъ, входившихъ въ составъ территоріи «австрійской короны», Нѣмцы стремились къ онѣмеченію всѣхъ Славянъ вообще и Сербовъ въ частности; а если это было невозможно, то они ставили Славянъ въ зависимость отъ другихъ менѣе опасныхъ народностей; такъ напримѣръ, въ Далмаціи были даны значительныя преимущества Италіянцамъ въ ущербъ Сербамъ, которымъ Австрійцы отказываютъ даже въ принадлежащемъ имъ имени, называя ихъ не Сербами, но Далматинцами. Что касается земель, входившихъ въ составъ территоріи венгерской «короны Св. Стефана», то въ нихъ всѣмъ Славянамъ угрожала опасность со стороны Венгровъ или Мадьяръ. Пока Венгры боролись противъ австрійскаго правительства, стремившагося къ лишенію ихъ самобытности, до тѣхъ поръ венгерскіе Славяне могли еще рассчитывать на нѣкоторую помощь со стороны названнаго правительства, но когда, послѣ изгнанія Австріи изъ Германіи въ 1866 году, Габсбургская имперія превратилась въ двойственную австро-венгерскую монархію, съ тѣхъ поръ австро-венгерскіе Сербь должны были отказаться отъ надежды добиться, не говоря уже автономіи, хотя бы сноснаго для своей народности существованія. Таково же было положеніе и прочихъ австро-венгерскихъ Славянъ кромѣ Поляковъ и Хорватовъ, которымъ австрійское и венгерское правительства предоставили автономію, считая ихъ для себя неопасными и въ качествѣ католиковъ даже пригодными для латинизированія прочихъ Славянъ.

Придерживаясь подобной политики, австро-венгерское правительство не могло оставаться равнодушнымъ зрителемъ событій, волновавшихъ славянскій міръ, хотя бы и внѣ предѣловъ подвластныхъ ему славянскихъ земель. Въ особенности важною для него была судьба тѣхъ славянскихъ народовъ, которые принадлежали къ числу коренныхъ обитателей Балканскаго полуострова и нахо-

дились подъ властью Турціи, такъ какъ они были родными братьями австрійскихъ Славянъ.

Пока Турція была грозою для всей Европы и пока принципъ національностей не имѣлъ особенно важнаго значенія, Австрія думала только объ оборонѣ, при чемъ дѣйствовала въ союзѣ съ славянскими державами Польшею и Россіею; но лишь только могущество Турціи стало ослабѣвать, чему главною причиною былъ цѣлый рядъ сильныхъ ударовъ, нанесенныхъ Турціи Россіею, какъ Австрія не замедлила перейти въ наступленіе, восстановила старинныя границы Венгріи на счетъ Турціи и стала слѣдить съ необыкновенною зоркостью за дѣйствіями сильнѣйшей и опаснѣйшей изъ своихъ союзницъ Россіи (Польша она не боялась вслѣдствіе ея политической несостоятельности).

Цѣль, къ которой стремилась Россія при своихъ наступательныхъ предпріятіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ уже было выяснено выше, сводилась къ желанію освободить славянскихъ и вообще христіанскихъ подданныхъ султана отъ турецкаго ига. Что можетъ быть благороднѣе и возвышеннѣе подобной цѣли? Но не такъ была понята эта цѣль Западною Европою. Уже одно принятіе Петромъ Великимъ титула Императора дало поводъ врагамъ Россіи утверждать, что оно состоялось не безъ задней мысли возстановить Восточную Имперію подобно тому, какъ Карлъ Великій возстановилъ Имперію Западную.

Въ западно-европейской печати нерѣдко можно встрѣтить ссылки на мнимое завѣщаніе Петра Великаго, въ которомъ этотъ государь будто бы даетъ своимъ наслѣдникамъ совѣты, какой политики слѣдуетъ придерживаться для того, чтобы сначала возстановить Восточную Имперію, овладѣвъ Царьградомъ, а затѣмъ уже захвативъ гегемонію въ Европѣ. Въ дѣйствительности едва ли необходимо доказывать, что подобное завѣщаніе не существуетъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать возможность осуществленія если не всего, то по крайпей мѣрѣ части этого завѣщанія, хотя конечно не въ буквальномъ смыслѣ.

Если обратиться къ исторіи, то не трудно видѣть, что во всѣ времена небольшіе политическіе организмы, не имѣющіе въ себѣ достаточно силы для того, чтобы устоять въ политической и эко-

номической борьбѣ за существованіе, соединяются въ группы высшаго порядка, преимущественно въ силу племеннаго сродства. Однако значеніе этого сродства нерѣдко ослабляется религіею. Съ теченіемъ времени и развитіемъ цивилизаціи, несомнѣнно торжествуютъ свобода совѣсти и религіозная терпимость, племенное же сродство остается въ своей силѣ. Яснѣе говоря, мы провозглашаемъ *принципъ національностей*, хотя конечно не въ томъ смыслѣ, какъ его понималъ Наполеонъ III. Если въ силу этого принципа допустить, что все народы и племена, за исключеніемъ неспособныхъ къ самостоятельному развитію, должны быть представлены самимъ себѣ, то въ силу племеннаго сродства въ Европѣ возможно возникновеніе трехъ большихъ группъ: *романской, германской и славянской*. Племена первой группы сложились въ три отдѣльные народа, образовавшихъ три большія государства, не считая второстепенныхъ. Изъ этихъ трехъ народовъ романской группы, ни одинъ не оказался на столько сильнымъ, чтобы подчинить себѣ другіе. Но отъ этого успѣхъ цивилизаціи не страдаетъ. Онъ страдалъ до недавняго еще времени отъ присутствія на романской землѣ посторонняго германскаго элемента въ лицѣ Австріи, препятствовавшей объединенію Италіи. Изгнаніе австрійцевъ изъ Италіи было такимъ образомъ истиннымъ благомъ для Итальянцевъ, но сверхъ того оно было желательно и съ точки зрѣнія цивилизаціи и прогресса.

Далѣе германскіе народы распались на двѣ большія группы, не считая остающихся изолированными народовъ того же племени, а именно: на скандинавскую и собственно-германскую группы. Первая не имѣетъ первостепеннаго значенія, вторая же на нашихъ глазахъ почти окончила свое объединеніе, но опять таки это объединеніе не могло совершиться до тѣхъ поръ, пока ему мѣшала та же Австрія, т. е. до 1866 года, когда эта держава была побѣждена Пруссіею и исключена изъ германскаго союза. Послѣ этого, Австрія, превратившись въ Австро-Венгрію, рѣшилась приступить къ «послѣднему сказанію», остающемуся еще для нея лѣтописи. Яснѣе говоря, она вознамѣрилась вознаградить себя за потери въ Италіи и Германіи пріобрѣтеніемъ новыхъ владѣній въ турецко-славянскихъ земляхъ, а если удастся, то и въ иныхъ частяхъ «су-

хопутнаго славянскаго моря». Но сдѣлаться славянскою державою въ настоящемъ смыслѣ этого слова Австрія не можетъ. Если бы Славяне играли въ ней подобающую имъ роль, то это была бы уже не Австрія, но федерація многихъ народностей, имѣющихъ болышею частью прямо противоположные интересы и даже находящіеся между собою въ болѣе или менѣе непримиримой враждѣ. При первомъ удобномъ случаѣ эти народности возстали бы другъ противъ друга, послѣ чего Австрія распалась бы окончательно. Въ виду этого Австрія считаетъ необходимымъ держать Славянъ въ роли болѣе или менѣе подчиненной, если и давать имъ какія-либо права, то только въ томъ случаѣ, если никакъ нельзя безъ этого обойтись, главную же роль предоставить Нѣмцамъ и Мадыярамъ, девизомъ которыхъ является большее или меньшее угнетеніе Славянъ. Цѣль Австріи сводится къ возможно болѣе успѣшному германизированію или мадыязированію славянскихъ народовъ и къ раздѣленію всего славянскаго міра на двѣ части, изъ которыхъ одну, по австрійскому катехизису, должна составлять возможно болѣе ослабленная Россія, а другую, союзъ изъ всѣхъ остальныхъ Славянъ подъ главенствомъ Австріи.

Такъ какъ славянскіе народы, принявшіе христіанство преимущественно съ востока, чужды Западу, а слѣдовательно и католическо-германской Австріи, то они могутъ примкнуть къ ней не иначе, какъ потерявъ свойственныя имъ черты ихъ оригинальнаго національнаго развитія и подчинившись вліянію католицизма и германской культуры. Очевидно, что ихъ интересы въ этомъ отношеніи прямо противоположны интересамъ Австріи. Добровольно подчиниться и позволить, такъ сказать, насиловать себя они не захотятъ, тѣмъ болѣе что и въ экономическомъ отношеніи преобладаніе Австріи сулитъ имъ весьма прискорбное будущее.

Съ другой стороны, по отношенію къ Россіи, вопросъ этотъ получаетъ совершенно иное освѣщеніе. Во-первыхъ, для насъ вышеупомянутые славянскіе народы полезны уже однимъ своимъ существованіемъ, уменьшая собою число нашихъ враговъ; во-вторыхъ, наши собственные интересы вовсе не требуютъ присоединенія къ намъ южно-славянскихъ земель. Напротивъ того, намъ желательно чтобы они развивались самостоятельно, находясь лишь съ нами въ

союзъ въ отношеніи политическомъ и экономическомъ и въ тѣсномъ единеніи въ отношеніи нравственномъ и умственномъ. Такимъ образомъ наши интересы вполне тождественны съ интересами другихъ Славянъ. Исключеніе могутъ составить только тѣ изъ нихъ, которые приняли христіанство съ запада и вошли безповоротно въ кругъ жизни западныхъ народовъ, да и то не всѣ, а собственно только одни Поляки.

Изъ вышесказаннаго не трудно видѣть, что интересы Россіи по отношенію къ южнымъ Славянамъ прямо противоположны интересамъ Австріи. Въ то время какъ Россія желаетъ полной само-бытности этихъ Славянъ, Австрія имѣетъ въ виду поработить ихъ, лишить ихъ вѣры предковъ и народнаго языка и эксплуатировать ихъ въ экономическомъ отношеніи.

Такая же точно противоположность интересовъ Россіи и Австріи существуетъ и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ народамъ, обитающимъ на Балканскомъ полуостровѣ, что можетъ быть весьма легко доказано исторіею возникновенія и развитія знаменитаго *восточнаго вопроса*, т. е. вопроса объ участи, которая должна постигнуть Балканскій полуостровъ послѣ исчезновенія Турціи съ карты Европы?

Какъ было изложено выше, Турція, со времени Вѣнскаго по-грома 1683 года, пріостановила свое наступательное движеніе въ Европу, а затѣмъ стала клониться къ упадку, постепенно ослабѣ-вая подъ ударами враговъ, изъ коихъ сильнѣйшимъ и опаснѣй-шимъ была Россія. Цѣлый рядъ войнъ между этими двумя держа-вами окончился въ общемъ выводѣ, плачевно для Турціи, которая почти каждый миръ, заключенный съ Россіею, оплачивала поте-рею болѣе или менѣе значительной части ея территоріи. Спраши-вается, почему же Россія, стремившаяся къ освобожденію Славянъ и вообще христіанъ изъ подъ турецкаго ига, столько разъ отка-зывалась отъ окончательнаго достиженія этой цѣли и ограничива-лась лишь присоединеніемъ той или другой непріятельской области? Отвѣтъ не труденъ: Россія не могла довести начатое ею дѣло до конца, такъ какъ всякій разъ, какъ только она готовилась нанести Турціи рѣшительный ударъ, тотчасъ же встрѣчала сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны многихъ враговъ явныхъ и тайныхъ, вслѣдствіе чего Россіи не оставалось болѣе ничего, какъ, возна-

градивъ себя за военные расходы присоединеніемъ части турецкой территоріи, откладывая рѣшеніе вопроса объ освобожденіи турецкихъ христіанъ до другаго болѣе удобнаго момента. Каковы же были мотивы, побуждавшіе выше упомянутыхъ враговъ Россіи, такъ ревниво оберегать цѣлость и неприкосновенность турецкой имперіи? Главнѣйшимъ изъ нихъ, если не единственнымъ, былъ испытываемый ими страхъ усиленія и безъ того уже могущественной Россіи. До нѣкоторой степени опасенія ихъ были основательны, такъ какъ, въ случаѣ изгнанія Турокъ изъ Европы Россіею, эта послѣдняя образовала бы на развалинахъ Турціи новыя единоплеменные или единовѣрные съ собою государства, которыя были бы ея естественными союзниками. При такомъ положеніи дѣлъ Россія безусловно первенствовала бы въ Европѣ. Если бы самыя закоренѣлыя враги Россіи могли приподнять завѣсу будущаго, то нарисованная нами картина нисколько бы ихъ не испугала, такъ какъ всякій безпристрастный судья долженъ признать, что, даже занимая преобладающее положеніе, Россія едва ли злоупотребляла бы своимъ могуществомъ. Но безпристрастныхъ критиковъ дѣятельности Россіи въ Западной Европѣ пока еще не было. Напротівъ того вся эта часть Европы относилась къ ней съ большимъ или меньшимъ предубѣжденіемъ и считала ее олицетвореніемъ политики захватовъ до безконечности. Поэтому не удивительно, что всѣ государства, заинтересованныя въ дѣлѣхъ наслѣдства имѣющей быть изгнанною изъ Европы Турціи, были убѣждены, что Россія намѣревается присвоить себѣ все это наслѣдство цѣликомъ (т. е. присоединить къ своимъ владѣніямъ всю европейскую Турцію), вслѣдствіе чего считали необходимымъ препятствовать ей въ достиженіи этой цѣли и отстоять во что бы то ни стало существованіе турецкой имперіи, какъ европейскаго государства, могущаго быть противовѣсомъ Россіи на хитросплетенныхъ вѣсахъ европейскаго политическаго равновѣсія. Что касается Россіи, то, не смотря на то, что правда находилась на ея сторонѣ, она была готова примириться даже съ существованіемъ этого противовѣса, т. е. съ сохраненіемъ на Балканскомъ полуостровѣ «status quo», но съ условіемъ существеннаго улучшенія быта христіанскихъ подданныхъ султана, что могло быть достигнуто посредствомъ надле-

жащихъ административныхъ реформъ въ европейскихъ областяхъ Турціи. Что мѣшало европейскимъ державамъ, выставившимъ себя поборниками идеи политическаго равновѣсія и въ то же время сторонниками справедливости и гуманности, признать основательность требуемаго Россіею условія и, поддерживавъ ее въ этомъ отношеніи, произвести вмѣстѣ съ нею воздѣйствіе на Турцію, добиться такимъ образомъ сноснаго для турецкихъ христіанъ «modus vivendi» и, рѣшивъ восточный вопросъ мирнымъ путемъ, устранить возможность новаго столкновенія Россіи съ Турціею? Отвѣтъ получается далеко не въ пользу враговъ Россіи. Изъ числа этихъ враговъ особеннаго вниманія заслуживаютъ Англія и Австрія. Первая была почти постояннымъ и въ то же время явнымъ врагомъ Россіи, явнымъ въ томъ смыслѣ, что она никогда не скрывала своей враждебности. Напротивъ того Австрія, никогда почти открыто не враждовавшая съ Россіею и почти всегда оффиціально состоявшая съ нею въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, была не менѣе постояннымъ, чѣмъ Англія, врагомъ Россіи, врагомъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что вражда эта не была явною и обнаруживалась только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда Россіи оставалось только, слѣдуя примѣру Юлія Цезаря, воскликнуть: «и ты, Брутъ, противъ меня».

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ враговъ Россіи, было еще нѣсколько второстепенныхъ (въ смыслѣ враждебности), или вѣрнѣе случайныхъ, такъ сказать, враговъ по недоразумѣнію. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежала по странному стеченію обстоятельствъ та самая великая держава, которая всегда пользовалась у насъ наибольшею симпатіею и популярностію, а именно Франція. Не смотря на то, что эта держава вела много войнъ съ Россіею, и что ея дипломатія почти всегда противодѣйствовала нашей, можно съ увѣренностію утверждать, что настоящей враждебности между обоими народами не было, и что даже столкновеніе интересовъ обоихъ государствъ было только кажущееся, происходившее главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что разныя французскія правительства неправильно понимали интересы своей страны или же, понимая ихъ надлежащимъ образомъ, дѣйствовали имъ въ ущербъ, преслѣдуя свои личныя эгоистическія цѣли. Едва ли необходимо доказывать на примѣръ, что во время войны 1853—56 годовъ, интересы Фран-

ціи вовсе не требовали участія ея въ этой войнѣ въ качествѣ нашего врага. Въ этомъ случаѣ Франція «вытаскивала изъ огня каштаны для Англіи». Виновникомъ этой непроеизводительной траты государственныхъ силъ и средствъ былъ исключительно Наполеонъ III, избравшій въ это время наше отечество козломъ отпущенія для своей эгоистической «политики приключеній».

Равнымъ образомъ къ числу нашихъ случайныхъ враговъ должна быть причислена Сардинія, превратившаяся позже въ Италію. Къ ней можно примѣнить почти все то же самое, что было сказано о Франціи. Предположивъ, что она правильно понимаетъ свои интересы, можно утверждать, что они не будутъ идти въ разрѣзъ съ интересами Россіи. Слѣдовательно, столкновение ея съ нами, уже раз случившееся, если еще повторится, то опять таки по недоразумѣнію.

Что касается Пруссіи, преобразовавшейся недавно въ Германію то о будущемъ судить трудно; прошедшее же даетъ лишь такіе факты, которые съ русской точки зрѣнія можно признать довольно отрадными или по меньшей мѣрѣ удовлетворительными. Благодаря родственнымъ связямъ и тѣсной дружбѣ между Государями и Царствующими Домами обѣихъ странъ и довольно правильному пониманію интересовъ этихъ странъ, традиціонная солидарность Россіи и Пруссіи являлась исключеніемъ изъ общаго правила, господствующаго въ дипломатіи, въ силу коего слова «дружба» и «вѣрность принятымъ на себя обязательствамъ» представлялись своего рода мнимыми величинами, введенными въ дипломатическій лексиконъ только для приличія. Правда, во время восточной войны 1853—56 годовъ, Пруссія не была нашимъ союзникомъ и не выручила насъ изъ бѣды, при чемъ даже шла рѣчь о томъ, чтобы привлечь ее на сторону Австріи. Но, во-первыхъ, Пруссія въ то время играла не очень важную роль и едва ли была бы въ силахъ оказать намъ достаточно сильную помощь, а слѣдовательно, не выручивъ насъ, только ухудшила бы свое положеніе. Во-вторыхъ, неизвѣстно еще, что предпринялъ бы въ рѣшительную минуту тогдашній Пруссійскій король, сынъ Фридриха Вильгельма III, такъ много обязаннаго Россіи. Можно сказать навѣрное, что онъ ни въ какомъ случаѣ не дѣйствовалъ бы противъ нея.

И такъ изъ всѣхъ европейскихъ державъ, принимавшихъ участіе

въ постепенномъ развитіи восточнаго вопроса, дѣйствительно въ немъ заинтересованы и безусловно намъ враждебны только двѣ: Англія и Австрія. Спрашивается, въ чемъ же заключаются ихъ интересы по отношенію къ восточному вопросу и какимъ образомъ выражалась ихъ враждебность къ Россіи? Начнемъ съ Англіи. Что могло побудить этотъ новый Кареагенъ въ болѣе крупномъ масштабѣ, державу по преимуществу морскую, идти противъ Россіи, державы по преимуществу континентальной? На это было двѣ причины, тѣсно связанныя между собою. Во-первыхъ Англія всегда выступала противъ той сухопутной державы, которая въ данный моментъ была сильнѣе прочихъ и стремилась или казалась стремящейся къ захвату гегемоніи въ Европѣ. Россію общественное мнѣніе въ Европѣ вообще и въ Англіи въ особенности, обвиняло въ систематическомъ стремленіи къ захвату всей европейской и части азіатской Турціи; послѣ чего и безъ того уже внушительное могущество Россіи усилилось бы еще болѣе и представляло бы возстановленіе римской имперіи въ колоссальныхъ и ужасающихъ размѣрахъ. Принимая эту гипотезу за аксіому, Англія не могла не бороться всѣми зависѣвшими отъ нея средствами противъ подобнаго политическаго пугала, такъ какъ въ случаѣ если бы Россія достигла этой мнимой своей цѣли, то, по всему вѣроятію, нѣсколько стѣснила бы Англію, привыкшую безцеремонно распоряжаться на всѣхъ моряхъ и морскихъ берегахъ и пожалуй даже стала бы угрожать владычеству Англичанъ въ Индіи, составляющей «лучшій бриллиантъ англійской короны». Кромѣ этой причины слишкомъ общаго свойства, создаваемой непонятною «пылкостью воображенія флегматичныхъ Англичанъ», была еще другая причина болѣе реальная и осязательная. Эта вторая и главная причина враждебности къ намъ Англіи заключалась въ томъ, что эта послѣдняя всюду искала рынковъ для сбыта своихъ произведеній. Очевидно, что страдавшая отсутствіемъ культуры обширная Турецкая имперія представлялась однимъ изъ лучшихъ рынковъ, который можно было эксплуатировать до безконечности. Между тѣмъ къ числу морей, омывавшихъ берега турецкихъ владѣній, принадлежало роковое Черное море, владычество надъ которымъ Турція раздѣляла съ Россією, при чемъ первѣсь былъ на сторонѣ послѣдней, но за то выходъ изъ этого

моря въ Средиземное море находился въ рукахъ Турціи. Выходъ этотъ составляли Константинопольскій и Дарданельскій проливы съ Мраморнымъ моремъ. Этотъ сравнительно небольшой участокъ турецкой прибрежной территоріи, вмѣстѣ съ находившеюся на берегу перваго изъ названныхъ проливовъ столицею Турціи Константинополемъ, очевидно имѣлъ для Россіи первостепенное значеніе въ торговомъ и вообще въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ по этому пути направлялась главнымъ образомъ морская торговля южной богатѣйшей части Россіи. Поэтому неудивительно, что Россія не могла бы помириться не только съ тѣмъ, чтобы названные проливы принадлежали враждебной ей державѣ, но даже съ превращеніемъ ихъ въ торговый рынокъ, на которомъ интересы какого-либо западно-европейскаго государства преобладали бы надъ ея интересами. Такимъ образомъ Россія угрожала торговлѣ Англіи съ обширными владѣніями султана, вслѣдствіе чего меркантильная Англія считала своимъ долгомъ систематически противодѣйствовать Россіи вездѣ и во всемъ, бить тревогу въ случаѣ хотя бы малѣйшаго ея вмѣшательства въ дѣла Турціи вообще и балканскихъ христіанъ въ особенности и отстаивать существованіе турецкой имперіи, какъ «*conditio sine qua non*» воображаемаго политическаго равновѣсія, которое однако существенно нарушалось вліяніемъ самой Англіи и ея союзниковъ на Турцію.

Но какъ бы силенъ ни былъ антагонизмъ Англіи съ Россіею по отношенію къ восточному вопросу, онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ имѣть столь роковаго для насъ значенія, какъ затаенная зависть и вражда къ намъ же со стороны Австріи.

Выше было объяснено, какой политики придерживалась эта держава по отношенію къ своимъ многочисленнымъ славянскимъ подданнымъ. Стремясь къ ихъ денационализированію и вообще третируя ихъ въ качествѣ расы, осужденной на вѣчное подчиненіе, Австрія не желала образованія близъ ея границъ независимыхъ или хотя бы полунезависимыхъ славянскихъ государствъ, примѣръ самостоятельной народной жизни которыхъ могъ заразительнымъ образомъ дѣйствовать на австрійскихъ Славянъ и побудить ихъ къ болѣе или менѣе опаснымъ для габсбургской монархіи національнымъ движеніямъ. Между тѣмъ Россія, на которую обращались взоры всѣхъ

турецкихъ и большей части австрійскихъ Славянъ, не удовольствовавшись покровительствомъ отстоявшей свою независимость Черногоріи, приняла весьма дѣятельное участіе въ освобожденіи Греціи, утвердила свой протекторатъ надъ Молдавіею и Валахіею и въ довершеніе всего вынудила Турцію къ образованію автономнаго славянскаго княжества — Сербіи. Освобожденіе Греціи не было пріятно Австріи, но съ нимъ она еще могла помириться. Протекторатъ Россіи надъ Молдавіею и Валахіею уже былъ гораздо опаснѣе, такъ какъ распространялъ сферу непосредственнаго вліянія Россіи до Дуная, на которомъ Австрія желала бы безусловно господствовать. Кромѣ того, автономія Молдавіи и Валахіи могла возбудить національное движеніе между соплеменными имъ австрійскими Румынами, населявшими Трансильванію и часть Венгріи. Что касается Черногоріи, то ее Австрія терпѣла, какъ неизбежное зло. Наконецъ образованіе сербскаго княжества стояло поперекъ горла Австріи, такъ какъ не могло не возбудить въ австрійскихъ Сербахъ желанія соединиться съ ихъ братьями, Сербами княжества. Все же вышесказанное, вмѣстѣ взятое, могло побудить не только Сербовъ, но и другихъ Славянъ и вообще всѣ народы, входившіе въ составъ габсбургской монархіи, но не пользовавшіеся равноправностію съ Нѣмцами, къ возстанію. Подобное возстаніе окончилось бы распаденіемъ Австріи, что доказывается примѣромъ 1848 года, когда Австріи удалось спастись отъ гибели только благодаря помощи Россіи, и отчасти благодаря контръ-революціи Хорватовъ, венгерскихъ Сербовъ и трансильванскихъ Румынъ, которые возстали противъ Венгровъ. Хотя исключительно Славяне спасли на этотъ разъ Австрію, тѣмъ не менѣе она отплатила имъ неблагодарностію и сдѣлала это потому, что опасалась своихъ спасителей и не довѣряла имъ. Не довѣряла же она имъ потому, что ее въ то время уже началъ душить тяжелый кошмаръ въ образѣ панславизма, политическаго пугала, явившагося слѣдствіемъ восточнаго вопроса. Идея панславизма заключалась въ созданіи политическаго идеала — объединенія всѣхъ Славянъ подъ главенствомъ великой славянской державы Россіи. Примѣненіе этой идеи къ дѣлу варьируется различно различными политическими дѣятелями; но замѣчательно, что большая часть Славянъ съ Русскими во главѣ высказывается преимущественно въ пользу

нравственного, умственного и вообще духовнаго единенія и союза въ политико-экономическомъ отношеніи, основаннаго на уваженіи правъ даже небольшихъ славянскихъ народностей, тогда какъ меньшинство Славянъ съ Поляками во главѣ и почти вся Западная Европа утверждаютъ, что Россія стремится къ присоединенію всѣхъ славянскихъ земель къ своимъ владѣніямъ. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ панславизмъ, въ первомъ ли или во второмъ видѣ безразлично, болѣе всего угрожаетъ Австріи, которая въ обоихъ случаяхъ превратилась бы во второстепенную державу или пожалуй даже исчезла бы съ политической карты Европы. Въ силу послѣдняго соображенія Австрія считала сообразною со своими жизненными интересами слѣдующую политическую программу: *«Ослаблять всеми силами Россію, этотъ оплотъ панславизма и энергически противодействовать ей въ ея стремленіи къ освобожденію балканскихъ Славянъ и вообще христіанъ изъ подъ турецкаго ига, для чего поддерживать принципъ неприкосновенности турецкой имперіи, въ случаѣ же невозможности спасти Турцію не допускать образованія на Балканскомъ полуостровѣ славянскихъ или вообще восточно-христіанскихъ государствъ, которые находились бы подъ вліяніемъ Россіи, вмѣсто чего подчинить все подобныя государства своему вліянію»*. Этотъ послѣдній планъ пріобрѣлъ особенное значеніе и силу послѣ изгнанія Австріи изъ Германіи въ 1866 году; съ тѣхъ поръ, постоянно развиваясь, онъ на нашихъ глазахъ привелъ Австрію къ политикѣ, находящейся въ прямомъ противорѣчій съ ея всегдашнею политикою относительно ея славянскихъ подданныхъ, а именно къ увеличенію своихъ владѣній посредствомъ присоединенія къ нимъ славянскихъ областей Турціи, т. е. къ усиленію въ своемъ народонаселеніи и безъ того уже многочисленнаго и «неблагонадежнаго съ австрійской точки зрѣнія славянскаго элемента».

Такимъ образомъ между политикою Россіи и Австріи вообще и по отношенію къ восточному вопросу въ особенности, существовала діаметральная противоположность: въ то время какъ Австрія подкапывалась подъ Россію, Россія наоборотъ относилась къ Австріи съ истинною дружбою и даже спасла ее отъ гибели; въ то время какъ Австрія сочувствовала угнетенію балканскихъ Славянъ и вообще

христіанъ Турцію, Россія наоборотъ стремилась къ ихъ освобожденію; въ то время какъ Россія не стремилась къ территоріальнымъ захватамъ и если и вынуждала Турцію къ уступкѣ ей различныхъ земель, то лишь вслѣдствіе невозможности добиться отъ нея иного вознагражденія за пролитые потоки русской крови, Австрія только и мечтала объ увеличеніи своихъ владѣній хотя бы на счетъ отстаиваемой ею же Турціи и если не приводила прежде этой мечты въ исполненіе, то лишь вслѣдствіе недостатка необходимыхъ для сего силъ, средствъ и обстоятельствъ.

Изъ вышеизложеннаго не трудно видѣть, что интересы Австріи, по отношенію къ восточному вопросу, были почти тождественны съ интересами Англіи, вслѣдствіе чего обѣ эти державы всегда препятствовали Россіи въ ея стремленіи къ рѣшенію упомянутаго вопроса. Но, какъ было выше сказано, Англія не скрывала своей враждебности, тогда какъ Австрія, почти всегда состоявшая съ Россією въ дружественныхъ отношеніяхъ, съ одной стороны извлекала изъ этихъ отношеній всевозможную пользу, а съ другой, старалась вредить Россіи при всякомъ удобномъ къ тому случаѣ.

Доказательствами подобнаго отношенія къ намъ Австріи могутъ служить слѣдующіе историческіе факты:

1) Принятіе царемъ Петромъ Великимъ титула императора сильно встревожило Вѣнскій кабинетъ, который сначала было даже не хотѣлъ признать этого титула.

2) Блестящіе подвиги русскихъ войскъ во время войны съ Турцією 1736—39 годовъ не принесли Россіи никакой пользы, такъ какъ почти всѣ наши завоеванія были возвращены Туркамъ. Въ этомъ можно винить всѣхъ вообще тогдашнихъ враговъ Россіи, въ числѣ коихъ Австрія занимала одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ, хотя и умѣла искусно скрывать эту вражду.

3) Императрица Екатерина II неоднократно убѣдилась въ ревнивой зависти Австріи къ распространенію нашего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, причѣмъ зависть эта была одною изъ причинъ раздѣла Польши.

4) Въ этомъ же и еще въ худшемъ убѣдился и Императоръ Николай I-й во время войны 1853—56 годовъ, когда спасенная имъ же незадолго до того Австрія присоединилась къ его врагамъ, вынудила

Россію къ очищенію дунайскихъ княжествъ, и такимъ образомъ много содѣйствовала нашей неудачѣ и успѣхамъ враждебной намъ коалиціи.

Эта политика Австріи была оцѣнена по достоинству русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое весьма вѣрно опредѣлило роль Австріи по отношенію къ восточному вопросу слѣдующими словами, приписываемыми одному изъ нашихъ полководцевъ, но вошедшими въ сознаніе всѣхъ русскихъ людей: «путь въ Константинополь долженъ быть избранъ черезъ Вѣну». Смыслъ этого въ высшей степени мѣткого выраженія, заключается въ томъ, что, желая освободить турецкихъ Славянъ и вообще христіанъ, необходимо прежде всего лишить Австрію ея угрожающаго по отношенію къ Славянамъ значенія.

Новыя доказательства справедливости приведеннаго ходячаго мнѣнія явились во время послѣдней восточной войны 1877—78 годовъ, бывшей продолженіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ описываемой нами сербско-турецкой войны 1876 года. Эта послѣдняя война была предшествуема своего рода прологомъ, возстаніемъ христіанскаго сербскаго населенія Босніи и Герцеговины противъ Турокъ, вспыхнувшимъ въ 1875 году, съ котораго мы и начнемъ нашъ разсказъ.

Возстаніе это поставило на очередь *сербскій вопросъ*, составлявшій часть восточнаго вопроса и сводившійся на первыхъ порахъ къ улучшенію участи Сербовъ, находившихся подъ властью Турціи, впослѣдствіи же къ совершенному ихъ освобожденію, къ такому же освобожденію ихъ родныхъ братьевъ австрійскихъ Сербовъ и къ политическому объединенію всѣхъ сербскихъ земель въ одно великое государство, какимъ была нѣкогда Сербія во времена господства династіи Неманей.

ГЛАВА II.

Турція въ 1875 году представляла организмъ разлагавшійся. Въ умственномъ отношеніи въ ней господствовало невѣжество, въ нравственномъ — преобладали грубая сила и варварство почти въ первобытномъ видѣ, наконецъ въ религіозномъ отношеніи вѣроисповѣданія, которыя вполнѣ мирятся съ цивилизаціею, были угнетаемы

дикимъ фанатизмомъ, приравнивавшимъ послѣдователей другихъ религій къ животнымъ. Короче говоря, невѣжественное и дикое мусульманское меньшинство господствовало надъ угнетеннымъ христіанскимъ большинствомъ. Лучшимъ доказательствомъ несправедливости господства Турокъ надъ подвластными имъ христіанскими народами является краснорѣчіе цифръ. По свидѣтельству Рюстова ¹⁾ изъ 18,000,000 населенія Европейской Турціи, считая съ вассальными княжествами включительно, Турокъ было всего лишь 2,100,000, Славянъ, т. е. Сербовъ и Болгаръ, 6,200,000, Румынъ 4,000,000, Албанцевъ 1,500,000, Грековъ 1,000,000 и Армянъ 400,000. Такимъ образомъ господствовавшее племя составляло всего лишь $\frac{1}{9}$ народонаселенія. Немногимъ лучше было распредѣленіе того же населенія въ отношеніи религіозномъ, а именно: магометанъ (въ томъ числѣ не менѣе $\frac{1}{3}$ Славянъ) было 4,550,000, православныхъ же христіанъ 12,000,000. Такимъ образомъ число послѣдователей господствующей религіи не превышало $\frac{1}{4}$ всего населенія; въ то же время число послѣдователей сильнѣйшаго изъ угнетенныхъ вѣроисповѣданій составляло $\frac{2}{3}$ того же населенія. И такъ численное превосходство находилось на сторонѣ Славянъ и вообще христіанъ, вслѣдствіе чего владычество Турокъ и вообще мусульманъ не было прочно. Къ Турціи было вполне примѣнимо мѣткое выраженіе «больной человѣкъ», приписываемое Императору Николаю I. Дѣйствительно государственный организмъ Турціи страдалъ множествомъ трудныхъ болѣзней, имѣвшихъ слѣдствіемъ сильнѣйшее его разстройство и истощеніе силъ. Эти болѣзни проявлялись между прочимъ въ видѣ цѣлаго ряда возстаній, происходившихъ постоянно то въ одной, то въ другой части государства. Причины этихъ возстаній были большею частью экономическія. Населенію той или другой области не было возможности жить подъ страшнымъ гнетомъ притѣснителей, выжимавшихъ у него послѣдній грошъ и не щадившихъ

¹⁾ Der Krieg in der Türkei. Zustände und Ereignisse auf der Balkanhalbinsel in den Jahren 1875 und 1876. Von W. Rüstow. Цифры, приводимыя Рюстовымъ въ этомъ сочиненіи, не сходятся съ таковыми же цифрами, приводимыми русскими писателями. Одинъ изъ послѣднихъ (см. Русскій Вѣстникъ 1876 года за май, стр. 23) опредѣляетъ численность Болгаръ въ Европейской Турціи съ вассальными княжествами въ 5,000,000, Сербовъ въ Турціи 1,700,000 и въ Сербіи 1,125,000, а всего Славянъ 7,825,000 т. е. на 1,625,000 болѣе, чѣмъ по вычисленію Рюстова.

ни жизни, ни чести злополучной «райи». Не видя лучшаго выхода из своего безотраднaго положенiя, населенiе, которому терять было нечего, бралось за оружье съ тѣмъ, чтобы отвоевать себѣ лучшiя условiя быта, т. е. возможность болѣе или менѣе сноснаго существованiя. Подобными причинами было вызвано возстанiе христiанскаго сербскаго населенiя Боснiи и Герцеговины, вспыхнувшее лѣтомъ 1875 года и продолжавшееся до лѣта слѣдующаго года, когда на сторону возставшихъ стали единоплеменные имъ княжества Сербiя и Черногорiя. Вмѣшательство княжествъ можно было предвидѣть съ самаго начала возстанiя вслѣдствiе того, что населенiе Боснiи и Герцеговины принадлежало къ тому же сербскому племени, которое обитало въ обоихъ названныхъ княжествахъ. Правительствамъ сербскому и черногорскому трудно было сдерживать свои народы, желавшiе помочь своимъ братьямъ Боснякамъ и Герцеговинцамъ. Въ особенности это справедливо по отношенiю къ Черногорцамъ, которые поголовно рвались въ бой. Что же касается Сербовъ, то хотя они и не были такъ воодушевлены, какъ Черногорцы, но нельзя не имѣть въ виду, что тогдашнее сербское правительство состояло изъ лицъ, принадлежавшихъ къ партiи, которая стремилась къ возрожденiю Сербiи во всѣхъ отношенiяхъ и къ возстановленiю ея прежней славы и могущества. До войны въ народѣ сербскомъ не замѣчалось особеннаго нежеланiя идти въ бой. Противъ войны была только оппозицiя, которая въ то время не пользовалась популярностью. Такимъ образомъ большинство Сербовъ княжества со своимъ правительствомъ во главѣ было настроено въ пользу войны. Въ этомъ же духѣ высказывалось и общественное мнѣнiе венгерской Сербiи, тѣсно связанной съ княжествомъ, не смотря на свою принадлежность къ государству, отличавшемуся своею враждебностью къ Славянамъ вообще и къ Сербамъ въ особенности.

И такъ всѣ сербскiя земли были оживлены однимъ и тѣмъ же національнымъ духомъ и воодушевленiемъ: Босняки и Герцеговинцы, выступившiе передовыми бойцами за сербское дѣло, изнемогали въ неравной борьбѣ противъ турокъ; Сербы княжества и доблестные сыны Черной Горы готовились идти имъ на выручку; австро-венгерскiе Сербы сочувствовали своимъ братьямъ всею душою, помогали имъ деньгами и отчасти усиливали собою ихъ ряды; наконецъ

старо-сербы также готовы были присоединиться къ общенародному движенію, выжидали прибытія избавителей, Сербовъ и Черногорцевъ, и отчасти также поступали въ ряды уже сражавшихся и готовившихся сражаться своихъ братьевъ. Казалось, что приближался часъ возмездія за Косово-поле, что было тѣмъ болѣе вѣроятно, что боевой кликъ, раздавшійся среди сербскаго народа, нашелъ себѣ могущественный отголосокъ во всей почти стомилліонной славянской семьѣ отъ Ледовитаго океана до Чернаго и Адриатическаго морей. Конечно во всѣхъ славянскихъ земляхъ было не мало противниковъ готовившейся войны, считавшихъ сербскій и даже славянскій вопросы маловажными или несвоевременно возбужденными, но громадное большинство Славянъ искренно сочувствовало сербскому народу и доблестнымъ борцамъ за его освобожденіе отъ тяжелаго и постыднаго ига. Это сочувствіе выразилось въ видѣ денежной и вообще матеріальной помощи, и въ видѣ снаряженія нѣсколькихъ тысячъ офицеровъ и солдатъ, устремившихся добровольно въ ряды Сербовъ и составлявшихъ впослѣдствіи ядро боевой сербской арміи. Конечно наибольшая доля помощи, оказанной Сербамъ соплеменными имъ Славянами, была получена ими изъ Россіи, но справедливость требуетъ разясненія, что въ числѣ славянскихъ добровольцевъ, устремившихся въ Сербію, были представители всѣхъ славянскихъ народностей, не исключая даже и Поляковъ, причемъ послѣдніе принадлежали по преимуществу къ числу русскихъ подданныхъ. Кромѣ славянскихъ добровольцевъ въ рядахъ Сербовъ дрались и представители почти всѣхъ европейскихъ народовъ, но сравнительно въ небольшомъ числѣ. Наболѣе усиленное движеніе въ Сербію славянскихъ добровольцевъ вообще и русскихъ въ особенности, происходило уже во время самой сербско-турецкой войны, но передъ войною не только добровольцевъ, но вообще Русскихъ въ Сербіи было весьма мало. Равнымъ образомъ ихъ было немного среди возставшихъ и уже сражавшихся Босняковъ и Герцеговинцевъ. Вообще въ то время въ русскомъ обществѣ симпатія къ этимъ послѣднимъ, а равно и ко всему сербскому народу далеко еще не достигла крайняго своего напряженія. Во всякомъ случаѣ искренность этой симпатіи не подлежала сомнѣнію и нисколько не умалялась тѣмъ равнодушіемъ и даже своего рода непріязненностью, съ которыми отнеслось къ серб-

скому вопросу меньшинство русского общества. Какія соображенія руководили этимъ меньшинствомъ, сказать трудно. Газета «Голосъ», игравшая первую роль въ печати этого лагеря, произносила относительно восточнаго вопроса различныя замысловатыя сужденія, въ общемъ же утверждала, что Россіи надлежитъ, не выходя изъ роли участника «европейскаго концерта», стараться совмѣстно съ другими великими державами «локализовать» вспыхнувшее въ Босніи и Герцеговинѣ возстаніе, не дать ему разростись и убѣдить Босняковъ и Герцеговинцевъ въ необходимости принести повинную и снова подчиниться всѣмъ «благамъ» турецкаго управленія.

Но, несмотря на то, что вышеупомянутая газета была тогда очень распространена, большинство русского общества, не исключая и читателей «Голоса», чувствовало инстинктивно въ этихъ громкихъ фразяхъ какую-то фальшь и естественно склонялось на сторону печати противнаго «Голосу и К^о» лагеря, которая, хотя и нерѣдко увлекалась и даже отчасти заговаривалась, но тѣмъ не менѣе не шла въ разрѣзъ съ тѣмъ, что чувствовалъ тогда въ своемъ сердцѣ всякій Русскій, искренно любившій свою родину и не считавшій необходимымъ идти «на безусловное поклоненіе на Западъ».

Интересно было въ то время прислушиваться къ различнымъ „мнѣніямъ и теченіямъ“, высказывавшимся и проявлявшимся въ нашемъ обществѣ и сравнивать ихъ между собою.

Мнѣ пришлось быть въ С.-Петербургѣ съ августа по октябрь 1875 года, т. е. вскорѣ послѣ начала Боснійско-Герцеговинскаго возстанія. Чего только не довелось мнѣ видѣть и слышать въ эти два съ половиною мѣсяца? Начиная отъ презрительныхъ пожиманій плечами и глубокомысленныхъ или покровительственно-нисходительныхъ сожалѣній о „какихъ-то Боснякахъ, Герцеговинцахъ и Сербсахъ“ и кончая возгласами „за Дунай шагомъ—маршъ“. Начиная отъ осторожно высказываемыхъ сомнѣній и недоумѣній о томъ, гдѣ живутъ Босняки и Герцеговинцы, въ Европѣ или въ Азіи, и кончая вопросомъ: „а что, какъ вы думаете, въ этомъ ли году или въ будущемъ князь сербскій будетъ короноваться короною Стефана VI Душана Сильнаго?“ Наконецъ, начиная отъ причисленія разсужденій о Боснякахъ и Герцеговинцахъ и вообще о сербскомъ вопросѣ къ разряду, обозначаемому двумя французскими словами

„mauvais genre“, и кончая сѣтованіями на то, что „окаянные христопродавцы турки, владѣющіе гробомъ Господнимъ, обижаютъ и убиваютъ православныхъ христіанъ и всячески ругаются надъ святою православною вѣрою“. Какъ разобраться среди этого водоворота различнаго рода вѣній, мнѣній, взглядовъ и убѣжденій? Для этого было два способа. Труднѣйшій способъ заключался въ изученіи исторіи Россіи вообще и участія ея въ развитіи восточнаго вопроса въ особенности. Способъ этотъ давалъ возможность опредѣлить историческое значеніе сербскаго и вообще славянскаго вопроса съ русской точки зрѣнія и въ зависимости отъ этого применить къ тому или другому направленію. Но этотъ способъ былъ доступенъ только для весьма немногихъ русскихъ людей, а именно для тѣхъ, которые были болѣе или менѣе основательно знакомы съ исторіею. Большинство же русскаго общества шло въ этомъ случаѣ ощупью и принимало на вѣру то, что ему казалось болѣе симпатичнымъ, доказательствомъ чего являлась аргументація слѣдующаго рода: „Андрей Александровичъ говоритъ, что мы должны вторить во всемъ Европѣ, но Андрею Александровичу иногда нельзя вѣрить, и по-сему ясно, что мы должны дѣйствовать независимо отъ Европы, т. е. выразивъ открыто наше сочувствіе Боснякамъ, Герцеговинцамъ и другимъ турецкимъ Славянамъ, помочь имъ всѣми средствами, находящимися въ нашемъ распоряженіи“.

Какъ бы тамъ ни было, какими бы способами ни развивалась въ русскомъ обществѣ симпатія къ борцамъ за освобожденіе сербскаго народа, во всякомъ случаѣ нельзя не считаться съ этою симпатіею, которая должна быть признана весьма важнымъ факторомъ въ исторіи развитія сербскаго и вообще славянскаго вопроса.

Такая оцѣнка этой симпатіи, по всему вѣроятію, была произведена тогда же, въ 1876 году, въ правительственныхъ сферахъ нашего отечества, доказательствомъ чего является тотъ фактъ, что правительство наше, соблюдая съ своей стороны строжайшій нейтралитетъ, по отношенію къ происходившей на Балканскомъ полуостровѣ борьбѣ, нисколько не задерживало русскихъ людей, желавшихъ сражаться въ рядахъ Сербовъ. Изъ этого правила не были исключаемы и офицеры и вообще лица, находившіяся на русской службѣ, но по отношенію къ этимъ послѣднимъ было установлено одно весьма

важное съ международной точки зрѣнія условіе: подобныя лица должны были прежде всего подать установленнымъ порядкомъ прошенія объ увольненіи отъ службы, а затѣмъ уже отправляться на Балканскій полуостровъ въ качествѣ частныхъ лицъ, за дѣйствія которыхъ правительство не отвѣчало ¹⁾. Въ этомъ случаѣ наше правительство не боялось упрековъ въ нарушеніи нейтралитета, такъ какъ могло сослаться на весьма краснорѣчивый въ данномъ отношеніи прецедентъ, а именно на двусмысленное положеніе англійскихъ офицеровъ, находившихся на дѣйствительной службѣ въ турецкой арміи и числившихся въ тоже время по спискамъ въ арміи „Ея Британскаго Величества“.

Разрѣшеніе, данное правительствомъ русскому обществу, открыто высказывать свое сочувствіе къ Боснякамъ, Герцеговинцамъ и Сербамъ, въ свою очередь имѣло весьма важное значеніе, такъ какъ сообщило русскому обществу увѣренность въ томъ, что оно ни въ чемъ не нарушаетъ достоинства Россіи, но напротивъ того дѣйствуетъ вполне согласно съ ея историческою миссією ²⁾. Поэтому не удивительно, что возбужденіе русскаго общества все болѣе и болѣе усиливалось. Въ такомъ же состояніи находились и другія славянскія земли за малыми исключеніями. И такъ, въ 1876 году почти весь славянскій міръ находился въ состояніи сильнѣйшаго броженія и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ слѣдилъ за все болѣе и болѣе разгоравшейся борьбой сравнительно слабой части сербскаго народа съ однимъ изъ обширнѣйшихъ государствъ Стараго Свѣта.

¹⁾ Это условіе исполнялось весьма строго. Авторъ настоящихъ воспоминаній испыталъ это на себѣ, когда по возвращеніи изъ Сербіи былъ подвергнутъ 14-дневному аресту за несоблюденіе установленныхъ закономъ формальностей при отъѣздѣ въ отпускъ, разрѣшенный впродъ до увольненія въ отставку.

²⁾ Авторъ настоящихъ воспоминаній испыталъ это на себѣ. Онъ былъ въ Сербіи въ качествѣ туриста въ апрѣлѣ 1876 года, но не поступилъ тогда же въ сербскую армію и вернулся въ Россію. Отсюда онъ вторично отправился въ Сербію уже въ качествѣ добровольца въ августѣ того же года, когда съ одной стороны сербскому дѣлу начала угрожать явная опасность и раздался призывъ генерала Черняева, съ другой же стороны, когда сдѣлался извѣстнымъ результатъ аудіенціи, данной покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ II англійскому послу, сводившійся къ тому, что Его Величество, выразивъ твердое намѣреніе соблюдать нейтралитетъ, изволилъ заявить, что не считаетъ нужнымъ задерживать офицеровъ Своей арміи, желающихъ отправиться въ Сербію, если только они исполняютъ условіе выхода въ отставку.

Если таково было настроеніе славянскихъ народовъ, не заинтересованныхъ непосредственно въ этой борьбѣ, то что же происходило въ княжествахъ Сербіи и Черногоріи, родные братья которыхъ протягивали къ нимъ руки, прося помощи. Очевидно, что возбужденное народное чувство не могло успокоиться. Сердце должно было восторжествовать надъ разсудкомъ. И Черногорцы и Сербы понимали, что силы ихъ далеко уступаютъ силамъ, которыми могла въ то время располагать турецкая имперія.

Но и тѣ и другіе считали малодушіемъ и даже низостью покинуть на произволъ судьбы возставшее противъ вѣковыхъ притѣснителей родственное имъ населеніе Босніи и Герцеговины, говорившее тѣмъ же сербскимъ языкомъ и исповѣдывавшее ту же православную вѣру.

Въ виду подобнаго настроенія сербскаго и черногорскаго народовъ, правительства ихъ, въ началѣ старавшіяся дѣйствовать сообразно съ рѣшеніями «европейскаго концерта», въ послѣдствіи усвоили себѣ народную точку зрѣнія и стали готовиться къ войнѣ.

Такое рѣшеніе названныхъ правительствъ едва ли подлежить осужденію. Государства и народы имѣютъ свою честь, свой „point d'honneur“. Возстаніе Босняковъ и Герцеговинцевъ затронуло именно этотъ „point d'honneur“ Сербіи и Черногоріи. Мало того, оно затронуло ихъ существенные и жизненные интересы. Поэтому оба княжества не могли не стать на сторону возставшихъ, вслѣдствіе чего рѣшеніе ихъ правительствъ исполнить желанія своихъ народовъ приносить величайшую честь ихъ патріотизму.

Резюмируя все вышеизложенное, можно вывести заключеніе, что разъ какъ Турція не соглашалась на существенное и дѣйствительное улучшеніе участи Босняковъ и Герцеговинцевъ, то война между нею и княжествами Сербіею и Черногоріею была неминуема.

Послѣ сказаннаго можно, пропустивъ изложеніе дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ началу войны, отмѣтить лишь тотъ фактъ, что война эта была объявлена княжествами 20 іюня (2 іюля) 1876 года.

ГЛАВА III.

Княжество Сербское, поверхность котораго въ 1876 году занимала 791 кв. м., только съ сѣвера и отчасти съ сѣверо-востока граничило съ нейтральными государствами Австро-Венгрією и Румынією, съ остальныхъ же трехъ сторонъ, востока, юга и запада, его охватывали турецкія владѣнія.

Австро-сербскую границу составляли: рѣка *Дунай* на протяженіи 196 верстѣ отъ Желѣзныхъ Воротъ до впаденія Савы у Бѣлграда, а затѣмъ рѣка *Сава* на протяженіи 134 верстѣ отъ Бѣлграда до впаденія въ нее рѣки *Дрины*.

Сербско-румынскую границу составляла рѣка *Дунай* на протяженіи 94 верстѣ отъ Желѣзныхъ Воротъ до впаденія рѣки *Тимока*.

Восточная сербско-турецкая граница, около 90 верстѣ, шла сначала по рѣкѣ *Тимоку*, а затѣмъ по „*Заплавацкой планинѣ*“ почти прямо на югъ къ горному проходу св. Николая.

Южная граница, около 310 верстѣ, направлялась отъ истоковъ рѣки *Тимока* черезъ долину рѣки *Болгарской Моравы* по гребнямъ планинъ „*Ястребацъ, Лепенацъ, и Конаоникъ*“; затѣмъ пересѣкала долину рѣки *Ибара* близъ Новаго Базара, послѣ чего шла по гребнямъ планинъ „*Голья и Яворъ*“ и по рѣкѣ *Увацъ*, а отъ этой послѣдней черезъ планину „*Златиборъ*“ къ рѣкѣ *Дринѣ*.

Наконецъ западную сербско-турецкую границу на протяженіи 156 верстѣ составляла рѣка *Дрина*, отъ Растипте близъ Вышеграда до впаденія ея въ Саву.

Вслѣдствіе столь значительнаго протяженія пограничной черты и въ связи съ другими мѣстными условіями, столкновеніе Сербовъ съ Турками могло послѣдовать на четырехъ участкахъ или театрахъ военныхъ дѣйствій: 1) на рѣкѣ *Тимокѣ*, 2) въ долинѣ рѣки *Болгарской Моравы*, 3) въ долинѣ рѣки *Ибара* и на *Яворъ-планинѣ* и 4) на рѣкѣ *Дринѣ*.

Первые два театра военныхъ дѣйствій, *тимокскій* и *моравскій*, а въ особенности послѣдній, имѣли бы для Сербовъ весьма важное значеніе, какъ при оборонительномъ, такъ и при наступательномъ

образъ дѣйствій, но при маломальски безпристрастной оцѣнкѣ какъ ихъ свойствъ, такъ и всей тогдашней обстановки, нельзя не признать, что оба эти театра въ данномъ случаѣ, съ сербской точки зрѣнія, годились только для оборонительной войны, такъ какъ несообразность силъ Сербіи и Турціи была настолько велика, что развѣ только самые крайніе оптимисты могли бы допускать возможность наступленія Сербовъ на турецкую территорию по операціоннымъ направленіямъ, пересѣкавшимъ названные театры войны. Напротивъ того, *ибарскій* или старо-сербскій и *дринскій* или боснійскій театры военныхъ дѣйствій, могли быть съ надеждою на успѣхъ избраны сербами для вторженія въ предѣлы Турціи, такъ какъ этому благопріятствовали слѣдующія обстоятельства: 1) Югозападная сербско-турецкая граница (отъ рѣки Ибара до р. Дрины) пролегла въ весьма близкомъ разстояніи отъ турецко-черногорской границы, отъ 50 до 60 верстъ, вслѣдствіе чего Боснія и Герцеговина были отдѣлены Сербіею и Черногоріею отъ другихъ областей европейской Турціи и соединялись съ ними посредствомъ узкой полосы, Ново-Базарскаго санджака; такимъ образомъ политико-географическія условія были въ этомъ случаѣ въ пользу княжествъ Сербіи и Черногоріи, которыя могли, войдя въ тѣсную связь между собою въ долинѣ рѣки Лима, отрѣзать Турцію отъ Босніи и Герцеговины и завоевать обѣ эти области; 2) наступательныя операціи Сербовъ и Черногорцевъ въ Босніи и Герцеговинѣ значительно облегчались бы помощью, которую оказывало бы имъ возставшее противъ Турокъ сербское населеніе этихъ областей, которое уже почти цѣлый годъ вело геройскую борьбу и приняло бы своихъ родныхъ братьевъ Сербовъ и Черногорцевъ съ распростертыми объятіями.

Такимъ образомъ обстановка, исключавшая возможность серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій на восточномъ и юго-восточномъ театрахъ войны, благопріятствовала веденію таковыхъ дѣйствій на западныхъ театрахъ, но требовала при этомъ полнаго согласія между Сербіею и Черногоріею. Оба княжества должны были дѣйствовать на основаніи одного общаго плана, который вытекалъ бы изъ общности ихъ интересовъ. При этомъ надлежало отбросить въ сторону всякіе мелочные счеты и соображенія, бывшія причинами взаимной ревности и зависти къ распространенію вліянія другаго въ Босніи и

Герцеговинѣ. При такомъ образѣ дѣйствій Сербія и Черногорія имѣли бы много шансовъ къ тому, чтобы освободить всю Боснію и Герцеговину и раздѣлить ихъ между собою по взаимному соглашенію, сообразно съ желаніями ихъ народонаселенія. Между тѣмъ оказалось, что западные театры военныхъ дѣйствій были признаны Сербією безусловно второстепенными, главное же вниманіе было обращено на юго-восточный или моравскій театръ войны. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ послѣдній театръ имѣлъ выдающееся значеніе съ точки зрѣнія оборонительной, такъ какъ съ этой стороны можно было ожидать наступленія главныхъ силъ Турокъ, но нельзя не удивляться тому, что этотъ же моравскій театръ войны былъ признанъ сербскимъ правительствомъ главнымъ съ точки зрѣнія войны наступательной. Это послѣднее рѣшеніе было бы цѣлесообразно только въ случаѣ соразмѣрности силъ Сербіи и Турціи или въ случаѣ, если бы Сербія дѣйствовала въ союзѣ съ какою-либо могущественною державою (напримѣръ съ Россією), но рѣшаться вести наступательную войну противъ Турціи въ ея болгарскихъ областяхъ при обстановкѣ 1876 года, было крайне неблагоприятно. Такое рѣшеніе могло сравняться только съ подобнымъ же рѣшеніемъ французской главной квартиры въ 1870 году. Оба эти рѣшенія были основаны на данныхъ фантастическаго свойства. Въ 1870 году французская главная квартира надѣялась на нравственное впечатлѣніе, которое будетъ произведено быстрымъ сборомъ немобилизованныхъ французскихъ войскъ, на храбрость этихъ войскъ, на вѣроятность присоединенія къ Франціи южно-германскихъ государствъ и наконецъ на помощь Австріи и Италіи. Почти всѣ эти надежды оказались неосновательными. Только одна храбрость французскихъ войскъ принадлежала къ числу дѣйствительныхъ фактовъ, но и она была парализована разными неблагоприятными обстоятельствами. Въ результатѣ получился цѣлый рядъ неслыханныхъ дотошъ въ военной исторіи погромовъ.

Война 1870 года должна была послужить поучительнымъ примѣромъ для всѣхъ государствъ, такъ или иначе принужденныхъ вести войну, и побудить ихъ къ возможно болѣе тщательному составленію плана веденія войны, который всегда долженъ строго отвѣчать требованіямъ обстановки. При составленіи этого плана нельзя

было руководствоваться фантазією, хотя бы она являлась слѣдствіемъ самыхъ возвышенныхъ чувствъ и идеаловъ.

Между тѣмъ сербская главная квартира, основываясь на данныхъ весьма ненадежныхъ и отчасти фантастическихъ, приняла рѣшеніе, сводившееся къ тому, чтобы, захвативъ инициативу, дѣйствовать столь возможно болѣе энергично на всѣхъ театрахъ войны, въ особенности же на юго-восточномъ или моравскомъ, при чемъ руководствоваться слѣдующимъ планомъ кампаніи: „*Послѣ открытія военныхъ дѣйствій немедленно произвести вторженіе на турецкую территорию со всеми наличными войсками, поддержать и усилить возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ, оживить возстаніе въ Болгаріи, бить по частямъ турецкіе отряды, находившіеся на маршѣ съ цѣлью сосредоточенія, чтобы такимъ образомъ воспользоваться вполне численнымъ превосходствомъ, которое въ началѣ борьбы находилось на сторонѣ Сербовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабивъ непріятеля, усилить на его счетъ собственныя свои средства къ веденію войны*“.

Не имѣя возможности выяснить, кто именно былъ составителемъ этого плана, то-ли лицо, которое должно было приводить его въ исполненіе, или же кто либо другой, мы тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ допустить, что планъ этотъ прежде всего не удовлетворялъ одному изъ наиболѣе важныхъ условій, которымъ долженъ удовлетворять всякій хорошій планъ кампаніи. Яснѣ говоря, мы высказываемъ убѣжденіе, что планъ этотъ не только *«не вылился цѣликомъ изъ одной головы»*, но напротивъ того представлялъ компромиссъ, на которомъ остановились лица, принимавшія участіе въ его обсужденіи и принятіи; лица эти, по всему вѣроятію, долго между собою не соглашались до тѣхъ поръ, пока не была выработана такая, такъ сказать, безобидная для всѣхъ редакція плана, которая, не удовлетворяя никого въ особенности, удовлетворяла всѣхъ вообще.

Доказательствомъ справедливости высказаннаго нами убѣжденія является неопредѣленность рассматриваемаго плана, не намѣчавшаго главной цѣли, которая имѣлась въ виду, и къ которой должны были непосредственно клониться или косвенно содѣйствовать всѣ усилія различныхъ частей сербской арміи.

Стараясь уяснить себѣ сущность упомянутого плана, нѣтъ возможности опредѣлить, которая изъ этихъ частей должна была нанести главный ударъ, та-ли, которая имѣла цѣлью „*поддержать и усилить возстаніе въ Босніи и Герцеговинѣ*“, или же та, которая должна была „*оживить возстаніе въ Болгаріи*“. О присвоеніи главной роли послѣдней части сербской арміи можно было догадываться только потому, что болгарскій театръ военныхъ дѣйствій былъ ближе другихъ къ средоточію турецкой имперіи, а также потому, что въ планъ было введено предположеніе „*бить по частямъ турецкіе отряды, находившіеся на маршѣ съ цѣлью сосредоточенія*“.

Одною изъ важнѣйшихъ причинъ неопредѣленности разсматриваемаго плана была, по всему вѣроятію, неувѣренность въ успѣхѣ того изъ составителей плана, который предполагалъ бить турецкія войска по частямъ, вслѣдствіе чего онъ и не рѣшился открыто высказать свою завѣтную мысль. Мы позволимъ себѣ предположить, что этою завѣтною мыслью было наступленіе къ Царьграду и полнѣйшій разгромъ Турціи. Подобныя предположенія высказывались въ то время различными органами славянской печати (въ томъ числѣ и русскими); еще чаще можно было ихъ слышать въ частныхъ бесѣдахъ, какъ въ сербскомъ, такъ и въ русскомъ обществѣ, въ особенности въ послѣднемъ. Но то, что было простительно людямъ, не обладавшимъ достаточною специально-военною подготовкою, не могло быть извинительнымъ по отношенію къ тѣмъ специалистамъ военного дѣла, въ рукахъ которыхъ находилась судьба всего сербскаго народа.

Спрашивается, каковы же были соображенія, побудившія сербскую главную квартиру принять вышеозначенный планъ съ тѣмъ дополненіемъ, что для наступленія главныхъ силъ сербской арміи будетъ избрана операціонная линія Алексинацъ-Константинополь?

Важное значеніе имѣли въ этомъ случаѣ надежды на Болгарское возстаніе, которыя оказались неосновательными ¹⁾. Главную же роль

¹⁾ Надежды эти были неосновательны по двумъ причинамъ: 1) Болгары были сильно угнетены и даже отчасти забыты до такой степени, что подняться сплошною массою не могли, отдѣльныя же вспышки не могли имѣть существеннаго значенія; 2) Сербь не могли разсчитывать на особенныя симпатіи со стороны Болгаръ хотя бы потому, что оба эти народа, не смотря на свое близкое племенное срод-

играло всеобщее убѣжденіе въ слабости Турціи, которая, казалось, только ожидала удобнаго случая къ окончательному паденію. Выше было объяснено, что Турція, какъ государство, дѣйствительно представляла организмъ разлагавшійся. Но эта ея политическая слабость не исключала возможности сильнѣйшаго сопротивленія благодаря значительной числительности ея вооруженныхъ силъ и въ особенности благодаря хорошимъ качествамъ турецкаго солдата. Вслѣдствіе этого Турція угрожала бы серьезная опасность только въ томъ случаѣ, если бы она вела войну съ какою либо великою державою, борьба же ея съ княжествами Сербією и Черногорією, если и представляла таковую опасность, то это относилось не къ Турціи, но къ ея противникамъ, владѣнія которыхъ въ общей сложности равнялись одной турецкой провинціи, и силы которыхъ, даже при крайнемъ ихъ напряженіи, были въ нѣсколько разъ меньше тѣхъ силъ, которыми располагала въ то время турецкая имперія.

Для того, чтобы выяснитъ несоразмѣрность силъ обѣихъ сторонъ, необходимо разсмотрѣть сущность организаціи этихъ силъ и опредѣлитъ, какая часть ихъ могла быть употреблена противниками для непосредственнаго веденія военныхъ дѣйствій, а затѣмъ, разсмотрѣвъ качественную сторону войскъ обѣихъ сторонъ и ихъ вооруженіе, сдѣлать заключительные выводы о томъ, на чьей сторонѣ находился перевѣсъ.

ГЛАВА IV.

Организація турецкой арміи.

Въ 1869 году турецкое правительство приняло предложенный *Гуссейномъ-Авни-пашою* проэктъ, реорганизаціи арміи на слѣдующихъ началахъ:

1) Въ ряды арміи поступаютъ только мусульмане.

ство, никогда не желали добровольно подчиняться другъ другу, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, подобное подчиненіе угрожало бы независимости существованія подчинившейся народности. Въ обѣихъ отношеніяхъ, а въ особенности въ послѣднемъ, Болгарія, какъ театръ войны, уступала Босніи и Герцеговинѣ, которыя были населены Сербамъ, уже сражавшимися по собственному почину.

2) Вооруженныя силы имперіи состоятъ изъ трехъ частей:

а) *Низамъ* или дѣйствующая армія, всего 210,000 человѣкъ, изъ числа которыхъ 150,000 находятся подъ знаменами, а 60,000 составляютъ *ихтіатъ* или резервъ;

б) *Редифъ*, соотвѣтствующій германскому ландверу, раздѣленный пополамъ на два призыва, 1-й и 2-й; всего въ обоихъ призывахъ 192,000 человѣкъ;

в) *Мустахфизъ*, соотвѣтствующій германскому ландштурму, около 300,000 человѣкъ.

Итого во всѣхъ трехъ категоріяхъ 702,000 человѣкъ.

3) Срокъ всей службы турецкаго солдата 20 лѣтъ: въ пѣхотѣ 4 года въ низамѣ, 2 въ ихтіатѣ, 6 въ редифѣ и 8 въ мустахфизѣ; въ кавалеріи и артиллеріи 5 лѣтъ въ низамѣ, 1 годъ въ ихтіатѣ и далѣе, какъ въ пѣхотѣ.

4) Вся территорія имперіи раздѣляется на 6 корпусныхъ округовъ, комплектуемыхъ 6 армейскихъ корпусовъ; сверхъ того, позже былъ добавленъ 7-й корпусъ (Іеменскій), получавшій укомплектованія изъ другихъ корпусовъ.

5) Каждый корпусный округъ долженъ былъ выставять определенное число частей низама и редифа, а именно:

а) *Низама* — 6 полковъ пѣхоты по 3 баталіона или табора 8-ротнаго состава, 6 стрѣлковыхъ баталіоновъ такого же состава, 4 полка кавалеріи по 6 эскадроновъ, 1 полкъ артиллеріи изъ 15 батарей (въ томъ числѣ 3 ѣздящихъ) и 1 инженерную роту; всего въ корпусѣ 22,000 человѣкъ при 90 орудіяхъ, а во всей арміи 154,000 человѣкъ при 630 орудіяхъ;

б) *Редифа 1-го призыва* — 6 пѣхотныхъ полковъ, 3 полка кавалеріи и 1 полкъ артиллеріи такого же состава, какъ и въ низамѣ;

в) *Редифа 2-го призыва* — 6 пѣхотныхъ полковъ такого же состава, какъ и въ 1-мъ призывѣ.

Въ дѣйствительности, вслѣдствіе безпорядка, господствовавшаго въ турецкомъ управленіи, а также вслѣдствіе почти постоянной необходимости нарушать нормальную организацію арміи для усиленія войскъ въ тѣхъ частяхъ государства, въ которыхъ происходили возстанія, организація турецкой арміи находилась въ переходномъ состояніи, представлявшемъ много уклоненій отъ ея нормальнаго

образца. Составъ корпусовъ, дивизій, бригадъ и полковъ весьма часто измѣнялся. Число баталіоновъ пѣхоты въ армейскихъ корпусахъ низама было неодинаково, отъ 20 до 30 и даже до 39. Многіе кавалерійскіе полки низама находились въ 4-эскадронномъ составѣ. Кадры для частей редифа были организованы для 144 баталіоновъ 1-го призыва и для 80 баталіоновъ 2-го призыва.

По укомплектованіи частей низама ихтідатомъ дѣйствующая армія доходила до 172,000 человекъ. Далѣе имѣлось 190,000 редифа, одна часть котораго была употреблена для сформированія новыхъ 152 баталіоновъ, другая же часть осталась въ запасѣ. Сверхъ того въ распоряженіи военнаго министерства находилось 300,000 мустах-физа, для которыхъ однако не имѣлось никакихъ кадровъ. Считая одни лишь регулярныя войска, Турція располагала 362,000 человекъ. Дополненіемъ къ этой арміи являлись конныя иррегулярныя войска: черкесы и баші-бузуки. Такимъ образомъ общій итогъ наличныхъ вооруженныхъ силъ Турціи былъ не менѣе 400,000 человекъ, каковое число съ теченіемъ времени могло быть увеличено посредствомъ призыва людей, находившихся въ распоряженіи военнаго министерства.

Но это послѣднее увеличеніе не могло быть принимаемо во вниманіе, такъ какъ для того, чтобы оно состоялось, нужно было много времени, чему причиною была нераспорядительность Порты, которая не приняла всѣхъ зависѣвшихъ отъ нея мѣръ къ усиленію арміи и къ увеличенію ея боевой готовности, несмотря на то, что разрывъ съ Сербією и Черногорією можно было предвидѣть уже съ началомъ весны 1876 года.

Вслѣдствіе этой нераспорядительности турецкаго правительства, непосредственно передъ началомъ войны, для военныхъ дѣйствій могло быть употреблено только 100,000 турецкихъ войскъ, которыя были распределены слѣдующимъ образомъ:

1) 50,000 подъ начальствомъ *Ахмедъ-Эюба-паша* составляли *дунайскій* корпусъ, раздѣленный на три дивизіи; изъ нихъ 1-я, *Мехмеда-паша*, находилась въ Нишѣ, 2-я, *Османа-паша*, у Виддина и 3-я, *Фазли-паша*, у Никополя.

2) Въ Босніи, т. е. на дринскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій,

находилось 15—20,000 человекъ подъ начальствомъ *Али* и *Мехмеда-Али* пашей.

3) На Салоники-Мирловицкой желѣзной дорогѣ была расположена одна дивизія, около 10,000 человекъ.

4) Около 20,000 подъ начальствомъ *Мухтара-пашы* занимали Герцеговину и готовились дѣйствовать противъ Черногоріи съ сѣвера; въ тоже время 5,000—10,000 находились у Подгорицы съ цѣлью обороны Албаніи совмѣстно съ туземными горцами, а также съ цѣлью дѣйствій противъ Черногорцевъ съ юга.

Сверхъ того къ началу весны у Адрианополя было сосредоточено около 30,000 человекъ, которые уже въ маѣ мѣсяцѣ были двинуты въ Болгарію для усмиренія вспыхнувшаго тамъ возстанія, послѣ чего часть ихъ могла быть притянута къ границамъ Сербіи, куда въ тоже время были направлены значительныя подкрѣпленія изъ другихъ областей имперіи.

Такимъ образомъ съ теченіемъ времени перевѣсъ въ численномъ отношеніи долженъ былъ перейти на сторону Турокъ, но къ началу войны турецкій *сердарь-экремъ* или главнокомандующій *Абдуль-Керимъ-паша* располагалъ недостаточными силами, вслѣдствіе чего имъ было принято рѣшеніе придерживаться оборонительнаго образа дѣйствій впредь до прибытія подкрѣплений. Рѣшеніе это было вполне благоразумно и отвѣчало требованіямъ обстановки.

Организація сербской арміи.

Воинская повинность въ Сербіи была общеобязательна. Ей подлежали всѣ граждане, способные носить оружіе отъ 20 до 50-лѣтняго возраста.

Вооруженныя силы Сербіи состояли изъ двухъ частей: 1) *постоянной* и 2) *народной* армій.

Постоянная армія или такъ называемое „*стояче войско*“ имѣло главнымъ назначеніемъ доставлять офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для народной арміи. Составъ ея былъ опредѣленъ закономъ 24 февраля 1876 года, а именно: 2 баталіона пѣхоты по 4 роты или роты въ каждомъ (1600 человекъ); 2 эскадрона кавалеріи (160 человекъ), 8 полевыхъ батарей (64 орудія), 4 горныя батареи (16

орудій), 1 мастеровая артиллерійская рота, 1 піонерный и 1 понтонный баталіоны по 3 четы въ каждомъ (600 человекъ), 1 обозное и 1 санитарное отдѣленіе. Числительность этой „стоячей бригады“ доходила только до 4,000 человекъ, которые въ мирное время несли гарнизонную службу, въ военное же время являлись кадромъ для народной арміи. Этого послѣдняго назначенія они не могли исполнить съ успѣхомъ, вслѣдствіе своей малочисленности.

Народная армія раздѣлялась на два призыва или класса. Для комплектованія частей этой арміи была принята территориальная система. Вся Сербія была раздѣлена на 18 бригадныхъ и 80 баталіонныхъ участковъ, выставлявшихъ 80 баталіоновъ, сведенныхъ въ 18 пѣхотныхъ бригадъ 1-го класса и столько же пѣхоты 2-го класса. Число баталіоновъ въ бригадахъ было неодинаково: не менѣе 3-хъ и не болѣе 6-ти. Каждый баталіонъ состоялъ изъ 4-хъ четъ или ротъ. Числительность баталіона была опредѣлена: для 1-го класса 946, а для 2-го — 706 человекъ. Числительность всей пѣхоты доходила до 130,000 человекъ.

Конница состояла изъ 33-хъ эскадроновъ 1-го класса, числительностью отъ 103 до 150 человекъ въ каждомъ, а всего около 5,000 всадниковъ.

Артиллерія развѣртывалась изъ кадровъ постоянной арміи посредствомъ формированія новыхъ 1 горной и 27 полевыхъ батарей, и доходила до 40 батарей или 250—300 орудій, при которыхъ состояло 6,000 человекъ.

Къ началу войны части народной арміи 1-го класса были сведены въ 6 дивизій: Дринскую, Западно-Моравскую, Южно-Моравскую, Тимоокскую, Дунайскую и Шумадійскую ¹⁾. 1-я, 2-я и 4-я дивизіи состояли изъ 13, 3-я изъ 12, 5-я изъ 14, и 6-я изъ 15 баталіоновъ пѣхоты. Каждой изъ этихъ дивизій было придано 5, 6 или 7 эскадроновъ конницы, 6—8 батарей артиллеріи и по 1 инженерному баталіону.

¹⁾ *Дринская* дивизія была составлена изъ бригадъ Шабачкой, Подринской и Вальевской; *Западно-Моравская дивизія* изъ Ужицкой, Чачакской и Рудницкой; *Южно-Моравская дивизія* изъ Крушевацкой, Алексинацкой и Чупрійской; *Тимоокская дивизія* изъ Княжевацкой, Чернорѣцкой и Краинской; *Дунайская дивизія* изъ Пожаревацкой, Браничевской и Смедеревской, и наконецъ *Шумадійская дивизія* изъ бригадъ Бѣлградской, Крагуевацкой и Ягодинской.

Во время военных дѣйствій организація крупныхъ тактическихъ единицъ была нарушена, при чемъ были разрознены не только бригады одной и той же дивизіи, но и баталіоны одной и той же бригады. Поэтому приведенная выше организація особеннаго значенія не имѣла. Числительность всѣхъ сербскихъ войскъ, считая съ частями 2-го класса включительно, доходила до 145—150,000 человекъ; впослѣдствіи же во время военныхъ дѣйствій, когда по прибытіи массы добровольцевъ (изъ разныхъ европейскихъ странъ, главнымъ же образомъ изъ Россіи), были сформированы 7-я и 8-я дивизіи, то числительность арміи доходила до 180,000 человекъ (съ нестроевыми). Однако въ данномъ случаѣ важна не эта цифра, но та лишь часть ея, которая могла быть употреблена Сербами для открытія военныхъ дѣйствій тотчасъ по объявленіи войны. Очевидно, что изъ общей суммы должны быть исключены части 2-го класса, мобилизованныя только по объявленіи войны, не говоря уже о частяхъ, сформированныхъ вновь. Исключивъ тѣ и другія, получимъ, что сербскіе военачальники располагали 100,000 войскъ, которыя были распределены слѣдующимъ образомъ:

1) На рѣкѣ Дринѣ, противъ 15—20,000 Турокъ находилось столько же Сербовъ подъ начальствомъ генерала *Алимпича*.

2) Близъ границъ Старой Сербіи, занятой 10,000 Турокъ, была сосредоточена *ибарская* армія, силою отъ 15 до 20,000 подъ начальствомъ генерала *Заха*, котораго вскорѣ замѣнилъ полковникъ *Чолакантичъ*, смѣненный въ свою очередь русскимъ генераломъ *Новоселовымъ*.

3) Въ долину рѣки Болгарской Моравы, противъ главныхъ силъ турецкаго дунайскаго корпуса, у Делиграда и Алексинаца находилась *главная или южная сербская армія*, силою около 40,000 человекъ, подъ начальствомъ поступившаго въ сербскую службу до объявленія войны русскаго генерала *Черняева*, извѣстнаго по своимъ дѣйствіямъ въ Туркестанѣ.

4) Наконецъ на рѣкѣ Тимокѣ, противъ турецкой дивизіи Осман-паши, находилось около 20,000 человекъ, подъ начальствомъ полковника *Лъшанина* ¹⁾.

¹⁾ *Майерсъ*, авторъ сочиненія «Der Serbisch-Türkische Krieg im Jahre 1876», опредѣляетъ числительность сербскихъ войскъ, находившихся у границъ въ началѣ

Такимъ образомъ Сербы на трехъ театрахъ войны, ибарскомъ, моравскомъ и тимокскомъ, имѣли на своей сторонѣ численное превосходство въ силахъ, на четвертомъ же, дринскомъ, силы обѣихъ сторонъ были равны. Однако это превосходство было вообще не велико (100,000 Сербовъ противъ 80,000 Турокъ); въ частности оно было болѣе ощутительно на моравскомъ театрѣ, но и тутъ значеніе его сильно умалялось тѣмъ, что Сербамъ, тотчасъ по вторженіи ихъ въ предѣлы Турціи, приходилось имѣть дѣло съ сильною турецкою крѣпостію Нишемъ, при чемъ они не могли не потерять времени, чѣмъ въ свою очередь могли воспользоваться Турки для усиленія корпуса Ахмедъ-Эюба-паши подкрѣпленіями.

Изъ вышесказаннаго можно вывести заключеніе, что первоначальное численное превосходство Сербовъ надъ Турками, на которое возлагалось столько надеждъ, было не очень велико и могло принести существенную пользу только въ томъ случаѣ, если бы сербскія войска дѣйствовали въ высшей степени рѣшительно, смѣло и искусно, что впрочемъ, какъ кажется, и имѣлось въ виду сербскою главною квартирою. Была ли возможность рассчитывать на подобный образъ дѣйствій сербскихъ войскъ, мы увидимъ ниже.

Организація черногорскихъ войскъ.

Воинская повинность въ Черногоріи была весьма своеобразна. Въ мирное время войскъ на лицо почти не было. Постоянно содержались только 300—450 человекъ княжеской гвардіи и 600—800 жандармовъ.

Въ случаѣ войны защита отечества составляла священную обязанность всѣхъ Черногорцевъ, способныхъ носить оружіе, въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Даже неспособные и старики обязаны были служить при обозѣ. Число Черногорцевъ, способныхъ носить оружіе и участвовать въ походахъ, простиралось до 25—27,000 человекъ.

Устройство войскъ было тѣсно связано съ племеннымъ дѣленіемъ

войны, въ 120,000 пѣхоты и 300 орудій съ 30-ю эскадронами кавалеріи; но это опредѣленіе сильно преувеличено и объясняется пристрастіемъ Майерса къ Туркамъ и нерасположеніемъ его къ Сербамъ.

страны на нахиі или округа, находившіеся подъ управленіемъ и начальствомъ воеводъ. Воеводы подчинялись непосредственно князю, который былъ главнокомандующимъ всѣми черногорскими войсками.

Главнымъ и почти единственнымъ родомъ оружія была пѣхота. Настоящею основною тактическою и административною единицею являлась *чета* или рота, которая составлялась большею частью изъ односельцевъ. Четою командовалъ офицеръ; сверхъ того въ четѣ весьма важное значеніе и огромное нравственное вліяніе имѣлъ *барьяктаръ* или знаменщикъ, который во время боя указывалъ на правленіе атаки. Чета дѣлилась на 4 взвода, состоявшіе подъ начальствомъ *водниковъ* или взводныхъ командировъ, и на десятки, которыми командовали *десетари* (младшіе унтеръ-офицеры).

Если племя выставляло 6—10 четъ, то четы эти сводились въ *баталіонъ*, находившійся подъ начальствомъ *капитана* или баталіоннаго командира. Передъ войною было собрано 30 баталіоновъ.

Кавалеріи не было вовсе.

Артиллерія была малочисленна и состояла изъ 7 батарей, по 2—4 орудія въ каждой, а всего изъ 27 орудій, при которыхъ состояло 270 канонировъ.

Числительность мобилизованныхъ черногорскихъ войскъ доходила до 20,000 чедовѣкъ, къ которымъ присоединилось 5—6000 Герцеговинцевъ. Эти войска были раздѣлены на двѣ части: около 15,000 подъ личнымъ начальствомъ *Князя Николая* стояли близъ границъ Герцеговины и готовились къ дѣйствіямъ противъ корпуса *Мухтара-паши*, а 10,000 подъ начальствомъ родственника князя, даровитаго воеводы *Божидара Петровича*, находилось на албанско-черногорской границѣ и готовились къ дѣйствіямъ въ сѣверной Албаніи.

Такимъ образомъ силы Черногорцевъ нѣсколько уступали силамъ Турокъ, при чемъ ни одна, ни другая сторона не могли рассчитывать на подкрѣпленія. Этотъ небольшой перевѣсъ Турокъ сглаживался и терялъ свое значеніе вслѣдствіе замѣчательной храбрости Черногорцевъ, которые являлись достойными соперниками удивлявшихъ нѣкогда древній міръ Спартанцевъ и стяжавшихъ столь заслуженную славу въ исторіи возрожденія пѣхоты, какъ главнаго рода оружія, швейцарскихъ горцевъ.

Вооруженіе войскъ обѣихъ сторонъ.

Турецкая пѣхота въ началѣ войны была вооружена ружьями системы Снайдера и сверхъ того линейная пѣхота фашинными ножами, а стрѣлки ятаганами, кавалерія же частью пиками и повторительными карабинами Винчестера и сверхъ того вся саблями. Въ началѣ октября, т. е. въ концѣ войны, часть пѣхоты была снабжена ружьями системы Мартини, которыя были приобрѣтены въ Америкѣ въ числѣ 600,000. Турецкая полевая артиллерія, отличавшаяся хорошою запряжкой, состояла частью изъ пушекъ Гатлинга, частью же изъ стальныхъ орудій системы Круппа, заряжавшихся съ казны, трехъ калибровъ: 8 и 9-сантиметровыхъ въ ѣздящихъ батареяхъ, 7-сантиметровыхъ въ конныхъ и 6-сантиметровыхъ въ горныхъ батареяхъ. Орудійная прислуга была вооружена тесаками и ружьями Винчестера, а ѣздовые саблями и револьверами. Турецкія войска всегда были снабжены большимъ запасомъ патроновъ и снарядовъ.

Сербская пѣхота 1-го класса была вооружена ружьями Пибоди, заряжавшимися съ казны и стрѣлявшими металлическими патронами. Ружье Пибоди уступало системамъ, принятымъ въ турецкой арміи, въ отношеніи отлогости траекторіи и въ особенности въ отношеніи экстракціи, которая была весьма неудовлетворительна. Пѣхота 2-го класса была вооружена частью ружьями системы Грина, стрѣлявшими бумажными патронами, частью же винтовками, заряжавшимися съ дула. Сербская артиллерія, при посредственной запряжкѣ, состояла изъ орудій, заряжавшихся съ дула. Въ патронахъ и снарядахъ особеннаго недостатка не было.

Вооруженіе Черногорцевъ и применившихъ къ нимъ Герцеговинцевъ было весьма разнообразно, начиная отъ скорострѣльныхъ ружей новѣйшихъ системъ, заряжавшихся съ казны, и кончая старыми ружьями, заряжавшимися съ дула. Кромѣ того вооруженіе Черногорцевъ составляли пистолеты или револьверы и знаменитые *ханджары* или ятаганы. Ружья выдавались правительствомъ, остальное же вооруженіе приобрѣталось самими воинами. Артиллерія состояла главнымъ образомъ изъ горныхъ пушекъ 3-фунтоваго калибра, но сверхъ того были и 4-фунтовые орудія. О томъ, имѣлось

ли у Черногорцевъ достаточно патроновъ и снарядовъ, вѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. Во всякомъ случаѣ можно допустить, что Черногорцы ощущали въ нихъ меньшую нужду, чѣмъ въ продовольствіи. Къ тому же, въ случаѣ недостатка патроновъ, Черногорцы все-таки не робѣли и принимались за страшную для ихъ враговъ работу ханджарами.

Сравненіе вооруженія обѣихъ сторонъ.

Сравнивая вооруженіе враждовавшихъ сторонъ, нельзя не замѣтить, что первенство въ этомъ отношеніи безусловно принадлежало Туркамъ. Для Черногорцевъ это не представляло особенной опасности въ виду способности ихъ сражаться не только съ отличнымъ, но и съ посредственнымъ оружіемъ, но для Сербовъ это имѣло весьма важное и даже роковое значеніе, такъ какъ способствовало паденію духа въ необстрѣленной сербской арміи, на воображеніе которой не могла не подѣйствовать замѣтная дѣйствительность стрѣльбы турецкой пѣхоты и артиллеріи.

Качества войскъ обѣихъ сторонъ.

Турецкій солдатъ храбръ и выносливъ. Въ нравственномъ отношеніи силы его поддерживаются фанатизмомъ, столь ствойственнымъ послѣдователямъ ислама. Смерть въ бою съ „гяурами-христіанами“, по его мнѣнію, вѣрнѣйшее средство къ достиженію магометова рая. Въ виду этого неудивительно, что турецкія регулярныя войска были хороши, не смотря на слабыя стороны ихъ организаци и даже не смотря на то, что корпусъ офицеровъ и вообще начальствовавшій персоналъ далеко не находился на высотѣ своего назначенія. Изъ иррегулярныхъ войскъ обращали на себя вниманіе черкесы, отличавшіеся неутомимостью, находчивостью и умѣньемъ ориентироваться и вообще представлявшіе отличную легкую конницу, въ высшей степени пригодную для развѣдывательной службы.

Сербскій, „войникъ“, какъ матеріаль для обработки, также хорошъ, но, къ сожалѣнію, ему не доставало именно хорошей обработки. Установленные закономъ 1864 года учебные сборы, продол-

жавшіеся въ теченіи 25—30 дней въ году, очевидно были недостаточны не только для обученія войниковъ, но даже для приданія имъ вполне приличнаго воинскому званію вида. Къ тому же еще, по неизвѣстнымъ причинамъ, въ теченіи 3-хъ 4-хъ послѣднихъ лѣтъ передъ войною, даже и эти кратковременные сборы были отмѣняемы.

Такъ какъ числительность постоянной арміи была ничтожна, то не трудно видѣть, что выставленное Сербіею въ 1876 году народное войско, хотя и было организовано согласно съ заранѣе составленнымъ планомъ, все-таки должно быть причислено къ разряду *импровизованныхъ* или *милиціонныхъ* армій, свойства которыхъ весьма вѣрно обрисованы извѣстнымъ нашимъ военнымъ писателемъ, генераломъ *Лееромъ* ¹⁾. Основные свойства подобныхъ войскъ сводятся къ слѣдующимъ:

1) Недостатокъ прочной тѣсной внутренней связи, прочной спайки, т. е. дисциплины и взаимнаго довѣрія, которая одни только и придаютъ арміи значеніе великой матеріальной и въ особенности моральной силы.

2) Медленность всѣхъ движеній вообще.

3) Недостатокъ прочной внутренней связи, вмѣстѣ съ отсутствіемъ привычки къ перенесенію трудовъ и лишеній, дѣлаютъ ихъ неспособными къ продолжительнымъ операціямъ и къ энергическому ихъ веденію.

4) Незнаніе подобными арміями техники военного дѣла имѣть слѣдствіемъ необходимость давать имъ вредныя вообще, но неизбежныя въ данномъ случаѣ, подробныя диспозиціи и инструкціи, которыя не только ставятъ цѣли (что дѣлать), но и объясняютъ наиболѣе вѣроятные способы къ ихъ достиженію (какъ дѣлать).

На основаніи этихъ свойствъ теорія военного искусства дѣлаетъ выводъ о малой способности и даже *неспособности* импровизованныхъ войскъ къ наступательнымъ операціямъ. Тѣмъ не менѣе необходимо принять во вниманіе опытъ военной исторіи, которая показываетъ, что при оборонѣ, въ особенности за брустверами и

¹⁾ «*Прикладная тактика*» Г. Леера. Выпускъ 1-й. Приложение № 1. Свойства импровизованныхъ армій. Тактика ихъ.

преимущественно при защитѣ роднаго очага, войска эти мало въ чемъ уступаютъ войскамъ регулярнымъ. Въ виду такихъ свойствъ импровизованныхъ армій наиболѣе выгодный способъ ихъ употребленія сводится къ *стратегической и тактической оборонѣ* ¹⁾. Если же обстоятельства вынуждаютъ къ наступленію съ подобною арміею, то надлежитъ наступать медленно, съ частыми перерывами и во всякомъ случаѣ, *стратегически наступая*, слѣдуетъ *тактически обороняться* ²⁾.

Дополнимъ вышеизложенное тѣмъ замѣчаніемъ, что наступленіе съ подобными войсками исполнѣ возможно въ томъ случаѣ, если на ихъ сторонѣ находится подавляющее превосходство въ силахъ, такъ какъ оно даетъ возможность легко одерживать успѣхъ надъ непріателемъ, что способствуетъ поднятію нравственнаго духа въ милиціонныхъ войскахъ, приученію ихъ къ боямъ и постепенному превращенію ихъ въ солидную военную силу, грозную не только по наружному виду, но и въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ очевидно, что качественная сторона сербской милиціонной арміи была неудовлетворительна и должна была имѣть роковое значеніе въ начинавшейся войнѣ.

Что касается *черногорской арміи*, то хотя она, подобно сербской, имѣла народный характеръ, но это сходство было только по формѣ, но не по духу. Въ то время какъ сербская армія состояла изъ гражданъ, кое-какъ наскоро обученныхъ военнымъ эволюціямъ, ружейнымъ приѣмамъ и „выпусканію патроновъ“, черногорское войско было составлено изъ природныхъ воиновъ, съ дѣтства приучившихся владѣть оружіемъ, какъ огнестрѣльнымъ, такъ и холоднымъ, и совершать такіе форсированные марши въ горахъ своей суровой родины, къ какимъ едва ли способны регулярныя арміи европейскихъ государствъ. Въ физическомъ отношеніи черногорскіе воины были закалены и способны переносить всевозможные труды и лишения. Въ нравственномъ отношеніи они отличались преданностью своему верховному вождю, любовью къ родинѣ, воинственнымъ духомъ и непримиримою ненавистью къ Туркамъ. Поэтому

¹⁾ Дѣйствія генерала *Шанзи* въ 1870—71 годахъ.

²⁾ Дѣйствія генерала *Федерба* въ 1870—71 годахъ.

не удивительно, что качественная сторона черногорской армии не оставляла желать лучшаго.

Заключительные выводы о вооруженных силахъ обѣихъ сторонъ.

Резюмируя все изложенное въ настоящей главѣ, можно вывести слѣдующія заключенія:

1) Въ началѣ войны небольшой перевѣсъ въ силахъ находился на сторонѣ Сербовъ, но перевѣсъ этотъ долженъ былъ вскорѣ уничтожиться въ виду вѣроятнаго усиленія передовыхъ турецкихъ войскъ подкрѣпленіями, послѣ чего превосходство въ силахъ должно было перейти на сторону Турокъ.

2) Турецкія войска были лучше вооружены, чѣмъ сербскія.

3) Въ качественномъ отношеніи милиціонная сербская армія стояла значительно ниже постоянной турецкой арміи.

4) Въ общемъ выводѣ Сербамъ было весьма трудно состязаться съ Турками.

5) Черногорское войско, хотя нѣсколько уступало Туркамъ въ отношеніи числительности и вооруженія, но превосходило ихъ храбростью, находчивостью, неутомимостью и умѣньемъ владѣть всякимъ оружіемъ вообще и холоднымъ въ особенности, вслѣдствіе чего шансы было по меньшей мѣрѣ одинаковы.

6) Вѣроятность успѣха Черногорцевъ надъ Турками едва ли могла уравновѣсить вѣроятное пораженіе Турками Сербовъ, такъ какъ Сербы, вмѣсто того, чтобы стараться войти въ тѣсную связь съ Черногорцами въ Босніи и Герцеговинѣ, напротивъ того удалились отъ нихъ и обратили свое главное вниманіе на прилежавшій къ ихъ юго-восточной границѣ моравскій театръ войны, при чемъ рѣшились придерживаться наступательнаго образа дѣйствій, что не только не соотвѣтствовало свойствамъ ихъ милиціонной арміи, но даже на оборотъ было вѣрнѣйшимъ средствомъ къ подрыванію ея нравственныхъ силъ, т. е. должно было имѣть слѣдствіемъ ея пораженіе.

Для того, чтобы убѣдиться въ правильности этихъ заключеній, основанныхъ на военной исторіи и на выводахъ теоріи военного

искусства, необходимо разсмотрѣть ходъ военныхъ дѣйствій во время сербско-турецкой войны 1876 года, при чемъ нѣтъ надобности останавливаться на томъ, что происходило на второстепенныхъ театрахъ войны, такъ какъ дѣйствія на этихъ театрахъ не имѣли особеннаго значенія. Успѣхъ войны и судьба Сербіи находились въ зависимости отъ хода операцій на главномъ, т. е. моравскомъ, и отчасти на тимокскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій, которые находились между собою въ близкой связи, вслѣдствіе чего, вскорѣ послѣ начала войны, обѣ арміи, дѣйствовавшія на послѣднихъ двухъ театрахъ, были соединены въ одну *тимoko-моравскую* армію подъ общимъ начальствомъ генерала Черняева. Къ описанію дѣйствій этой арміи мы теперь и обратимся.

ГЛАВА V.

Моравская армія, равно какъ и другія сербскія арміи, получила приказаніе произвести вторженіе въ предѣлы Турціи въ самый день объявленія войны. Армія эта, состоявшая изъ 40,000 человекъ, была уже давно сосредоточена у Алексинаца и Делиграда.

Ближайшимъ предметомъ дѣйствій для этой арміи являлась турецкая крѣпость — лагерь *Нишъ* или вѣрнѣе Нишская укрѣпленная позиція, расположенная на рѣкѣ Нишавѣ, близъ впаденія ея въ рѣку Болгарскую Мораву.

Ядро укрѣпленнаго лагеря составляла крѣпость старой системы безъ передовыхъ укрѣпленій, вынесенныхъ за гласисъ, окруженная весьма широкимъ, отчасти водянымъ рвомъ. Крѣпостные верки находились въ хорошемъ состояніи и были вооружены 80 орудіями разныхъ системъ. Сѣверный и западный фронты были усилены четырьмя четырехугольными редутами, фасы которыхъ равнялись 20 саженьямъ. Редуты эти находились въ разстояніи $2\frac{1}{3}$ —4 верстъ отъ крѣпости. Каждый изъ нихъ былъ вооруженъ четырьмя Крупновскими орудіями. Сверхъ того оборонительная сила Нишской позиціи была значительно увеличена удачно расположенными полевыми укрѣпленіями. Въ такомъ видѣ *Нишъ* представлялъ хорошій опорный пунктъ для турецкой арміи, какого бы образа дѣйствій она ни придерживалась.

Онъ могъ быть обороняемъ сравнительно небольшими силами, при чемъ могъ задержать весьма значительныя силы противника, наступающаго по долинѣ рѣки Моравы. Вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ произвести задерживающее вліяніе на ходъ операцій сербской арміи, тотчасъ по вторженіи ея на турецкую территорію. Въѣстъ съ тѣмъ Нишъ являлся отличнымъ плацдармомъ, въ которомъ могли сосредоточиваться турецкія войска, а по окончаніи ихъ сосредоточенія могъ послужить базой для наступательныхъ операцій Турокъ, если бы они перешли въ наступленіе.

Однако Нишская укрѣпленная позиція имѣла весьма замѣтныя слабыя стороны, имѣвшія важное значеніе въ стратегическомъ отношеніи. Во-первыхъ, крѣпость не была усилена отдѣльными фортами съ юга, съ востока и даже отчасти съ сѣвера, во-вторыхъ же, Софійское шоссе, по которому подходили подкрѣпленія, на протяженіи 2—3 переходовъ, отъ Ниша черезъ Акъ-Паланку до Пирота, пролегалo параллельно сербской границѣ, въ разстояніи одного не большаго перехода отъ нея, вслѣдствіе чего шоссе это могло быть захвачено Сербами, при чемъ сосредоточеніе турецкихъ войскъ въ Нишѣ сдѣлалось бы невозможнымъ. Если бы турецкая главная квартира приняла во вниманіе это соображеніе, то по всему вѣроятію она избрала бы сборнымъ пунктомъ для сосредоточивавшейся арміи не Нишъ, но Софію. Въ дѣйствительности же, какъ разъясняетъ состоявшій при турецкой арміи въ качествѣ спеціального корреспондента газеты „Neue Freie Presse“ бывшій капитанъ австрійскаго генеральнаго штаба *Майерсцъ*, котораго нельзя подозрѣвать въ нерасположеніи къ Туркамъ, Софія была только этапнымъ пунктомъ, въ которомъ былъ назначаема краткій отдыхъ войскамъ, двигавшимся изъ Константинополя и вообще изъ восточныхъ областей Турціи. Въ Софіи войска эти получали недостававшія имъ вооруженіе, одежду и обувь, послѣ чего немедленно двигались далѣе, къ Нишу. Спрашивается, чѣмъ же было обезпечено сосредоточеніе турецкихъ войскъ у этой крѣпости?

Въ день открытія военныхъ дѣйствій гарнизонъ Ниша состоялъ изъ 13 баталіоновъ, 5 эскадроновъ и 6 батарей дивизіи *Мехмед-пашы*. Три баталіона съ батареею занимали Акъ-Паланку и Пиротъ. Сверхъ того въ Уркюбѣ (Прокопле) находились 3 баталіона

съ 1 эскадрономъ и 1 батареею, а въ Куршумле 1 полкъ кавалеріи и 1 батарея. Итого до прибытія подкрѣпленій въ распоряженіи турецкой главной квартиры находилось 19 баталіоновъ, 12 эскадроновъ и 9 батарей, изъ которыхъ менѣе $\frac{1}{6}$ было назначено для обезпеченія сообщеній Ниша съ Софіею и съ средоточіемъ государства, — на сосредоточеніе же всѣхъ ожидавшихся подкрѣпленій, Турки не могли разсчитывать ранѣе 3—4 недѣль.

Такимъ образомъ обстановка до нѣкоторой степени благопріятствовала наступленію Сербовъ, которое составляло основную идею плана кампаніи, принятаго сербскою главною квартирою.

Какова же могла быть цѣль, которою могъ бы задаваться сербскій главнокомандующій? Очевидно, что онъ не могъ не обратить вниманія на Нишскую укрѣпленную позицію, которая, по сосредоточеніи на ней турецкой арміи, значительно облегчила бы этой послѣдней наступленіе на сербскую территорію. Въ виду этого, съ сербской точки зрѣнія, надлежало стремиться къ овладѣнію этою позиціею или по крайней мѣрѣ къ парализованію ея значенія.

Наступать отъ Алексинаца по долинѣ рѣки Моравы съ тѣмъ, чтобы атаковать открытою силою наиболѣе сильные участки этой позиціи было бы неблагоразумно. Поэтому генераль *Черняевъ* рѣшился, ограничившись съ фронта производствомъ демонстраціи противъ Ниша, двинуться съ главными силами въ обходъ праваго фланга и отчасти тыла этой позиціи съ тѣмъ, чтобы, овладѣвъ участкомъ шоссе Акъ-Паланка — Пиротъ, захватить сообщенія Нишскаго гарнизона съ Софіею. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, что намѣревался предпринять сербскій главнокомандующій послѣ достиженія этой первой цѣли. Если онъ имѣлъ въ виду, удерживая частью силъ на высотѣ Пирота турецкія войска, которыя могли бы двигаться изъ Софіи на выручку Нишскому гарнизону, атаковать въ то же время этотъ гарнизонъ съ праваго фланга и съ тыла, то это рѣшеніе, хотя и въ высшей степени смѣлое, могло бы быть оправдано. Но если имѣлось въ виду, миновавъ Нишъ, произвести только сильное нравственное впечатлѣніе на Болгаръ съ тѣмъ, чтобы побудить ихъ поднять знамя возстанія и присоединиться къ Сербамъ, то подобное рѣшеніе доказывало бы только, что въ сербской главной квартирѣ не имѣлось вѣрныхъ свѣдѣній о настроеніи Болгаръ,

среди которыхъ хотя и господствовало раздраженіе противъ Турокъ и даже происходили частныя возстанія, но ни то, ни другое обстоятельство не могло имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ общее поголовное возстаніе Болгаръ было невозможно по вышеизложеннымъ причинамъ (см. главу III стр. 37). Подобное рѣшеніе не могло бы быть оправдано ни въ какомъ случаѣ и должно быть отнесено къ области „стратегіи приключеній“.

Посмотримъ, какимъ образомъ Сербы исполнили наступленіе, на которое они возлагали столько надеждъ.

Главныя силы моравской арміи, заблаговременно передвинутыя изъ Алексинаца черезъ Банью къ Княжевацу 20 іюня (2 іюля), перешли черезъ границу тремя колоннами и двинулись къ слѣдующимъ пунктамъ:

1) *правая* колонна (слабѣйшая) къ Громадѣ, 2) *средняя* (главная) къ Бабиной-Главѣ и Акъ-Паланкѣ и 3) *лѣвая* къ Пироту.

Въ тотъ же день южно-моравская дивизія (12,000 человекъ) полковника *Ювановича*, оставленная генераломъ Черняевымъ у Алексинаца, перешла на лѣвый берегъ Моравы у Суповаца и двинулась къ Мрамору. При этомъ она потѣснила турецкіе передовые посты, но когда они были подкрѣплены частью Нишскаго гарнизона, то полковникъ Ювановичъ отошелъ назадъ и въ тотъ же день вернулся обратно на правый берегъ Моравы къ Алексинацу.

Правая колонна арміи генерала Черняева 21 іюня (3 іюля) подошла къ Нишу, но затѣмъ безъ боя отошла назадъ къ Громадѣ ¹⁾. Въ тотъ же день *средняя* колонна дошла до Бабиной-Главы и выдвинула небольшія передовыя части въ долину Нишавы. О *лѣвой* колоннѣ точныхъ указаній не имѣется, 22 іюня (4 іюля) средняя и лѣвая колонны имѣли полную возможность перейти на лѣвый берегъ Нишавы, занять Акъ-Паланку и Пироть, разбить находившіеся тамъ слабыя турецкіе отряды и такимъ образомъ прервать сообщеніе между Нишемъ и Софіею. Между тѣмъ, какъ говоритъ *Майерсъ*, ни въ одномъ пунктѣ Сербы не переходили на лѣвый берегъ Нишавы, и только артиллерія ихъ обстрѣливала Софійское

¹⁾ *Майерсъ* говоритъ, что она отступила, лишь только замѣтила появленіе двинутыхъ противъ нея турецкихъ войскъ.

шоссе, что нисколько не препятствовало турецкимъ обозамъ двигаться по этому шоссе безостановочно.

Съ 22 по 28 іюня (4 по 10 іюля) сербская армія бездѣйствовала.

Наконецъ 28 іюня (10 іюля) генераль *Черняевъ* началъ отступление къ границамъ Сербіи, оставивъ слабый аррьергардъ у Бабиней-Главы.

Каковы же были причины этого непонятнаго бездѣйствія генерала Черняева и послѣдовавшаго затѣмъ отступленія его арміи? Майеръ объясняетъ это разъясненіемъ несбыточности надеждъ, возлагавшихся на возстаніе Болгаръ, сомнительностью положенія дѣлъ на рѣкѣ Тимокѣ и опасеніями генерала Черняева за свои сообщенія съ Сербіею, вызванными усиленіемъ турецкихъ войскъ постоянно прибывавшими подкрѣпленіями.

Но эти причины, не смотря на ихъ основательность, едва ли могли бы смутить генерала Черняева, который дѣйствіями своими въ Туркестанѣ доказалъ, что онъ даже съ малочисленнымъ отрядомъ не задумался бы дѣйствовать рѣшительно противъ многочисленнаго противника. Но то, что было возможно для русскихъ войскъ, принадлежавшихъ къ числу лучшихъ въ Европѣ, было не по силамъ сербской милиціонной арміи, которая не имѣла и не могла имѣть надлежащей устойчивости. Передъ войною генераль Черняевъ, по всему вѣроятію, былъ введенъ въ заблужденіе хорошимъ по наружности видомъ сербскихъ войскъ и счелъ ихъ поэтому вполне способными къ подвигамъ въ борьбѣ, имѣвшей цѣлью пріобрѣтеніе ихъ отечествомъ полной независимости и освобожденіе ихъ братьевъ, турецкихъ Сербовъ и Болгаръ. Подъ вліяніемъ этой ошибочной оцѣнки качествъ сербской арміи, генераль Черняевъ напечаталъ въ одной изъ русскихъ газетъ торжественное заявленіе о томъ, что Сербія, выставившая болѣе 100,000 достаточно хорошихъ войскъ, имѣетъ возможность бороться съ Турціею.

Если бы качества сербской милиціи не уступали качествамъ русскихъ войскъ, то планъ, принятый сербскою главною квартирою и сводившійся къ тому, чтобы воспользоваться превосходствомъ въ силахъ на первыхъ порахъ и произвести вторженіе на турецкую территорію, имѣлъ бы много шансовъ на успѣхъ, такъ какъ разбить

сравнительно слабую турецкую дивизию Мехмеда-паши было бы не трудно, а этот первый успѣхъ произвелъ бы сильное нравственное впечатлѣніе, поднялъ бы нравственныя силы побѣдителей, ошеломилъ бы побѣжденныхъ Турокъ и вообще сильно способствовалъ бы дальнѣйшимъ успѣхамъ Сербовъ.

Между тѣмъ, тотчасъ по открытіи военныхъ дѣйствій, генераль Черняевъ не могъ не замѣтить, что молодая сербская армія неспособна къ наступательнымъ операціямъ и вообще имѣетъ всѣ качества импровизованныхъ войскъ. Очевидно, что наступать съ такими войсками было бы неблагоприятно. Это и была по всему вѣроятію, главная причина, побудившая сербскаго главнокомандующаго отказаться отъ первоначально принятаго плана и начать отступление къ границамъ Сербіи съ тѣмъ, чтобы, ограничившись обороною сербской территоріи, дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ.

Въ это время турецкій главнокомандующій, сердаръ-экремъ *Абдуль-Керимъ паша* принималъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ ускоренію движенія турецкихъ войскъ, направлявшихся черезъ Софію къ Нишу.

Передовой эшелонъ этихъ войскъ, 10 баталіоновъ и 2 батареи, былъ посланъ на помощь гарнизонамъ Агъ-Паланки и Пирота въ тотъ самый день, когда Сербы начали отступление.

1 (13) іюля бригада *Гафиза-паши* двинулась черезъ Бабину-Главу къ Паша-хану и отбросила сербскій арьергардъ къ Агъ-Пандирало, гдѣ Сербы заняли выгодную для нихъ позицію и сильно укрѣпили ее. На этой позиціи они нѣсколько разъ отразили атаку турецкаго авангарда, но эти столкновения особеннаго значенія не имѣли.

Къ 8 (20) іюля у Бабиной-Главы было сосредоточено болѣе 30 баталіоновъ съ соотвѣствующимъ числомъ частей другихъ родовъ оружія, послѣ чего турецкій главнокомандующій счелъ возможнымъ обратиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. 10 (22) іюля онъ прибылъ въ Пиротъ и собралъ тамъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ было рѣшено, оставивъ у Бабиной-Главы дивизию *Сулеймана-паши* (12 баталіоновъ, 3 батареи и 1 полкъ кавалеріи), направить дивизию *Гуссейна-Гами* и *Гуссейна-Сабри* пашей къ Нишу и по окончаніи сосредоточенія всего корпуса *Ахмедъ-Эюба-паши* (43 бата-

ліона, 12 батареѣ, 4 полка кавалеріи и 4,000 иррегулярныхъ войскъ, не считая дивизіи Сулеймана-паши) наступать концентрически отъ Ниша и Бабиной-Главы къ Княжевацу съ тѣмъ, чтобы овладѣть этимъ послѣднимъ городомъ, имѣвшимъ немаловажное стратегическое значеніе, такъ какъ къ нему сходились пути отъ Алексинаца и Зайчара.

Это рѣшеніе было исполнѣ цѣлесообразно въ виду слѣдующихъ соображеній :

1) Наступать отъ Ниша вверхъ по правому берегу Моравы съ тѣмъ, чтобы атаковать съ фронта сильныя укрѣпленныя сербскія позиціи у Алексинаца и Делиграда ¹⁾ было невыгодно, такъ какъ мѣстность въ этомъ случаѣ настолько благопріятствовала бы Сербамъ, что превосходство въ силахъ Турокъ теряло бы свое значеніе.

2) Обходъ Алексинацкихъ позицій могъ быть произведенъ какъ съ праваго, такъ и съ лѣваго ихъ фланга, но въ послѣднемъ случаѣ требовалось меньше времени, такъ какъ сосредоточивавшіяся турецкія войска подходили съ юго-востока.

3) Наступая на Княжевацъ, Турки могли преслѣдовать, настигнуть и разбить отступающія въ этомъ направленіи главныя силы Сербовъ или по крайней мѣрѣ ихъ арьергардъ, находившійся близъ Пандирало и Трессибабы.

4) По занятіи Княжеваца корпусъ Ахмедъ-Эюба-паши получилъ бы возможность дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ противъ любой изъ двухъ сербскихъ армій, моравской или тимокской, при чемъ для дѣйствій противъ послѣдней можно было бы войти въ связь съ вновь сформированнымъ виддинскимъ корпусомъ *Османа-паши*, который, незадолго до того, 6 (18) іюля, бу-

¹⁾ Главную сербскую позицію у Алексинаца составлялъ горный хребетъ, направившійся отъ С. Буймиръ къ Озренъ-планинѣ. Этотъ естественный валъ былъ усиленъ 7-ю редутами и нѣсколькими батареями. Лѣвый флангъ его, примыкавшій къ Озренъ-планинѣ, былъ обезпеченъ 3-мя редутами, правый же флангъ примыкалъ къ рѣкѣ Болгарской Моравѣ и былъ обезпеченъ нѣсколькими предмостными укрѣпленіями, находившимися у Мрзола и Бѣлы.

Укрѣпленная Делиградская позиція находилась въ полупереходѣ за Алексинацкою и представляла вторую линію обороны.

дучи атакованъ сербскою тимокскою арміею у Великаго Извора, отбилъ эту атаку и сталъ угрожать Зайчару ¹⁾.

16) (28) іюля сосредоточеніе корпуса Ахмедъ-Эюба-паши было окончено. Къ тому же времени турецкая главная квартира окончательно выработала планъ наступленія. Предполагалось, что Ахмедъ-Эюбъ овладѣетъ Княжевацемъ, а Османъ-паша Зайчаромъ, послѣ чего вся долина рѣки Тимока будетъ въ рукахъ Турокъ. Затѣмъ имѣлось въ виду, соединивъ оба корпуса, атаковать съ тыла сербскую моравскую армію, сосредоточившуюся снова у Алексинаца и Делиграда. Съ цѣлью поддержанія этой послѣдней атаки турецкій главнокомандующій намѣревался ввести въ дѣло еще третій корпусъ *Али-Саиба-паши*, сформированный въ Старой Сербіи близъ Приштины, который долженъ былъ 18 (30) іюля прибыть въ Уркюбъ (Прокопле), откуда своевременно направиться черезъ Нишъ къ Алексинацу.

Для исполненія этого плана *Абдулъ-Керимъ-паша* приказалъ:

1) Главнымъ силамъ корпуса Ахмедъ-Эюба, т. е. дивизіямъ *Гуссейна-Гами* и *Гуссейна-Сабри* пашей, выступить изъ Ниша на разсвѣтъ 17 (29) іюля и двинуться черезъ Громаду къ Понору;

2) дивизіи *Сулеймана-паши* выступить 18 (30) іюля изъ Пандирало и двинуться также къ Понору, гдѣ присоединиться къ главнымъ силамъ;

и 3) всему корпусу отъ Понора идти къ Княжевацу и овладѣть этимъ городомъ не позже 19 (31) іюля.

Главные силы *Ахмедъ-Эюба-паши* исполнили въ точности полученное ими приказаніе и выступили изъ Ниша въ 3 часа утра 17 (29) іюля, имѣя въ авангардѣ 10 баталіоновъ, 3 батареи и 800 Черкесовъ подъ начальствомъ *Гафиза-паши*. Хвостъ колонны главныхъ силъ вытянулся только около 10 часовъ утра, послѣ чего стали вытягиваться „безконечные“ (по выраженію Майерса) обозы.

¹⁾ Атака эта была ведена подъ личнымъ руководствомъ генерала Черняева, которому въ это время была уже подчинена и тимокская армія. Въ этомъ неудачномъ для Сербовъ бою погибъ русскій офицеръ-доброволецъ *Кирѣевъ*, смерть котораго важна въ двухъ отношеніяхъ: 1) слѣдствіемъ ея явились деморализація и паника въ лѣвой сербской колоннѣ, находившейся подъ его начальствомъ, и 2) геройская кончина Кирѣева сильно взволновала русское общество.

Движеніе было весьма медленно, такъ какъ оно совершалось по дурной проселочной дорогѣ въ гористой мѣстности.

Около 12 часовъ дня авангардъ Гафиза-паши потѣснилъ сербскіе передовые посты, расположенные впереди Громады, и отбросилъ ихъ на укрѣпленную Сербами позицію, которая была занята 4 баталіонами съ 6 орудіями, принадлежавшими къ составу арьергарда полковника *Хорватовича*.

Гафизъ-паша, ограничившись съ фронта демонстративнымъ боемъ, направилъ главный ударъ на правый флангъ Сербовъ. Въ 3 часа пополудни Турки овладѣли редутомъ, составлявшимъ ключъ сербской позиціи, послѣ чего Сербы отступили съ соблюденіемъ полного порядка и заняли новую позицію у Дервента. Турки не преслѣдовали ихъ и расположились на ночлегъ: авангардъ у Громады, выдвинувъ передовые посты къ сторонѣ Дервента, а главные силы въ походной колоннѣ (т. е. не стягиваясь въ общій резервный порядокъ) у дороги.

18 (30) іюля главные силы Ахмедъ-Эюба-паши продолжали движеніе къ Дервенту, при чемъ турецкому авангарду снова пришлось атаковать сербскій арьергардъ, занимавшій выгодную для него позицію на высотахъ праваго берега рѣки Тимока. Гафизъ-паша снова ограничился съ фронта артиллерійскимъ боемъ и двинулъ въ то же время обходную колонну черезъ Мерцелатъ въ обходъ праваго фланга Сербовъ, вслѣдствіе чего Сербы очистили занимаемую ими позицію, не ввязываясь въ упорный бой. Въ это время главные силы Турокъ успѣли уже перестроиться въ боевой порядокъ. Послѣ отступленія Сербовъ Турки продолжали наступленіе въ боевомъ порядкѣ и къ ночи дошли до Трессибабы-планины, гдѣ и расположились бивакомъ, обезпечивъ себя съ фланговъ иррегулярными войсками, которыя не замедлили сжечь всѣ доставшіяся имъ въ руки сербскія деревни.

Между тѣмъ начальникъ сербскаго арьергарда полковникъ *Хорватовичъ*, въ распоряженіи котораго находилось не болѣе 6,000 человекъ, рѣшилъ задерживать дальнѣйшее наступленіе Турокъ столь возможно упорнѣе съ тѣмъ, чтобы не уступить имъ столь важнаго пункта, какимъ былъ Княжевацъ, ранѣе чѣмъ будутъ истощены всѣ средства къ его удержанію. Поэтому, когда на слѣдую-

цій день, 19 (31) іюля, *Ахмедъ-Эюбъ-паша* двинулся къ Княжевацу, то онъ встрѣтилъ весьма упорное сопротивленіе со стороны Сербовъ. Тѣмъ не менѣе подавляющее превосходство въ силахъ, бывшее на сторонѣ Турокъ, имѣло рѣшительное значеніе, такъ какъ давало имъ возможность, сильно обстрѣливая противника съ фронта, охватывать и обходить его фланги. Поэтому Сербамъ не оставалось болѣе ничего, какъ отступать шагъ за шагомъ.

Около 4-хъ часовъ пополудни Турки подошли версты на четыре къ Княжевацу и остановились въ виду послѣдней сербской позиціи, которая была заблаговременно укрѣплена, и которую *Ахмедъ-Эюбъ-паша* не хотѣлъ атаковать ранѣе прибытія дивизіи *Сулеймана-паши*. Свѣдѣніе объ этой послѣдней дивизіи было получено только въ 5½ часовъ пополудни. Оказалось, что она выступила изъ Пандирало въ ночь съ 18 (30) на 19 (31) іюля и только что подошла къ Понору. Въ виду этого и принимая во вниманіе усталость войскъ, Ахмедъ-Эюбъ-паша отказался отъ намѣренія атаковать въ этотъ же день Сербовъ на выгодной для нихъ позиціи и приказалъ своему корпусу расположиться тутъ же на ночлегъ въ боевомъ порядкѣ.

Это рѣшеніе Ахмедъ-Эюба-паши, хотя до нѣкоторой степени вызванное несвоевременностью прибытія дивизіи Сулеймана-паши, едва ли можетъ быть оправдано. Хотя Сербы занимали хорошую позицію на высотахъ праваго берега Тимока, атака которой съ фронта была весьма трудна, тѣмъ не менѣе фланги этой позиціи были слабы. Въ особенности былъ удобенъ для атаки лѣвый ея флангъ. При правильномъ веденіи боя со стороны Турокъ имѣвшихся въ распоряженіи Ахмедъ-Эюба-паши двухъ сильныхъ дивизій было вполне достаточно для того, чтобы сломить сопротивленіе сравнительно слабого отряда полковника Хорватовича ¹⁾. Между тѣмъ въ случаѣ промедленія Сербы могли получить подкрѣпленія, послѣ чего атака ихъ позиціи сдѣлалась бы болѣе трудною. Поэтому Ахмедъ-Эюбу-пашѣ надлежало атаковать Сербовъ въ тотъ же день, не выжидая прибытія Сулеймана-паши, тѣмъ болѣе, что на основаніи

¹⁾ По свидѣтельству Майерса потери Турокъ въ бояхъ между Громадою и Княжевацемъ состояли всего только изъ 50 убитыхъ и 180 раненыхъ. Если допустить, что потери обѣихъ сторонъ были одинаковы, то это было болѣе чувствительно для Сербовъ, чѣмъ для Турокъ.

директивовъ, полученныхъ отъ главнокомандующаго, Княжевацъ долженъ былъ быть занятъ именно 19 (31) іюля.

Если по отношенію къ этому дню Ахмедъ-Эюбъ могъ еще приводить въ оправданіе принятаго имъ рѣшенія не прибытіе Сулеймана-паши и утомленіе войскъ, то дальнѣйшія его дѣйствія не могутъ быть оправданы ни въ какомъ случаѣ. Несмотря на то, что дивизія Сулеймана наконецъ подошла, Турки совершенно бездѣйствовали съ 20 по 22 іюля (1 по 3 августа). Только 23 іюля (4 августа) Ахмедъ-Эюбъ рѣшился начать бой, но и въ этотъ день ограничился лишь обстрѣливаніемъ сербской позиціи сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, который не былъ оставленъ сербскою артиллеріею безъ отвѣта. Наконецъ 24 іюля (5 августа) Ахмедъ-Эюбъ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Бой былъ начать опять-таки огнемъ артиллеріи, пѣхота же обошла неприятельскую позицію съ обоихъ фланговъ, что вынудило Сербовъ не только очистить позицію, но и уступить Туркамъ городъ Княжевацъ, въ которомъ нельзя было держаться, такъ какъ онъ могъ быть отлично обстрѣливаемъ съ высотъ, только что занятыхъ Турками.

Очистивъ Княжевацъ утромъ 25 іюля (6 августа), полковникъ Хорватовичъ отступилъ къ Баньскому дефіле, оставивъ тыльный отрядъ у Читлука и Церовицы. Что касается Турокъ, то они не позаботились о преслѣдованіи отступавшаго противника, соприкосновеніе съ которымъ было такимъ образомъ потеряно. Городъ Княжевацъ не былъ занятъ регулярными турецкими войсками. Только одна бригада Азиса-паши была расположена близъ самого города, главныя же силы бивакировали на полѣ сраженія, и только Черкесы и баши-бузуки, разграбивъ городъ, продвинулись еще далѣе впередъ по долинѣ Тимока, но не удалялись слишкомъ много отъ Княжеваца.

Княжевацкая операція даетъ возможность вывести заключенія о качествахъ войскъ обѣихъ сторонъ и о распорядительности ихъ начальниковъ.

По отношенію къ Сербамъ бросается въ глаза то обстоятельство, что слабая бригада полковника Хорватовича дѣйствуетъ весьма успѣшно въ роли арьергарда, что весьма краснорѣчиво подтверждаетъ высказанную выше мысль, что милиціонныя войска, неспо-

собныя къ наступательнымъ операціямъ, напротивъ того при оборонѣ мало въ чемъ уступаютъ войскамъ регулярнымъ, конечно если находятся въ умѣлыхъ рукахъ. Что касается Турокъ, то, несмотря на хорошія качества турецкаго солдата и несмотря на подавляющее превосходство въ силахъ, корпусъ Ахмедъ-Эюба-паши дѣйствовалъ крайне медленно и вяло; конечно до нѣкоторой степени причинами тому были трудность движенія по горнымъ дорогамъ и затрудненія въ отношеніи продовольствія войскъ; отчасти виноватъ былъ Сулейманъ-паша, опоздавшій съ своею дивизіею; главнымъ же виновникомъ въ этомъ случаѣ являлся самъ Ахмедъ-Эюбъ-паша, мысли котораго, въ теченіи всего этого времени, по неизвѣстнымъ причинамъ, находились гдѣ-то назади. Если онъ подчинялся давленію изъ главной квартиры, парализовавшему его предположенія, то, конечно, отвѣтственность падаетъ на эту послѣднюю, но на это достовѣрныхъ указаній не имѣется. Во всякомъ случаѣ нельзя не поставить слѣдующихъ вопросовъ: какимъ образомъ случилось, что слабая сербская милиціонная бригада не была раздавлена регулярнымъ турецкимъ корпусомъ? почему наступленіе Турокъ было такъ медленно? почему Княжевацъ не былъ взятъ своевременно? почему этотъ же городъ, по очищеніи его Сербами, не былъ занятъ Турками надлежащимъ образомъ? почему не была открыта связь съ Османомъ-пашею? почему было потеряно соприкосновеніе съ отступившимъ сербскимъ арьергардомъ? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы можетъ быть только одинъ: нерѣшительность, если не неспособность, Ахмедъ-Эюба-паши была причиною того, что Княжевацкая операція, обѣщавшая отличные результаты, не принесла Туркамъ никакой пользы.

Между тѣмъ и турецкая главная квартира съ своей стороны постаралась довершить дѣло, начатое Ахмедъ-Эюбомъ, и приняла такое рѣшеніе, которое не только не давало возможности воспользоваться успѣхами на верхнемъ и нижнемъ Тимокѣ у Княжеваца и Зайчара, но сверхъ того низводило всю Княжевацкую операцію на степень безцѣльнаго и даже бессмысленнаго маневра. Дѣло сводится къ тому, что въ турецкой главной квартирѣ происходило оживленное измышленіе плановъ, имѣвшихъ цѣлью возможно болѣе успѣшный и дѣйствительный погромъ Сербовъ, при чемъ излишнее

усердіе лицъ, принимавшихъ въ этомъ участіе, отчасти вредило дѣлу. Изъ числа совѣтниковъ *Абдулъ-Керима-паши* особенно замѣчательны два иностранца: *Блумъ-паша*, бывшій инженерный офицеръ прусской службы, эмигрировавшій изъ Пруссіи въ пятидесятихъ годахъ, и венгерскій генералъ *Клапка*, бѣжавшій изъ Венгріи въ Турцію въ 1849 году. Справедливость требуетъ разъясненія, что *Блумъ-паша*, обладавшій хорошимъ военнымъ образованіемъ, руководился преимущественно здравымъ смысломъ, между тѣмъ какъ *Клапка*, военный человекъ не безъ достоинствъ, дѣйствовалъ всецѣло подъ вліяніемъ искренней дружбы къ Туркамъ, являвшейся слѣдствіемъ ненависти къ Россіи и къ Славянамъ вообще, вслѣдствіе чего въ немъ происходила борьба между разумомъ и сердцемъ, оканчивавшаяся нерѣдко въ ущербъ первому и въ пользу послѣдняго.

Въ то время какъ иностранцы придумывали замысловатые планы, сами Турки были склонны слѣдовать простому и незатѣйливому образу дѣйствій, но это вполне основательное ихъ желаніе стѣснялось отчасти вліяніемъ иностранцевъ, главнымъ же образомъ вмѣшательствомъ правительства, которое въ свою очередь находилось подъ вліяніемъ европейской и въ особенности англійской дипломатіи.

Результатомъ подобнаго положенія дѣлъ явилась перемѣна плана кампаніи, несообразная съ обстановкою. Впрочемъ необходимость ея была объяснена трудностью въ отношеніи снабженія войскъ продовольствіемъ ¹⁾ и боевыми припасами и разными, еще менѣе того основательными причинами.

Сушность новаго плана сводилась къ передвиженію корпуса *Ахмедъ-Эюба-паши* и одной дивизіи изъ состава отряда *Османа-паши* къ Нишу на присоединеніе къ сосредоточивавшемуся тамъ корпусу *Али-Саиба-паши* съ цѣлью наступленія по долинѣ рѣки

¹⁾ Трудность эта вовсе не доходила до такой степени, чтобы было необходимо отступать изъ Княжеваца. Если она имѣла ощутительный характеръ, то виною тому была нераспорядительность Турокъ въ этомъ отношеніи. Наконецъ, если допустить, что она была неодолима, то спрашивается, зачѣмъ же было произведено наступленіе къ Княжевацу, имѣвшее слѣдствіемъ напрасную и ничѣмъ не вознагражденную потерю времени, силъ и средствъ.

Моравы и атаки съ фронта Алексинацкой позиціи Сербовъ, той самой, которую прежде признавалось выгоднымъ обходить. Въ то же время *Османъ-паша* долженъ былъ дѣйствовать по прежнему черезъ Зайчаръ на сообщенія главной сербской арміи.

Планъ этотъ, въ сравненіи съ прежнимъ, имѣлъ то преимущество, что большее число войскъ, 60,000—70,000, направлялось противъ главной сербской арміи, а слѣдовательно успѣхъ былъ болѣе вѣроятенъ. Но такое же точно число войскъ могло быть собрано и въ Княжевацѣ, если бы туда были двинуты всѣ собранныя въ Нишѣ войска кромѣ первоначальнаго гарнизона этой крѣпости, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ Турки были бы въ болѣе выгодномъ положеніи, такъ какъ не имѣли бы передъ собою Алексинацкой позиціи и могли бы, дѣйствуя въ тѣсной связи съ отрядомъ Османа-паши, угрожать сообщеніямъ арміи генерала Черняева и, быть можетъ, вынудили бы его къ отступленію.

Что касается затрудненій въ отношеніи доставки продовольствія и боевыхъ припасовъ, бывшихъ причиною перемѣны плана дѣйствій, то въ теченіи времени, которое было употреблено на передвиженія, можно было улучшить дорогу изъ Софіи черезъ Пиротъ въ Княжевацъ и организовать правильное движеніе транспортовъ, которые доставляли бы арміи все ей необходимое. Въ отношеніи продовольствія можно было еще пользоваться средствами страны, но для этого надлежало не допускать грабежей, такъ какъ они никакой пользы въ военномъ отношеніи не приносили.

ГЛАВА VI.

Для сосредоточенія турецкой арміи согласно съ новымъ планомъ, изложеннымъ въ концѣ предыдущей главы, были совершены слѣдующія передвиженія турецкихъ войскъ.

Дивизія *Фазли-паши* (13 баталіоновъ, 3 батареи и 6 эскадроновъ), принадлежавшая къ составу отряда *Османа-паши*, выступила изъ Зайчара 1 (13) августа и на другой день вечеромъ присоединилась къ корпусу Ахмедъ-Эюба, бивакировавшему на высотахъ Трессибабы.

5 (17) августа весь корпус *Ахмедъ-Эюба-паши* былъ поднятъ по тревогѣ, послѣ чего двинулся назадъ черезъ Дервентъ къ сербско-турецкой границѣ и далѣе въ долину рѣки Болгарской Моравы. Обозъ былъ отправленъ подъ прикрытіемъ бригады Гафиза-паши черезъ Громаду къ Нишу, остальные же войска совершили фланговое движеніе лѣво двумя колоннами: части, бивакировавшія у Громады и Дервента, двинулись по лучшимъ дорогамъ въ долину рѣчки Топольницы (притока Моравы), войска же, находившіяся ближе къ Княжевацу, слѣдовали по горнымъ дорогамъ и тропинкамъ мимо м. Св. Архангела черезъ Ржавцы и Езеро къ монастырю св. Стефана. Движеніе это было совершено подъ прикрытіемъ бокового авангарда, выдвинутаго къ сторонѣ Церовицы противъ находившагося у Баньи сербскаго отряда, о которомъ было сказано въ предыдущей главѣ; впослѣдствіи упомянутый боковой авангардъ превратился въ арріергардъ.

Пользуясь отступленіемъ *Ахмедъ-Эюба-паши*, начальникъ сербскаго Баньскаго отряда полковникъ *Хорватовичъ* перешелъ въ наступленіе, снова занялъ Княжевацъ и позицію у Трессибабы, которую еще болѣе усилилъ вновь возведенными укрѣпленіями.

Между тѣмъ войска корпуса Ахмедъ-Эюба подошли: правая колонна къ монастырю св. Стефана 7 (19), а лѣвая къ Катуну 9 (21) августа.

7 (19) августа корпусъ *Али-Саиба-паши* (не менѣе 20,000 человекъ) атаковалъ сербскія позиціи на лѣвомъ берегу Моравы. Первоначальною цѣлью этого наступленія было устройство моста черезъ рѣку Мораву у Тешицы и открытіе сообщенія по кратчайшему направленію между корпусами Али-Саиба и Ахмедъ-Эюба.

Дѣйствія Али-Саиба-паши были не особенно удачны, такъ какъ Туркамъ приходилось наступать подъ убійственнымъ огнемъ сербскихъ Алексинацкихъ батарей, вооруженныхъ орудіями большаго калибра. Къ тому же Сербы не ограничились пассивною обороною, но переходили въ наступленіе.

Такимъ образомъ на лѣвомъ берегу Моравы бой былъ веденъ съ переменнымъ счастіемъ въ теченіи двухъ дней 7 (19) и 8 (20) августа.

9 (21) августа бой разгорѣлся уже на обоихъ берегахъ Моравы, такъ какъ корпусъ Ахмедъ-Эюба успѣлъ обнаружить свое присутствіе на ручьѣ св. Стефана. Вслѣдствіе этого Сербы не могли дѣйствовать на лѣвомъ берегу упомянутой рѣки столь же энергично, какъ въ предшествовавшіе два дня, что способствовало Али-Саибу-пашѣ къ достиженію поставленной ему цѣли. Въ этотъ день, корпусъ его, сражаясь по прежнему съ перемѣннымъ успѣхомъ, занялъ наконецъ Тешицу.

10 (22) августа бой продолжался на обоихъ берегахъ Моравы, причемъ Турки успѣли начать постройку моста у Тешицы и возведеніе предмостныхъ укрѣпленій на лѣвомъ берегу выше названной рѣки.

11 (23) августа утромъ Сербы, замѣтивъ работы по устройству моста, атаковали Али-Саиба-пашу, но не могли помѣшать успѣшному ходу производимыхъ его корпусомъ работъ. Въ этотъ день бой продолжался на обоихъ берегахъ Моравы, причемъ со стороны Турокъ Али-Саибъ старался только надежнымъ образомъ обезпечить производимыя его же корпусомъ работы по укрѣпленію занятыхъ позицій, простиравшихся отъ лѣваго берега Моравы до верховьевъ праваго берега Житковацкаго ручья, а Ахмедъ-Эюбъ подготавливалъ предполагаемую имъ атаку Алексинацкой позиціи Сербовъ, для чего выдвинулъ всю свою артиллерію, которая сверхъ того была усилена орудіями большихъ калибровъ, подвезенными изъ Ниша.

12 (24) августа Ахмедъ-Эюбъ повелъ атаку со стороны м. Св. Стефана и Катунa. Нѣсколько окоповъ было взято, но затѣмъ Турки попали подъ сосредоточенный огонь тяжелой сербской артиллеріи, причемъ понесли большія потери и были вынуждены отступить. Пользуясь этимъ, Сербы неоднократно переходили въ наступленіе что вовсе не вызывалось необходимостью и въ свою очередь имѣло слѣдствіемъ потери, которыхъ можно было избѣжать. На лѣвомъ берегу Моравы въ этотъ день обѣ стороны ограничились перестрѣлкой.

Въ теченіи этого шестидневнаго боя, называемаго «сраженіемъ при Алексинацѣ» Сербы потеряли: *убитыми* офицеровъ 9 (въ томъ числѣ русскихъ 7) и нижнихъ чиновъ 371, *ранеными* офицеровъ

38 (въ томъ числѣ русскихъ 23) и нижнихъ чиновъ 1,195, а всего 1,613 человекъ.

Потери Турокъ неизвѣстны; во всякомъ случаѣ онѣ были болѣе чѣмъ у Сербовъ, т. е. не менѣе 2,000 и до 3,000 человекъ.

Въ бою этомъ Сербы дѣйствовали довольно успѣшно и отразили главную атаку Турокъ, но, къ сожалѣнію, они дали возможность Али-Сайбу-пашѣ утвердиться на лѣвомъ берегу Моравы, что впоследствии имѣло роковое значеніе. Турки не достигли той цѣли, которою они задавались, такъ какъ фронтальная атака Алексинацкой позиціи окончилась пораженіемъ корпуса Ахмедъ-Эюба, что впрочемъ можно было предвидѣть и ранѣе.

Такимъ образомъ второй планъ, принятый турецкою главною квартирою, оказался неудобополнимъ. Между тѣмъ, вечеромъ 12 (24) августа, сердаръ-экремъ получилъ свѣдѣніе о томъ, что сербскій Банскій отрядъ Хорватовича двинулся изъ Княжеваца въ южномъ направленіи, изъ чего можно было вывести заключеніе, что Хорватовичъ намѣревался атаковать правый флангъ Ахмедъ-Эюба-паша.

Это послѣднее обстоятельство окончательно выяснило несостоятельность втораго плана и побудило турецкую главную квартиру принять *третій планъ*, сводившійся къ сосредоточенію почти всѣхъ турецкихъ войскъ, находившихся на главномъ театрѣ войны, на лѣвомъ берегу Болгарской Моравы съ тѣмъ, чтобы, наступая внизъ по этому берегу и примыкая лѣвымъ флангомъ къ планинѣ «Малый Ястребацъ», обойти съ праваго фланга Алексинацкую и Делиградскую позиціи Сербовъ, послѣ чего наступать къ сербской столицѣ.

Выгоды этого плана заключались въ слѣдующемъ:

1) Турки имѣли возможность воспользоваться вполне своимъ превосходствомъ въ силахъ и 2) они значительно сокращали свою операционную линію на Бѣлградъ, такъ какъ въ случаѣ если бы наступленіе по лѣвому берегу Болгарской Моравы оказалось возможнымъ, то не пришлось бы производить фронтальныхъ атакъ вышеупомянутыхъ сербскихъ укрѣпленныхъ позицій, сопряженныхъ къ тому же съ движеніемъ по болѣе кружному пути.

Невыгоды новаго плана были слѣдующія:

1) Въ случаѣ неудачи Турки могли быть отброшены въ горы

«Ястребацкой планины», гдѣ они были бы поставлены въ безвыходное положеніе, и 2) при дальнѣйшемъ наступленіи Турокъ на протяженіи двухъ переходовъ, отъ Крушеваца (на Сербской Моравѣ) до Крагуеваца или Ягодины (пройдя соединенную Мораву), пришлось бы двигаться по сравнительно дурнымъ дорогамъ на Телевацъ и Кавадаръ или на Бачину, Обрѣжъ и Говацъ-врхъ, что затруднило бы движеніе артиллеріи и обозовъ.

Какъ бы тамъ ни было, со времени принятія послѣдняго плана, дѣйствія Турокъ начинаютъ принимать болѣе осмысленный характеръ.

Во исполненіе новаго плана сердарь-экремъ приказалъ Ахмедъ-Эюбу-пашѣ, большая часть силъ котораго была сосредоточена у Катуна, двинуться 16 (28) августа черезъ Тешницкій мостъ на лѣвый берегъ Моравы, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Приказаніе это было исполнено въ точности, причемъ въ видахъ скрытности движенія были оставлены на правомъ берегу Моравы небольшой отрядъ регулярныхъ войскъ и сверхъ того Черкесы и Арнауты, которые произвели демонстрацію и привлекли на себя вниманіе Сербовъ.

✓ 18 (30) августа главные силы *Абдуль-Керима-паша* были сосредоточены на лѣвомъ берегу Моравы близъ Тешицы.

Между тѣмъ генералъ *Черняевъ* не могъ не обратить вниманія на постепенное перенесеніе Турками центра тяжести боя влѣво, вслѣдствіе чего онъ пришелъ къ заключенію о необходимости усиленія своего праваго фланга. Съ этою цѣлью онъ приказалъ частямъ ибарской арміи, назначеннымъ къ тому времени въ его распоряженіе, двинуться отъ Яворъ-планины на Крушевацъ и занять позиціи у Дьюниша и Каоника. Затѣмъ нѣсколько позже полковнику Хорватовичу было приказано двинуться съ большею частью Баньскаго отряда чрезъ Делиградъ также на лѣвый берегъ Моравы и, развернувшись на правомъ флангѣ Дьюнишской позиціи, дѣйствовать противъ лѣваго фланга Турокъ. Сверхъ того значительная часть главныхъ силъ арміи генерала Черняева была переведена также съ праваго берега Моравы на лѣвый.

Тѣмъ не менѣе мѣры, приняты сербскимъ главнокомандующимъ для задержанія Турокъ на лѣвомъ берегу Моравы, должны быть

признаны недостаточными. Разъ какъ Турки отказались отъ лобоваго удара противъ фронта Алексинацкой позиціи Сербовъ, отказавшись еще ранѣе того отъ обхода этой позиціи съ лѣваго ея фланга, то очевидно, что имъ не оставалось болѣе ничего, какъ обойти правый флангъ Сербовъ, что давало имъ возможность угрожать пути отступленія непріятельской арміи и открыть себѣ путь къ сербской столицѣ. При этомъ центръ тяжести военныхъ дѣйствій переходилъ безусловно на лѣвый берегъ Моравы, дѣйствія же на правомъ ея берегу отодвигались на второй планъ.

Такимъ образомъ обстановка требовала, чтобы главные силы Сербовъ подъ личнымъ начальствомъ генерала Черняева находились не на правомъ, но на лѣвомъ берегу Моравы, примѣрно на линіи Любтень—М. Дреновацъ—Буймиръ, причемъ въ виду того, что на сторонѣ Турокъ находилось превосходство въ силахъ, Сербамъ надлежало тщательно укрѣпить упомянутую позицію. На правомъ берегу Моравы на Алексинацкой позиціи можно было оставить не болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ силъ, находившихся въ распоряженіи генерала Черняева. Для занятія Делиградской позиціи не было надобности въ выдѣленіи особаго отряда, такъ какъ эта позиція могла бы быть занята войсками, находившимися у Алексинаца, если бы имъ пришлось отступить; въ крайности Делиградъ могъ бы быть избранъ для расположенія частнаго резерва лѣваго фланга, который вмѣстѣ съ тѣмъ связывалъ бы разобщенныя части сербской арміи.

Между тѣмъ генераль Черняевъ по прежнему придавалъ главное значеніе операціямъ на правомъ берегу Моравы, вслѣдствіе чего остался на этомъ берегу съ большею частью своихъ силъ, что въ весьма сильной степени облегчило дѣйствія Турокъ. Поэтому неудивительно, что онъ былъ захваченъ въ располхъ атакою соединенныхъ турецкихъ корпусовъ Ахмедъ-Эюба и Али-Саиба-пашей на лѣвомъ берегу Моравы 20 августа (1 сентября). Атака эта была тѣмъ болѣе неожиданна, что она была произведена въ пятницу, т. е. въ турецкій воскресный день. Цѣлью атаки было овладѣніе переправою черезъ Мораву у Бобовиште, т. е. прорывъ сербскаго расположенія между Алексинацемъ и Делиградомъ. Для производства этой атаки Турки развернулись на протяженіи 7 $\frac{1}{2}$ верстъ, примыкая правымъ флангомъ къ Моравѣ, а лѣвымъ къ верховьямъ Кор-

манскаго ручья, называемаго иначе Людакскимъ потокомъ. На правомъ флангѣ атакующіе овладѣли посредствомъ нечаяннаго нападенія нѣсколькими передовыми укрѣпленіями Сербовъ у Житковаца, особенное же вниманіе они обратили на усиленіе своего лѣваго фланга, который былъ назначенъ для производства главнаго удара.

Между тѣмъ генераль Черняевъ, убѣдившись въ томъ, что Турки, оставивъ противъ Алексинаца лишь незначительный отрядъ, обратились всею массою своихъ силъ въ обходъ его праваго фланга, усилилъ исподволь этотъ флангъ. Это дало Сербамъ возможность нѣсколько задержать противника, при чемъ Турки не достигли той цѣли, которою они задавались, т. е. не могли занять Бобовиштской переправы. Тѣмъ не менѣе они утвердились прочно на лѣвомъ берегу Моравы, вслѣдствіе чего Сербы были принуждены очистить поле сраженія и отойти за Мораву къ Алексинацу и Делиграду. Въ виду этого генераль Черняевъ принялъ слѣдующія мѣры для обезпеченія своего праваго фланга: Во-первыхъ, онъ усилилъ отрядъ, занимавшій Дюнишъ-Каоникскую позицію и мостъ черезъ Мораву у Трубарева на большой Крушевацко-Делиградской дорогѣ, для чего былъ двинутъ на лѣвый берегъ Моравы Банскій отрядъ полковника Хорватовича, и, во-вторыхъ, сдѣлалъ распоряженіе о занятіи всего участка праваго берега Моравы отъ Трубаревского моста до Алексинаца. Отступленіе праваго фланга сербской арміи съ лѣваго на правый берегъ Моравы было совершено съ боемъ частью по Трубаревскому, главнымъ же образомъ по Бобовиштскому мостамъ, причемъ многія части отступали въ безпорядкѣ. Значеніе этого послѣдняго обстоятельства было преувеличено западно-европейскою печатью съ легкой руки корреспондентовъ, по мнѣнію которыхъ этотъ бой, получившій названіе «сраженія подъ Мрзоломъ», признавался рѣшительнымъ и окончательнымъ пораженіемъ Сербовъ.

Въ дѣйствительности критическое положеніе Сербовъ было не продолжительно, такъ какъ и у Турокъ не было надлежащаго порядка; къ тому же эти послѣдніе сожгли всѣ окрестныя деревни и находившіеся въ нихъ запасы продовольствія, чѣмъ ухудшили свое же положеніе, такъ какъ въ это время не было возможности подвозить къ арміи все ей необходимое бзъ денегъ и по дурнымъ

дорогамъ. Это имѣло слѣдствіемъ пріостановку наступательныхъ дѣйствій Турокъ.

Такимъ образомъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе третій планъ турецкой главной квартиры. Вслѣдствіе этого сербскій главнокомандующій имѣлъ возможность возстановить въ своей арміи порядокъ и принять всѣ тѣ мѣры, которыя онъ признавалъ необходимыми. Мостъ у Бобовиште былъ разведенъ. Главныя силы Сербовъ расположились на Дьюнишъ-Делиградской дорогѣ. Правый берегъ Моравы отъ Алексинаца до Делиграда былъ сильно укрѣпленъ и занятъ силами вполне достаточными для его обороны. Въ Алексинацѣ былъ оставленъ впредь до разъясненія обстановки подполковникъ *Протичъ* съ 22 баталіонами и соотвѣтствующимъ числомъ частей другихъ родовъ оружія; третья часть этого отряда подъ начальствомъ подполковника *Поповича* заняла отдѣльныя укрѣпленія. Главная сербская квартира въ этотъ же день 20 августа (1 сентября) перешла въ Делиградъ.

Турки съ 21 по 25 августа (2 по 6 сентября) бездѣйствовали, 26 же, 29 и 30 августа (7, 10 и 11 сентября) они четыре раза пытались, приблизившись къ Моравѣ, перейти на правый берегъ этой рѣки на пространствѣ между Корманомъ, Адровацемъ и Бобовиште, но всякій разъ были отбиты Сербамъ. Въ этихъ бояхъ обѣ стороны потеряли около 2,000 человѣкъ каждая.

31 августа (12 сентября) прибывшій на лѣвый берегъ Моравы Банскій отрядъ полковника *Хорватовича*, получившій названіе «Банскаго корпуса», пытался опрокинуть лѣвый флангъ Турокъ съ тѣмъ, чтобы угрожать ихъ пути отступленія на Нишъ, но попытка эта окончилась неудачею. Тѣмъ не менѣе Банскій корпусъ утвердился на правомъ берегу Больевацкаго ручья и примкнулъ свой правый флангъ къ планинѣ «Ястребацъ» у Вуканыи, т. е. сохранилъ возможность угрожать лѣвому флангу и отчасти тылу турецкой арміи.

Между тѣмъ въ Турціи произошла смѣна правительства, имѣвшая важныя послѣдствія. Султанъ Мурадъ V былъ свергнутъ съ престола. Ему наследовалъ его младшій братъ Абдулъ-Гамидъ II 26 августа (7 сентября).

Въ это время великія европейскія державы и въ особенности Англія и Австрія старались склонить обѣ воевавшія стороны къ заключенію перемирія съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за перемиріемъ былъ заключенъ и миръ. Однако это было очень трудно, такъ какъ съ одной стороны преобладало воинственное настроеніе тамъ, гдѣ ему, казалось бы, не было мѣста, а именно въ Сербіи, съ другой же стороны Турція считала невозможнымъ уронить свое достоинство на столько, чтобы заключить перемиріе съ вассальнымъ княжествомъ. Поэтому посредничествовавшимъ державамъ удалось добиться только временнаго прекращенія военныхъ или вѣрнѣе наступательныхъ дѣйствій, которое продолжалось съ 5 (17) по 15 (27) сентября.

Нѣсколько ранѣе начала этого своеобразнаго перемирія, 2 (14) сентября, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ *Савфетъ-паша* обратился къ посламъ великихъ державъ съ меморандумомъ, заключившимъ въ себѣ условія, на которыхъ Турція соглашалась заключить миръ. Условія эти были слѣдующія:

1) Сербскій князь долженъ былъ прибыть къ Константинополю и присягнуть тамъ на вѣрность султану.

2) Сербскія крѣпости Бѣлградъ, Шабацъ, Смедерево и Кладова должны были быть заняты турецкими гарнизонами.

3) Сербская милиція должна была быть распущена; численность вооруженныхъ силъ Сербіи не должна была превышать 10,000 человекъ.

4) Бѣжавшіе въ Сербію жители сосѣднихъ съ нею турецкихъ провинцій должны были быть высланы на родину.

5) Всѣ вновь возведенныя укрѣпленія должны были быть срыты Сербами.

6) Сербія должна была уплатить Турціи вознагражденіе за расходы по веденію войны или же увеличить противъ прежняго размеръ уплачиваемой ею дани.

7) Турецкому правительству должно было быть предоставлено право построить желѣзную дорогу изъ Ниша въ Бѣлградъ и предоставить эксплуатацію ея своимъ чиновникамъ или какому-либо турецкому обществу.

По отношенію къ Черногоріи Турція соглашалась на возстановленіе „*status quo ante bellum*“.

Условія эти были признаны великими державами несоотвѣтствовавшими дѣйствительному положенію дѣлъ, вслѣдствіе чего 11 (23) сентября Портѣ были предъявлены *контръ-предложенія*, составленныя англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ лордомъ *Дерби* по соглашенію съ русскимъ посломъ въ Лондонѣ графомъ *Шуваловымъ*, а равно и съ представителями остальныхъ великихъ державъ. Эти контръ-предложенія сводились къ требованію: 1) одного порта на Адриатическомъ морѣ для Черногоріи, 2) автономіи для Босніи и Герцеговины, 3) улучшенія управленія въ Болгаріи посредствомъ введенія въ ней административныхъ реформъ и 4) „*status quo ante*“ по отношенію къ Сербіи.

Въ свою очередь Порта не хотѣла согласиться съ предложеніями великихъ державъ и, стараясь всячески уклониться отъ необходимости дать прямой отвѣтъ на эти предложенія, выступила съ проектомъ введенія реформъ во всей оттоманской имперіи посредствомъ дарованія ей конституціи по западно-европейскому образцу. Не надо быть особенно проницательнымъ, чтобы вывести заключеніе, что эта «конституціонная комедія» не могла имѣть никакого существеннаго значенія и являлась лишь средствомъ для отвода глазъ, къ которому обратилась Порта по совѣту «коварнаго Альбіона».

Между тѣмъ державы теряли время въ безплодной дипломатической перепискѣ, имѣвшей цѣлью выяснить вопросъ о томъ, какія мѣры надлежало бы принять въ случаѣ, если бы Турція отклонила предложенныя ей условія. Въ то время уже возникалъ вопросъ о созваніи *конференціи* изъ представителей державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ 1856 года, но при этомъ еще не было извѣстно, что должна была бы обсуждать подобная конференція, и на какихъ правахъ могла бы быть допущена въ ея составъ Турція: въ качествѣ ли равноправнаго съ другими государствами члена, или же въ качествѣ отвѣтчика передъ европейскимъ ареопагомъ. Турція протестовала противъ предоставленія ей послѣдней роли, причемъ категорически отрицала право европейскихъ державъ вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла и многозначительно заявляла, что въ случаѣ подобнаго вмѣшательства она не отвѣчаетъ за безопасность христіанскихъ подданныхъ султана, которые могли сдѣлаться жертвами фанатизма мусульманъ.

Конечно, это сопротивленіе Порты волю соединенной Европы, если и могло быть ею проявлено, то только потому, что пресловутый „*европейскій концертъ*“ въ дѣйствительности не существовалъ, такъ какъ члены этого „концерта“ въ сущности были далеко не солидарны между собою и только до поры до времени пополамъ съ грѣхомъ мирили свои противоположные интересы въ видахъ сохраненія установленнаго ими „*modus vivendi*“. Однако, вслѣдствіе желанія державъ сохранить въ Европѣ миръ, для обнаруженія несостоятельности «концерта» нужно было еще болѣе или менѣе продолжительное время, въ теченіи коего совершились бы такіа событія, которыя вынудили бы нѣкоторыхъ членовъ концерта или по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ отдѣлиться отъ прочихъ и дѣйствовать по собственному почину и въ видахъ своихъ только, а не обще-европейскихъ интересовъ. Поэтому старанія державъ продолжить перемиріе съ тѣмъ, чтобы выиграть время для прекращенія борьбы между Турціею и обоими сербскими княжествами, были безуспѣшны, тѣмъ болѣе что и Сербія не только не обнаруживала готовности вновь подчиниться Турціи, но даже была недовольна вышеупомянутымъ «фактическимъ перемиріемъ», такъ какъ при этомъ не была назначена демаркаціонная линія, а слѣдовательно обѣ стороны могли ежеминутно сталкиваться, вслѣдствіе чего это перемиріе было, по мнѣнію Сербовъ, бесполезно. Что касается Черногоріи, то, въ виду успѣховъ, одержанныхъ ею надъ Турками, она согласилась продолжить перемиріе только до 20 сентября (2 октября), послѣ чего считала болѣе выгоднымъ возобновить военныя дѣйствія.

Въ это время произошли два событія, окончательно устранившія возможность примиренія воевавшихъ сторонъ. Во-первыхъ, наплывъ русскихъ добровольцевъ въ ряды сербскихъ войскъ сильно поднялъ нравственныя силы Сербовъ. Во-вторыхъ, 4 (16) сентября тимокко-моравская армія провозгласила князя Милана «Сербскимъ Королемъ», о чемъ генераль Черняевъ телеграфировалъ въ Бѣлградъ, а вслѣдъ затѣмъ была послана туда же изъ арміи депутація съ цѣлью поднесенія князю королевскаго титула. Князь не допустилъ къ себѣ депутатовъ и не принялъ новаго титула. Тѣмъ не менѣе, какъ армія, такъ и весь почти сербскій народъ поддались впечат-

тлѣнію обоихъ упомянутыхъ фактовъ и, несмотря на неудачный ходъ военныхъ дѣйствій, увѣровали въ успѣхъ своего дѣла.

Въ виду подобнаго настроенія воевавшихъ сторонъ неудивительно, что событія опередили соображенія европейской дипломатіи, все еще не выходившей изъ заколдованнаго круга дипломатической переписки.

Около половины сентября военныя дѣйствія были возобновлены по инициативѣ Сербовъ, которые снова попытались перейти въ наступленіе.

До настоящаго момента я описывалъ событія, въ которыхъ не былъ непосредственнымъ участникомъ. Въ виду этого я придерживался исключительно историческаго и въ то же время возможно болѣе объективнаго способа изложенія. Теперь же мнѣ приходится приступить къ описанію того періода сербско-турецкой войны, въ которомъ я участвовалъ лично въ качествѣ ротнаго и баталіоннаго командира княжеско-сербской арміи. Поэтому я считаю умѣстнымъ съ этихъ поръ излагать параллельно какъ ходъ событій на данномъ театрѣ военныхъ дѣйствій вообще, такъ и мои субъективныя впечатлѣнія и воспоминанія въ особенности.

ГЛАВА VII.

Въ бытность мою въ Сербіи въ качествѣ путешественника весною 1876 года (мѣсяца за два до войны) я встрѣтилъ со стороны Сербовъ весьма хорошій и дружественный пріемъ. Симпатіи мои къ нимъ не только не уменьшились, но даже увеличились, и если я тогда же не остался въ Сербіи, то только потому что, состоя въ то время на службѣ, я не считалъ себя въ правѣ распоряжаться собою ранѣе, чѣмъ выяснится отношеніе къ сербскому вопросу нашихъ высшихъ правительственныхъ сферъ. Газеты то и дѣло писали объ европейскомъ концертѣ, но въ чемъ заключался этотъ концертъ, хорошенько не было извѣстно. Поневолѣ приходила въ голову мысль, что, быть можетъ, сербское дѣло вовсе не пользуется симпатіями въ поименованныхъ сферахъ. Въ виду этого соображенія я въ маѣ мѣсяцѣ вернулся въ Россію къ мѣсту служенія (въ Варшаву) и рѣшилъ отказаться отъ мысли поступить въ сербскую

армію. Въ этомъ рѣшеніи меня, кромѣ вышесказаннаго, укрѣпляло еще и то предположеніе, что если Сербь и объявятъ войну Туркамъ, то война эта не можетъ быть продолжительна, во-первыхъ, вслѣдствіе несоразмѣрности силъ враждебныхъ сторонъ, а во-вторыхъ, потому что весь европейскій концертъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ его участниковъ не позволяютъ побѣдителю довести дѣло до конца, а слѣдовательно война эта не приведетъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Между тѣмъ воодушевленіе русскаго общества въ пользу Сербовъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ ходъ военныхъ дѣйствій началъ принимать оборотъ неблагопріятный съ славянской точки зрѣнія. Охотники поступать въ ряды сербской арміи или такъ называемые «добровольцы», въ началѣ описываемой войны считавшіеся единицами, стали отправляться на театръ военныхъ дѣйствій все въ большемъ и большемъ числѣ. Число ихъ начало особенно сильно возрастать съ августа мѣсяца, т. е. съ того времени, когда неравенство борьбы между Турціею и Сербіею обрисовалось довольно рельефно, а генераль Черняевъ «кличъ кликнулъ» по всей русской землѣ, призывая русскихъ людей на помощь Сербамъ. На этотъ призывъ такъ или иначе отозвалось громадное большинство русскаго общества. «Ополчились и старъ и младъ». Всякъ, кто только могъ, стремился на театръ войны, а кто не могъ отправиться лично, тотъ приносилъ денежныя и вообще матеріальныя пожертвованія и увеличивалъ такимъ образомъ средства Сербіи для веденія войны. Только самые холодные разсудки не поддались общему увлеченію, все же остальное пришло въ состояніе сильнѣйшаго броженія. При такомъ положеніи дѣлъ всякъ, въ комъ только было сильно чувство патріотизма и кто самъ въ себѣ находилъ достаточно силъ и энергіи, записывался въ число добровольцевъ и, не теряя времени, отправлялся въ Сербію.

Къ сожалѣнію, такъ называемые «славянскіе комитеты» сдѣлали большую ошибку, за что впрочемъ нельзя подвергать ихъ слишкомъ строгой отвѣтственности, во-первыхъ, въ виду ихъ несомнѣннаго желанія принести дѣлу возможно большую пользу, а во-вторыхъ, въ виду того, что имъ приходилось рѣшать вопросъ, въ которомъ они

не были компетентны. Почтенные члены этих комитетов полагали, что их задача сводилась къ отправленію въ Сербію возможно большаго числа добровольцевъ. При этомъ они упускали изъ виду, что въ военномъ дѣлѣ успѣхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ нравственныхъ условий, и что элементъ матеріальный имѣетъ второстепенное значеніе.

Важно было не качество, но количество. ?

Можно было снарядить и отправить меньшее число добровольцевъ, но при этомъ надлежало производить возможно болѣе тщательный выборъ и безусловно отказывать въ приѣмъ людямъ, не обладавшимъ достаточнымъ нравственнымъ цензомъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія не слѣдовало отправлять въ Сербію такихъ личностей, для которыхъ главнымъ стимуломъ, побуждавшимъ ихъ записываться въ добровольцы, являлись выдаваемые славянскими комитетами денежныя пособія или, что еще хуже, желаніе «ловить рыбу въ мутной водѣ» посредствомъ веденія различнаго рода интригъ или завѣдыванія тѣмъ или другимъ отдѣломъ «славянскихъ» денежныхъ и вообще матеріальныхъ средствъ. Такіе люди были безусловно вредны, такъ какъ они могли только позорить русское имя и ронять его значеніе среди нашихъ соплеменниковъ, привыкшихъ относиться къ намъ съ уваженіемъ.

Мало того; не слѣдовало принимать въ число добровольцевъ даже такихъ людей, которые, хотя и не подлежали упрекамъ въ нравственномъ отношеніи, но, отличаясь слишкомъ гордымъ и заносчивымъ характеромъ, склоны были требовать отъ Сербовъ какого-то особеннаго почитанія ихъ личностей и предоставленія имъ на первыхъ же порахъ болѣе выдающейся роли, чѣмъ та, на которую они имѣли право рассчитывать.

Равнымъ образомъ нельзя было признать соотвѣтствовавшими званію добровольца лицъ, не умѣвшихъ справляться со своимъ строптивымъ характеромъ и не достигшимъ еще правильнаго пониманія важнаго значенія воинской дисциплины и строгаго порядка въ войскахъ.

Справедливость требуетъ разъясненія, что лица послѣднихъ двухъ категорій могли принести и даже приносили большую пользу, но

польза эта едва ли уравнивали собою приносимый ими же вредъ.

Кто же въ такомъ случаѣ могъ быть добровольцемъ?

Отвѣтъ не труденъ. Нужны были хорошіе офицеры и солдаты. Офицеровъ можно было принимать главнымъ образомъ изъ числа состоявшихъ на дѣйствительной службѣ въ войскахъ и выходившихъ въ отставку во время войны только для того, чтобы имѣть возможность поступить на службу въ сербскую армію. Относительно оцѣнки ихъ достоинствъ съ служебной точки зрѣнія, а равно и опредѣленія той доли пользы, которой отъ нихъ можно было ожидать на новомъ поприщѣ, затрудненій быть не могло, такъ какъ всѣ вообще офицеры обыкновенно хорошо извѣстны своему ближайшему начальству.

Пріемъ отставныхъ офицеровъ могъ быть также допущенъ, но при этомъ слѣдовало установить такія правила, которыя давали бы упомянутымъ комитетамъ возможность быть увѣренными въ томъ, что принимаемые лица по своей опытности и специально-военной подготовкѣ дѣйствительно могутъ принести пользу сербской арміи, а также въ томъ, что они ни въ какомъ отношеніи не уронятъ званія русскаго офицера.

Наконецъ надлежало снабжать всѣхъ вообще лицъ, записываемыхъ въ добровольцы, удостовѣреніями ихъ личностей, дабы сербское военное министерство знало, кого оно принимало и куда оно могло его назначить. Эта предосторожность нужна была затѣмъ, чтобы не давать возможности недобросовѣстнымъ людямъ злоупотреблять любезностью сербскаго правительства и записываться въ списки сербской арміи не тѣми чинами или званіями, которыми они увольнялись изъ нашей арміи, но тѣми, которые были болѣе пріятны ихъ самолюбію. Я позволяю себѣ высказать это потому, что во время войны мнѣ приходилось встрѣчать такихъ импровизованныхъ офицеровъ даже въ весьма крупныхъ чинахъ.

Что касается солдатъ, то въ отношеніи ихъ пріема можно было быть менѣ разборчивымъ въ виду скромности роли, которую имъ предстояло играть въ рядахъ сербской арміи. Тѣмъ не менѣ слѣдовало требовать отъ всѣхъ безъ исключенія желавшихъ быть до-

бровольцами — солдатами солидныхъ рекомендацій отъ вполне хорошо извѣстныхъ лицъ.

Еслибы славянскіе комитеты своевременно поняли важность вышеизложенныхъ мыслей и тогда же примѣнили ихъ къ дѣлу, то никто изъ добровольцевъ не подлежалъ бы осужденію, самое же слово «доброволецъ» не было бы опозлено, какъ это случилось впоследствии.

Но какъ ни просты и справедливы высказанныя мною мысли, какъ онѣ ни ясны для всякаго человѣка, имѣющаго болѣе или менѣе удовлетворительное понятіе объ основныхъ началахъ организаціи вооруженныхъ силъ, значеніе ихъ нисколько не сознавалось лицами, стоявшими въ то время у дѣла. Напротивъ того, можно думать, что эти лица, какъ было сказано выше, задались цѣлью отправить на театръ военныхъ дѣйствій возможно большее число добровольцевъ, не заботясь о качественной сторонѣ снаряжаемаго и отправляемаго ими въ сербскую армію укомплектованія.

При такомъ положеніи дѣлъ составъ корпуса добровольцевъ могъ получиться несравнено хуже, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, и если этого не случилось, то только потому что воодушевленіе и увлеченіе, охватившія всѣ слои русскаго общества, выдвинули на театръ войны цѣлую массу людей, искренно преданныхъ дѣлу и отличавшихся безупречными нравственными правилами. Такимъ образомъ случилось, что корпусъ добровольцевъ представлялъ какъ бы своего рода картинную галерею, поражающую своею полнотою. Тутъ были люди, происходившіе изъ различныхъ общественныхъ сферъ, получившіе различное воспитаніе и образованіе и отличавшіеся прямо противоположными складами понятій и убѣжденій, начиная отъ блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ и кончая простыми армейскими солдатами, начиная отъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшей родовой или денежной аристократіи и кончая бѣдными мужичками, начиная отъ лицъ, получившихъ высшее образованіе и кончая совершенно темнымъ людомъ, начиная отъ лицъ, совершенно самостоятельныхъ и вполне отвѣтственныхъ за свои дѣйствія и мнѣнія, и кончая людьми, не имѣвшими положительно никакихъ убѣжденій, наконецъ начиная отъ идеально честныхъ

людей и кончая различными Чичиковыми, Собакевичами, Ноздревыми и т. п. типами *«имя же имъ есть легионъ»*.

Въ описываемое время сдѣлался извѣстнымъ результатъ аудіенціи, данной англійскому послу въ С.-Петербургѣ покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ II. Его Величество соизволилъ выразить, что, соблюдая строгій нейтралитетъ, онъ считаетъ однако исполнѣ законнымъ разрѣшить отправиться въ Сербію тѣмъ изъ числа Его подданныхъ, которые того пожелаютъ, не исключая ни офицеровъ, ни другихъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, конечно, при соблюденіи ими требуемаго закономъ условія выхода въ отставку. ¹⁾

Объ этомъ я узналъ изъ газетъ. Справедливость этого свѣдѣнія подтверждалась тѣмъ, что почти ежедневно мнѣ приходилось встрѣчать товарищей и знакомыхъ офицеровъ, служившихъ въ частяхъ войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, и проѣзжавшихъ черезъ Варшаву въ Сербію. Оказалось, что они были отпущены безъ затрудненій, какъ только ими были поданы установленнымъ порядкомъ прошенія объ увольненіи ихъ отъ службы. Въ то же время въ Высочайшихъ приказахъ объявлялось о выходѣ ихъ въ отставку.

Тогда и я возвратился къ оставленной мною мысли и снова и на этотъ разъ безповоротно рѣшился отправиться въ Сербію.

Принявъ это рѣшеніе, я тотчасъ же отказался отъ пріобрѣтеннаго мною по предварительному экзамену при окружномъ штабѣ права ѣхать въ Петербургъ для поступленія въ академію, подалъ прошенія объ увольненіи меня отъ службы съ награжденіемъ слѣдующимъ чиномъ штабсъ-капитана и въ отпускъ впредь до увольненія въ отставку и началъ хлопотать о паспортѣ.

19-го августа состоялся Высочайшій смотръ войскамъ, собраннымъ подъ Варшавою, въ томъ числѣ и тому полку, въ которомъ я имѣлъ честь служить.

На этомъ смотрѣ, за болѣзнью командира 7-й роты, я, какъ старшій по немъ, командовалъ этою ротою, при чемъ какъ бы на прощанье былъ осчастливленъ въ числѣ прочихъ Царскимъ спасибо.

¹⁾ Вступленіе въ службу другихъ государствъ можетъ быть дозволено дворянамъ, а слѣдовательно и офицерамъ, на основаніи ст. 308 Тома IX Свода Законовъ Россійской Имперіи изданія 1876 года.

Тотчасъ по окончаніи парада мнѣ вручили паспортъ.

Въ этотъ же день я устроилъ всѣ мои дѣла и уѣхалъ вечернимъ поѣздомъ по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ, напутствуемый сердечными пожеланіями товарищей по полку, собравшихся на вокзалъ въ полномъ составѣ и проводившихъ меня дружнымъ «ура». ¹⁾

Эти проводы запечатлѣлись въ моей памяти и удесятирили мои нравственные силы. Впослѣдствіи, во время войны, вспоминая это громогласное «ура», я тѣмъ легче отыскивалъ тотъ путь, по которому долженъ идти всякій военный человѣкъ, руководствующійся чувствомъ долга вообще и идеею вѣрности своему знамени въ особенности.

Изъ полка я уѣхалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ подпоручикомъ Разнатовскимъ 2-мъ. Кромѣ того одновременно съ нами отправлялись въ Сербію слѣдующіе офицеры: изъ нашей 3-й гвардейской дивизіи поручикъ Флейшеръ и прапорщики Ивановъ, Левашевъ и Лазо и изъ гренадерскихъ дивизій штабсъ-капитанъ Лятуръ, подпоручикъ Шавринъ и прапорщики Лозинскій и Мурашкинъ.

Всѣ мы, конечно, были въ статскомъ платьѣ, но не трудно было узнать, кто мы такіе.

Въ 8 часовъ утра 20-го августа мы пріѣхали на станцію «*Границу*», а часа черезъ полтора очутились въ предѣлахъ Австро-Венгріи, которая, какъ мнѣ казалось, произвела на моихъ спутниковъ непріятное впечатлѣніе; во мнѣ же еще болѣе усилилось такое же впечатлѣніе, вынесенное мною изъ прежнихъ моихъ путешествій по этой странѣ.

Господство нѣмецкаго языка въ государствѣ, большинство населенія котораго составляютъ Славяне, въ особенности же подозрительность и враждебность австрійскихъ Нѣмцевъ, Евреевъ и Мадьяръ по отношенію къ Русскимъ возмущали насъ и внушали намъ желаніе вырваться возможно скорѣе изъ Австріи. Я болѣе другихъ былъ одушевленъ этимъ желаніемъ.

¹⁾ Въ то время я состоялъ на службѣ въ С.-Петербургскомъ Гренадерскомъ Короля Фридриха - Вильгельма III полку.

Отъ станціи «Границы» я ѣхалъ въ одномъ отдѣленіи вагона съ моимъ товарищемъ по полку и съ четырьмя выше поименованными офицерами гренадерскихъ дивизій, съ которыми, конечно, пришлось познакомиться, такъ какъ ранѣе мы знакомы не были. Изъ нихъ обращалъ на себя вниманіе своею задумчивостью Лятуръ. Не было-ли это предчувствіе близкой смерти?

Пріѣхавъ въ Вѣну часу въ пятомъ пополудни, мы должны были ожидать парохода до утра слѣдующаго дня, а затѣмъ отправились по Дунаю въ Пештъ.

Посли того какъ мы миновали Лейту, составъ публики началъ мѣняться: стали появляться Мадыры, которые вели себя не особенно чинно и, узнавъ, кто мы такіе, высказывали явно свою враждебность по отношенію къ намъ.

Мы держали себя осторожно и рѣшились дать надлежащій отпоръ только въ крайнемъ случаѣ.

Мадыры ограничились пѣніемъ пѣсенъ намъ непонятныхъ, хотя мы и догадывались, что смыслъ этихъ пѣсенъ былъ враждебенъ Славянамъ вообще и Русскимъ въ особенности. Впрочемъ путешествіе наше въ столь непріятномъ обществѣ обошлось благополучно. Никакихъ непріятностей не было.

Въ Пештѣ мы раздѣлились, при чемъ гренадеры поѣхали и далѣе на пароходѣ, а я и Разнатовскій по желѣзной дорогѣ черезъ Темесваръ въ Базіашъ.

Прождавъ въ Базіашѣ цѣлыя сутки, мы утромъ 24-го августа сѣли на пароходъ, на которомъ и отправились въ Бѣлградъ.

Въ Смедеревѣ или Семендрии мы снова слышали русскую рѣчь и получили новѣйшія свѣдѣнія съ театра войны. На пароходѣ сѣло нѣсколько Сербовъ и Русскихъ, въ томъ числѣ двое раненыхъ. Одинъ изъ нихъ, доброволецъ рядоваго званія, былъ раненъ въ ногу осколкомъ гранаты; его звали, кажется, Маляревскимъ; другой же, поручикъ Зарубинъ, бывшій казачій офицеръ, какъ оказалось, ушибъ ногу, упавъ съ лошади. Отъ нихъ мы узнали, что дѣла въ тимоко-моравской арміи идутъ плохо.

За обѣдомъ мы познакомились съ двумя другими нашими соотечественниками, гг. Верещагинымъ и Марконетомъ. Послѣдній, какъ докторъ, завѣдывалъ учрежденнымъ въ Смедеревѣ госпиталемъ

московскихъ старообрядцевъ. Оба они подтвердили, что дѣла Сербовъ не блестящи, и совѣтовали намъ вернуться домой или по крайней мѣрѣ отправиться въ Черногорію.

И товарищу моему и мнѣ чрезвычайно понравился второй совѣтъ, въ виду той симпатіи, которую мы питали къ доблестнымъ сынамъ Черной горы, но мы считали невозможнымъ отказаться отъ разъ принятаго рѣшенія отправиться въ армію генерала Черняева, такъ какъ армія эта дѣйствовала на главномъ театрѣ войны, а слѣдовательно тотъ или другой исходъ ея операцій имѣлъ бы рѣшительное значеніе.

Пріѣхавъ въ Бѣлградъ въ 4 часа пополудни, мы остановились въ первой попавшейся гостинницѣ и отправились въ военное министерство, но уже было поздно, а потому намъ было предложено зайти на другой день утромъ.

Въ военномъ министерствѣ мы встрѣтили нашихъ бывшихъ спутниковъ гренадеръ, которые, прибывъ раньше насъ, успѣли уже записаться въ тимоко-моравскую армію и получить „объявы“, т. е. открытые листы, по которымъ имъ должны были «чинить пропускъ» и оказывать возможное содѣйствіе по пути въ армію.

Разнатовскій и я тутъ же рѣшили отправиться вмѣстѣ съ Лятуромъ. Шавринъ также примкнулъ къ намъ.

Лятуръ сообщилъ мнѣ свои впечатлѣнія, которыя можно было резюмировать такъ же, какъ и мои, т. е. что положеніе дѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ представлялось далеко незавиднымъ. Во-первыхъ, почти не подлежало сомнѣнію, что сербскія войска, къ сожалѣнію, не отличались надлежащею устойчивостью; во-вторыхъ же, въ это время уже много говорили о разныхъ скандалахъ, виновниками коихъ, къ сожалѣнію, были наши добровольцы. Лятуръ рассказалъ мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ своего пребыванія въ Пештѣ и путешествія изъ Пешта на пароходѣ въ Бѣлградъ. Случаи эти были далеко неутѣшительны.

Обмѣнявшись взглядами, мы съ Лятуромъ пришли къ одинаковому заключенію, что многіе изъ нашихъ соотечественниковъ поступили бы несравненно лучше, еслибы остались въ Россіи, такъ какъ они или совсѣмъ не могли принести пользы дѣлу, или же приносили вредъ.

Но, какъ ни неприглядна была оборотная сторона медали, идти назадъ не приходилось. Мы рѣшились испытать эту горькую чашу до дна.

Утромъ 25-го августа мы съ Разнатовскимъ пошли въ военное министерство и были приняты на службу, я капитаномъ 2-го класса, а товарищъ мой — поручикомъ, оба съ назначеніемъ въ тимоко-моравскую армію. Относительно меня не было никакихъ затрудненій, такъ какъ я представилъ кромѣ паспорта копію съ послужнаго моего списка въ прежнемъ мѣстѣ служенія. Что касается моего товарища, не имѣвшаго съ собою подобнаго документа, то, въ виду его молодости, чиновники министерства предположили, что онъ не офицеръ, но только юнкеръ. Для того, чтобы устранить это недоразумѣніе, они обратились ко мнѣ, и когда я подтвердилъ, что товарищъ мой дѣйствительно состоялъ въ одномъ со мною полку въ офицерскомъ чинѣ, то и онъ былъ принятъ на службу.

Затѣмъ мы получили „объявы“, прогонные деньги ¹⁾ и предписанія въ склады обмундированія и вооруженія, откуда мы должны были получить все нужное для экипировки.

Отправившись немедленно въ крѣпость, гдѣ находились склады, я получилъ оттуда шапку, блузу, шаровары, шинель и саблю театрального образца съ португеею и кобурою для револьвера.

Затѣмъ пришлось привести полученное обмундированіе въ окончательную готовность и приготовиться къ походу, на что понадобилось два дня.

27-го августа Лятуръ, Разнатовскій, Шавринъ и я выѣхали изъ Бѣлграда на предоставленныхъ мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ въ наше распоряженіе обывательскихъ «колахъ» и, направившись черезъ Смедерево, Ягодину и Чупрію, 29-го къ вечеру прибыли въ Парачинъ, откуда мы не могли выѣхать въ тотъ же день по неимѣнію подводъ, и гдѣ мы съ большимъ трудомъ нашли въ гостинницѣ кровати.

Здѣсь уже чувствовалась близость арміи. На улицахъ мѣстечка толпился народъ, глазѣвшій на пушку, кажется, 24 фунтового калибра, которую тащило нѣсколько паръ воловъ. За ужиномъ въ

¹⁾ Мнѣ, по чину капитана 2-го класса, было выдано около восьми червонцевъ.

гостинницѣ было много сербскихъ офицеровъ и еще больше нашихъ добровольцевъ, также направлявшихся въ тимоко-моравскую армію. Сербскіе офицеры были очень любезны и предложили тостъ за наше здоровье, на что мы отвѣтили такимъ же тостомъ за здоровье присутствовавшихъ представителей сербской арміи.

На другой день 30-го августа, отправившись далѣе, мы вскорѣ услышали канонаду. Чѣмъ больше мы подвигались впередъ, тѣмъ менѣе оставалось сомнѣній въ томъ, что впереди насъ происходило сраженіе.

Я былъ пораженъ царившимъ по всюду беспорядкомъ. Масса повозокъ стремилась къ намъ навстрѣчу. Попадалось не мало сербскихъ «войниковъ» съ ружьями. Будучи удивленъ этимъ обстоятельствомъ, я спрашивалъ нѣкоторыхъ солдатъ, почему они не на позиціи, но ихъ отвѣты ни мало меня не удовлетворили.

Такъ какъ нельзя было проѣхать впередъ вслѣдствіе того, что дорога была загромождена повозками, то намъ пришлось подождать и зайти въ стоявшую у дороги «меану»; такъ называется по сербски трактиръ. Тутъ мы нашли какого-то унтеръ-офицера, служившаго прежде въ австрійской арміи, который началъ рассказывать, что дѣла Сербовъ плохи и что качественная сторона сербской арміи не удовлетворительна. Никто изъ насъ не возражалъ. Мы слышали уже очень много неутѣшительныхъ вѣстей, но сначала надѣялись, что, быть можетъ, все это неправда. Между тѣмъ, какъ на зло, намъ не приходилось услышать ни одного благопріятнаго отзыва. Чувствовали и мы, что дѣйствительно дѣло не ладно, но гдѣ корень зла, намъ въ то время не было извѣстно. Поэтому мы хотѣли поскорѣе добраться до арміи, чтобы самимъ все разсмотрѣть и узнать, въ чемъ дѣло.

Подѣвжая къ Делиграду, мы замѣтили войска, стоявшія бивакомъ по обѣимъ сторонамъ дороги; это были части, формировавшіяся вновь изъ добровольцевъ; кадры для нихъ были составлены исключительно изъ Русскихъ. Если не ошибаюсь, стоявшія близъ дороги войска принадлежали къ составу бригады полковника Медвѣдовскаго.

Далѣе мы увидѣли влѣво отъ дороги «меану», обращенную въ госпиталь, а вправо на высотѣ домъ, украшенный флагами, у ко-

торого стояли часовые. Мы догадались, что это былъ штабъ тимокморавской арміи. Мы зашли туда и узнали, что главнокомандующій находился на позиціи. Желая явиться къ нему возможно скорѣе, мы оставили наши вещи около штаба, а сами отправились пѣшкомъ по дорогѣ, которая вела изъ Делиграда въ Алексинацъ по высотамъ праваго берега Моравы. Вскорѣ намъ представилась картина боя. Внизу у Моравы была расположена наша цѣпь, поддерживавшая все время оживленную перестрѣлку. Резервовъ почти не было видно, такъ какъ они были расположены закрыто, пользуясь складками мѣстности и перелѣсками, въ которыхъ не было недостатка. На лѣвомъ берегу Моравы виднѣлась турецкая цѣпь, а сзади ея на высотахъ, значительно командовавшихъ высотами праваго берега, были расположены кое-гдѣ укрѣпленія.

Одинъ изъ встрѣченныхъ нами солдатъ указалъ мѣстопребываніе главнокомандующаго вправо отъ дороги въ рошѣ, вслѣдствіе чего мы повернули въ полъ-оборота направо и двинулись въ указанномъ направленіи, при чемъ вошли въ сферу досягаемости турецкой артиллеріи, о чемъ были предупреждены попавшимся намъ навстрѣчу санитаромъ. И дѣйствительно по временамъ снаряды падали въ 200—300 шаговъ отъ насъ.

Наконецъ мы нашли главнокомандующаго съ его штабомъ. Прежде всего мы явились помощнику начальника штаба, подполковнику Монтеверде, который, за отсутствіемъ начальника штаба, доложилъ о нашемъ прибытіи генералу Черняеву. Мы поочередно представились. Послѣ меня подошелъ Лятуръ, который при представленіи подалъ письмо отъ своего полковаго командира. Шавринъ доложилъ, что у него также есть письменная рекомендація. На это генераль возразилъ, указавъ на поле сраженія: «вотъ гдѣ самая лучшая рекомендація.»

Послѣ представленія намъ было приказано явиться въ штабъ арміи на другой день утромъ.

Мы возвратились въ Делиградъ по той же самой дорогѣ, по которой шли на позицію и, не зная, куда дѣваться, подошли къ баталіону, стоявшему близъ штаба. Баталіономъ этимъ командовалъ подпоручикъ одного изъ полковъ 1-й гренадерской дивизіи, фамиліи котораго не припомню. Онъ охотно позволилъ намъ расположиться

около его баталіона и вообще принялъ насъ радушно. Ночью мы были разбужены криками «ура». Оказалось, что главнокомандующій, возвращаясь въ штабъ, подъѣхалъ къ баталіону, поздоровался съ людьми и сообщилъ имъ, что нашимъ войскамъ удалось нѣсколько оттѣснить Турокъ, что и вызвало крики «ура». Необходимо замѣтить, что собственно въ этотъ день бой былъ веденъ главнымъ образомъ «баньскимъ корпусомъ» полковника Хорватовича, который изъ Бани совершилъ обходное движеніе и ударилъ на лѣвый флангъ противника на лѣвомъ берегу Моравы, о чемъ было сказано въ предыдущей главѣ.

На другой день, 31-го августа, мы должны были нѣсколько разъ ходить въ штабъ, пока добились толку. При этомъ не обошлось безъ непріятныхъ разговоровъ съ штабными офицерами, державшими себя въ высшей степени заносчиво.

Наконецъ Лятуру, какъ старшему, была выдана общая «объява», въ которой значилось, что около 30 офицеровъ и простыхъ добровольцевъ, поименованныхъ въ объявѣ, назначены въ баньскій корпусъ. Въ томъ числѣ Лятуръ, Шавринъ, Разнатовскій и я просили, чтобы насъ назначили въ одну часть. Штабъ арміи, въ свою очередь, просилъ командира баньскаго корпуса исполнить нашу просьбу.

Несмотря на дождь, мы отправились въ путь и часамъ къ четыремъ пополудни прибыли на бивакъ у С. Гревци, гдѣ въ то время находилась штабъ-квартира баньскаго корпуса. Самъ командиръ этого корпуса знаменитый полковникъ Хорватовичъ сидѣлъ въ это время у костра. Начальникъ штаба доложилъ ему о насъ. Тогда онъ всталъ, а затѣмъ представленіе пошло обыкновеннымъ порядкомъ.

По окончаніи представленія новый нашъ начальникъ сказалъ намъ нѣсколько словъ по сербски. Смыслъ его рѣчи былъ таковъ, что онъ очень радъ, видя столько братьевъ — Русскихъ, пришедшихъ съ дальняго сѣвера на помощь Сербамъ, и что онъ надѣется, что какъ онъ самъ, такъ и мы всѣ останемся другъ другомъ довольны.

Черезъ нѣсколько времени начальникъ штаба прочелъ намъ распредѣленіе по частямъ и вручилъ каждому изъ насъ «объяву». Лятуръ, Шавринъ, Разнатовскій и я были назначены въ Брани-

чевскую бригаду 1-го класса, изъ состава которой въ баньскомъ корпусѣ находился только одинъ V Голубацкій баталіонъ, находившійся въ то время близъ С. Зубоваца.

Начальникъ штаба сообщилъ намъ также, что командиръ корпуса выразилъ желаніе, чтобы мы въ этотъ же день явились къ своимъ командирамъ. Въ это время состоявшій при командирѣ корпуса полковникъ Межениновъ пригласилъ насъ въ свою палатку и угостилъ ужиномъ, при чемъ мы познакомились съ нѣсколькими русскими офицерами, находившимися въ то время также при штабѣ нашего корпуса. Изъ нихъ я помню майора Миниха, капитана Мерчанскаго и поручика Пѣтухова.

Простившись съ новыми нашими знакомыми, мы отправились пѣшкомъ въ свою бригаду. Изъ корпуснаго штаба намъ дали проводника, вещи же наши пришлось нести намъ самимъ. Лишь только мы тронулись въ путь, какъ пошелъ дождь, который усиливался все болѣе и болѣе. Затѣмъ наступила темнота. Вообще путешествіе это было совершено нами при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Наконецъ мы добрались до бивака Голубацкаго баталіона, близъ котораго находился и бригадный штабъ. Около 10 часовъ вечера мы явились командующему бригадою капитану Цинцерь-Марковичу, который принялъ насъ очень любезно и предложилъ переночевать въ его квартирѣ, помѣщавшейся вмѣстѣ со штабомъ въ обыкновенной крестьянской избѣ въ разстояніи около версты отъ С. Зубоваца. Мы, конечно, приняли это предложеніе съ большимъ удовольствіемъ.

Г. Цинцерь-Марковичъ познакомилъ насъ съ русскими офицерами, прибывшими въ бригаду ранѣе насъ, и съ персоналомъ бригаднаго штаба. Послѣдній состоялъ изъ бригадныхъ священника, доктора и казначея; кромѣ того при штабѣ состоялъ «кадетъ», т. е. воспитанникъ военного училища, завѣдывавшій канцеляріею.

Русскихъ офицеровъ было трое: поручикъ Свѣтозаровъ изъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, подпоручикъ Гамулецкій изъ 3-й пѣхотной дивизіи и подпоручикъ Глазуновъ изъ 1-й гренадерской дивизіи. Первый состоялъ при штабѣ, второй командовалъ Голубацкимъ баталіономъ, съ которымъ участвовалъ уже въ тринадцати

бояхъ и сраженіяхъ, а третій исполнялъ обязанности баталіоннаго адъютанта и былъ легко раненъ въ плечо въ бою 30-го августа. Изъ разсказовъ нашихъ новыхъ сослуживцевъ мы узнали, что въ этомъ бою имъ довелось участвовать въ горячей схваткѣ, такъ какъ Голубацкій баталіонъ во время наступленія баньскаго корпуса составлялъ передовой отрядъ и былъ атакованъ превосходными силами противника, вслѣдствіе чего не могъ продвинуться далѣе Зубоваца.

Завязалась общая бесѣда, при чемъ Сербы говорили съ Свѣтозаровымъ и со мною по нѣмецки. Я пытался говорить съ ними по французски, но оказалось, что они этого языка не знали вовсе. Тогда я просилъ ихъ говорить по сербски, мотивируя это тѣмъ, что неприлично Славянамъ говорить другъ съ другомъ на языкѣ своихъ кровныхъ враговъ. Съ тѣхъ поръ каждый изъ насъ говорилъ на своемъ родномъ языкѣ, при чемъ бесѣда оказалась хотя и трудною, но всетаки возможною.

За ужиномъ было провозглашено, какъ водится, нѣсколько тостовъ, при чемъ Сербы произносили болѣе или менѣе длинные рѣчи, русскіе же добровольцы отвѣчали имъ кратко, и только одинъ я нѣсколько вдался въ исторію и, напомнивъ славное время Душана Сильнаго, пожелалъ возстановленія того значенія и могущества Сербіи, которыми она пользовалась въ его царствованіе. Слова мои произвели на Сербовъ сильное впечатлѣніе, и они съ чувствомъ меня благодарили.

На слѣдующій день, 1-го сентября, командующій бригадою объявилъ намъ, что капитанъ Лятуръ, какъ старшій въ чинѣ, долженъ принять на законномъ основаніи Голубацкій баталіонъ отъ подпоручика Гамулецкаго, а поручики Разнатовскій и Шавринъ должны принять четы въ томъ же баталіонѣ; мнѣ же онъ предложилъ остаться при штабѣ до прибытія остальныхъ баталіоновъ бригады, послѣ чего предполагалось назначить меня командиромъ одного изъ этихъ баталіоновъ.

Лятуръ просилъ командующаго бригадою оставить все по прежнему и предпочелъ остаться подъ командою у Гамулецкаго, мотивируя свою просьбу незнаніемъ сербскаго языка и незнакомствомъ съ характеромъ своихъ предполагаемыхъ подчиненныхъ, а также тѣмъ обстоятельствомъ, что Гамулецкій, командуя баталіономъ въ

предыдущій періодъ кампаніи, успѣлъ заявить себя съ хорошей стороны. Просьба эта была уважена командующимъ бригадою, который сдѣлалъ лишь распоряженіе о прикомандированіи меня къ штабу, а остальныхъ вновь прибывшихъ офицеровъ къ Голубацкому баталіону.

Пребываніе въ штабѣ мнѣ пришлось не по сердцу, такъ какъ я жаждалъ какого-нибудь дѣла, а между тѣмъ на меня не было возложено никакихъ служебныхъ обязанностей. Одинъ разъ только мнѣ пришлось исполнить порученіе по службѣ, да и то по моей собственной инициативѣ. Я попросилъ командующаго бригадою, чтобы онъ поручилъ мнѣ произвести повѣрку сторожевыхъ постовъ, представлявшихся отъ Голубацкаго баталіона.

Командующій бригадою сначала хотѣлъ мнѣ это отсовѣтовать, но, видя мое искреннее желаніе, согласился, сообщилъ мнѣ пароль и пропускъ и велѣлъ дать лошадь и проводника.

По пути я заѣхалъ на бивакъ Голубацкаго баталіона. Лягуры и Шавринъ поѣхали со мною. Съ высоты за селеніемъ Зубовацъ намъ открылся прекраснѣйшій видъ. Это было ночью. Небо было безоблачно, и вообще погода стояла самая прекрасная. Вдали на высотахъ по ту сторону долины, отдѣлявшей насъ отъ непріятеля, виднѣлись его костры, разбросанные очень живописно. Вправо и влѣво отъ насъ были видны костры нашихъ войскъ, но только послѣдніе по численности и величинѣ видимо уступали непріятельскимъ. Но что совершенно испортило впечатлѣніе, произведенное на меня разстилающеюся предъ нами картиною, это линія огоньковъ, ясно обозначающаяся впереди нашихъ позицій: это были наши посты. Мы были возмущены подобнымъ нарушеніемъ правилъ устава полевой службы. Никому изъ насъ ранѣе того не приходила въ голову возможность примѣненія столь патріархальнаго способа отбыванія сторожевой службы, напоминавшаго собою народные празднества въ ночь наканунѣ Ивана Купалы. Очнувшись отъ негодованія, мы двинулись далѣе и вскорѣ проѣхали мимо одного изъ постовъ, не бывъ замѣчены. Только когда мы подъѣхали къ самому костру, то часовой окликнулъ насъ, послѣ чего постъ построился. Старшій, спросивъ у меня пропускъ, допустилъ меня къ повѣркѣ поста. Окончивъ таковую, я разъяснилъ ему

сущность замѣченныхъ мною ошибокъ и неисправностей и далъ должное наставленіе на будущее время. Затѣмъ, приказавъ потушить костеръ, я поѣхалъ впередъ вмѣстѣ съ моими спутниками. Мы спустились къ тальвегу долины и поѣхали нѣсколько далѣе. Вскорѣ послышался собачій лай. Проводникъ доложилъ, что далѣе ѣхать нельзя, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы попали бы въ районъ расположенія непріятельскихъ передовыхъ постовъ.

Такъ какъ, двигаясь впередъ, нельзя было бы ничего высмотрѣть вслѣдствіе неблагоприятныхъ мѣстныхъ условій и такъ какъ къ тому же принять на себя роль разъѣзда значило бы отступить отъ первоначальной цѣли, которая еще не была достигнута, то я повернулъ налѣво и продолжалъ повѣрку постовъ. Повѣривъ цѣпь, я поѣхалъ на заставу и подтвердилъ начальнику ея обязанности передовыхъ постовъ вообще и его самого въ особенности, а затѣмъ, строго на строго воспретивъ разводить на постахъ костры, возвратился въ штабъ и доложилъ о результатахъ повѣрки командующему бригадою, который еще не спалъ, не взирая на позднее время, и безпокоился въ виду того, что я долго не возвращался.

4-го сентября около трехъ часовъ пополудни была слышна сильная перестрѣлка со стороны позицій, занятыхъ центромъ и лѣвымъ флангомъ нашего корпуса. Голубацкому баталіону было приказано двинуться въ этомъ же направленіи, но черезъ нѣсколько минутъ было получено другое приказаніе, вслѣдствіе котораго баталіонъ былъ остановленъ въ разстояніи не болѣе полуверсты отъ оставленнаго имъ бивачнаго мѣста и перестроился изъ походной въ *«резервную колонну»*¹⁾

Взявъ бинокль и осмотрѣвъ позиціи наши и непріятельскія, я пришелъ къ заключенію, что завязавшаяся перестрѣлка не имѣетъ серьезнаго значенія, и что, по всему вѣроятію, дѣло это ограничится канонадою и ружейною перестрѣлкою. И дѣйствительно вскорѣ пріѣхалъ на позицію командующій бригадою и разрѣшилъ баталіону снова расположиться бивакомъ, что и было немедленно исполнено.

Вечеромъ капитанъ Цинцеръ-Марковичъ, относившійся ко мнѣ вообще весьма дружественно, спросилъ, почему я добровольно при-

¹⁾ Такой колонны по нашему пѣхотному уставу не полагается.

командировался къ баталіону, на что я доложилъ, что, не имѣя верховой лошади, не могу за нимъ ѣздить, а потому поневолѣ мнѣ приходится слѣдовать съ пѣхотою. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что пріобрѣтеніе лошади невозможно, а также принимая во вниманіе, что составъ штаба въ это время увеличился вслѣдствіе прибытія подпоручика Радивоевича, я просилъ командующаго бригадою разрѣшить мнѣ перейти въ баталіонъ, на что онъ сначала не соглашался, находя это бесполезнымъ, но наконецъ разрѣшилъ.

Я немедленно перешелъ въ баталіонъ и такимъ образомъ добровольно подчинился значительно младшему меня по службѣ Гамулецкому, но я не видѣлъ въ этомъ ничего для себя обиднаго, во первыхъ потому, что слышалъ о немъ хорошіе отзывы, какъ о дѣльномъ, боевомъ офицерѣ, а во вторыхъ потому, что я имѣлъ передъ собою примѣръ Лятура, который былъ старше меня и не находилъ въ подобномъ подчиненіи ничего предосудительнаго. И въ самомъ дѣлѣ, обоимъ намъ необходимо было осмотрѣться, ознакомиться съ духомъ сербскаго солдата и освоиться съ сербскими уставами, а затѣмъ уже вступать въ командованіе тою или другою частью. Въ виду этихъ соображеній мы съ Лятуромъ пока ограничились ролью младшихъ, а тѣмъ временемъ присматривались къ солдатамъ и изучали сербскіе уставы.

Въ одинъ изъ этихъ дней мы сидѣли въ палаткѣ и бесѣдовали. Вдругъ на бивакѣ поднялась страшная бѣготня и суматоха. Вскорѣ баталіонъ построился, а мы стали на мѣста. Къ баталіону подъѣхалъ командующій бригадою со штабомъ и объявилъ, что князь Миланъ провозглашенъ Королемъ Сербіи. Послѣдовали команды: «къ рамену» и «предъ перси», а затѣмъ громогласное «живіо краль Миланъ».

По окончаніи церемоніи провозглашенія и по удаленіи начальства баталіонъ былъ распущенъ, а офицеры, въ томъ числѣ и я, собрали деньги и угостили весь баталіонъ виномъ. Торжество сопровождалось тостами и безпрестанными «живіо». Мы всѣ поддерживали въ солдатахъ это настроеніе, предполагая, что это возвыситъ ихъ нравственныя силы. Вечеромъ составилось «коло», народный сербскій танецъ, въ которомъ, кромѣ солдатъ, принялъ

участіе одинъ изъ сербскихъ офицеровъ бригаднаго штаба. Вообще было замѣтно сильное воодушевленіе во всемъ баталіонѣ.

Въ ближайшее воскресенье былъ произведенъ церковный парадъ съ молебствіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія новому королю.

Впослѣдствіи до насъ дошли слухи, что въ центрѣ нашего корпуса два баталіона отнеслись не вполне сочувственно къ провозглашенію князя королемъ, но что ихъ бригадный командиръ сумѣлъ побудить ихъ присоединиться въ этомъ отношеніи ко всей арміи и признать новый титулъ своего монарха. На сколько это вѣрно, и какія мѣры были приняты въ этомъ случаѣ упомянутымъ бригаднымъ командиромъ, въ точности неизвѣстно.

Между тѣмъ водворилось полнѣйшее затишье. Начали ходить слухи о заключеніи перемирія, но свыше намъ на этотъ счетъ ничего объявлено не было, а потому мы и предполагали, что этотъ слухъ совершенно ложенъ. Какъ было изложено въ предъидущей главѣ, въ это время дѣйствительно, вслѣдствіе стараній великихъ державъ, было условлено непродолжительное «фактическое перемиріе или вѣрнѣе прекращеніе наступательныхъ дѣйствій». Почему сочтено было необходимымъ скрывать это отъ войскъ, неизвѣстно.

Во время этого перемирія у насъ произошли нѣкоторыя перемѣны. Кромѣ нашего баталіона у Зубоваца были сосредоточены еще одинъ баталіонъ пѣхоты, горная батарея и эскадронъ кавалеріи. Зубовацкій отрядъ получилъ названіе «десно крило Банскогъ кора», что обозначало правое крыло или правый флангъ банскаго корпуса. Въ составъ этого отряда входили также: баталіонъ пѣхоты, расположенный въ горахъ у Вуканьи, а впослѣдствіи еще партизанскій отрядъ, о которомъ рѣчь впереди.

Начальникомъ праваго фланга банскаго корпуса былъ назначенъ вновь прибывшій полковникъ Журавлевъ. Почти въ то же время прибылъ въ Зубовацъ и вступилъ въ командованіе нашею бригадою капитанъ Протичъ.

10-го сентября Латуръ былъ назначенъ командиромъ нашего баталіона и въ этотъ же день принялъ баталіонъ отъ Гамулецкаго. Командирами четъ были назначены: 1-й — я, 2-й Разнатовскій, 3-й Гамулецкій и 4-й Глазуновъ. Шаврина въ это время въ ба-

таліонѣ уже не было; онѣ былъ переведенъ во вновь формируемую русскую бригаду полковника Меженинова.

Принявъ чету, я старался сблизиться съ солдатами, на сколько это было возможно и необходимо, въ особенности же поднять уровень ихъ нравственныхъ силъ, который я нашелъ далеко невысокимъ. Хотя я и не замѣчалъ въ четѣ особеннаго воодушевленія, но все таки льстилъ себя надеждою, что въ бою люди будутъ дѣйствовать хорошо, если только увидятъ хорошій примѣръ. Я думалъ, что еслибы я вполне хорошо владѣлъ сербскимъ языкомъ, то могъ бы ихъ воодушевить, и готовъ былъ приписывать моей неопытности то, что слова мои не производили еще на нихъ того впечатлѣнія, которое было желательно, а потому надѣялся, что въ будущемъ это дѣло поправится.

Къ сожалѣнію, я вскорѣ замѣтилъ, что, не говоря уже о массѣ простыхъ рядовыхъ, даже «наредники» и «десетари», соотвѣтствующие нашимъ унтеръ-офицерамъ и отчасти ефрейторамъ, подготовлены слабо.

Мало того, фельдфебель или «четоводъ» и взводные командиры или «водники» были далеко не на высотѣ своего назначенія.

Я доложилъ обо всемъ этомъ Лятуру, на что онѣ мнѣ сказали, что хотя, по мнѣнію нашего начальства, данная мнѣ чета слабѣе другихъ въ баталіонѣ, но что онѣ успѣлъ уже убѣдиться въ томъ, что и остальные три четы въ сущности почти ничѣмъ не отличаются отъ моей.

Посоветовавшись, мы оба пришли къ совершенно одинаковымъ заключеніямъ и рѣшились попытаться подтянуть ввѣренныя намъ части, къ чему я и приступилъ безотлагательно, Лятуръ же началъ съ повѣрки, во всѣхъ четахъ по-очередно, отправленія сторожевой службы, въ чемъ я ему помогалъ.

Въ это время нашу позицію посѣтилъ военный министръ, полковникъ Николичъ. Обратившись къ солдатамъ, онѣ произнесъ прекрасную рѣчь, совершенно отвѣчавшую тогдашнему положенію дѣлъ, насъ же, русскихъ офицеровъ, привѣтствовалъ весьма любезно и вообще на всѣхъ произвелъ отличное впечатлѣніе.

Пріѣздъ военнаго министра нѣкоторые изъ моихъ сослуживцевъ объясняли въ томъ смыслѣ, что онѣ посланъ свыше для того, чтобы

осмотрѣть всю армію и занимаемая ею позиціи наканунѣ предполагавшагося рѣшительнаго перехода въ наступленіе. Въ это же время распространились слухи о томъ, что вся наша армія произведетъ общую атаку укрѣпленныхъ турецкихъ позицій на лѣвомъ берегу Моравы съ цѣлю заставить Турокъ очистить занятый ими участокъ сербской территоріи.

Слухи эти подтверждались передвиженіями войскъ съ праваго на лѣвый берегъ Моравы, имѣвшими цѣлю усиленіе баньскаго корпуса вообще и нашего «праваго крыла» въ особенности. 14-го сентября къ Зубовацу прибыла вновь сформированная добровольческая бригада полковника *Медвѣдовскаго*, который и принялъ начальство надъ всѣми войсками, дѣйствовавшими на правомъ флангѣ нашего корпуса. Присоединеніе этой отборной бригады къ нашему отряду указывало на вѣроятность энергическаго наступленія къ сторонѣ Тешицы съ цѣлю обхода лѣваго фланга Турокъ и захвата ихъ пути отступленія. На сколько былъ цѣлесообразенъ подобный образъ дѣйствій, мы увидимъ впоследствии.

ГЛАВА VIII.

Упомянутое выше временное прекращеніе военныхъ дѣйствій, не имѣвшее характера настоящаго перемирія, было неоднократно нарушаемо обѣими сторонами, что нисколько не удивительно въ виду того, что обѣ враждебныя арміи были расположены слишкомъ близко одна отъ другой, при чемъ войска или вовсе не знали о заключеніи этого перемирія, или же узнавали о немъ слишкомъ поздно ¹⁾.

Сербское правительство не согласилось на продленіе перемирія далѣе 13 (25) сентября, а затѣмъ оставляло за собою свободу дѣйствій ²⁾.

¹⁾ Въ Зубовацкомъ отрядѣ распространившіеся были слухи о перемирії были формально опровергнуты вслѣдствіе категорическаго на этотъ счетъ приказанія, полученнаго изъ корпуснаго штаба; сущность этого приказанія сводилась къ отрицанію перемирія и къ воспрещенію дружескихъ встрѣчъ и разговоровъ между солдатами нашими и непріятельскими, имѣвшихъ мѣсто въ другихъ частяхъ тимокско-моравской арміи.

²⁾ По всему вѣроятію это обстоятельство и было причиною распространенія упомянутыхъ въ предыдущей главѣ слуховъ о предстоящемъ наступленіи нашей арміи съ 14 (26) сентября.

Къ этому времени расположеніе войскъ обѣихъ сторонъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій было слѣдующее:

У Вуканьи находился небольшой сербскій отрядъ поручика *Протича* (около 300 человекъ), имѣвшій цѣлью наблюденіе за проходомъ между Великимъ и Малымъ Ястребацемъ «Равна Гора» и охраненіе праваго фланга сербской арміи.

На правомъ флангѣ этой арміи былъ расположенъ банскій корпусъ полковника Хорватовича, занимавшій правый берегъ Дьюнишскаго или Больевацкаго ручья ¹⁾ отъ Зубоваца до Дьюнишъ-Каоникской позиціи; занятая этимъ корпусомъ позиція была раздѣлена на три участка: правое крыло, центръ и лѣвое крыло. О *правомъ крылѣ*, расположенномъ у Зубоваца, было уже говорено въ предыдущей главѣ. *Центръ*, находившійся подъ начальствомъ инженеръ-полковника Клиндера и состоявшій изъ 8 баталіоновъ съ соотвѣтственнымъ числомъ орудій и небольшою частью кавалеріи, былъ расположенъ уступомъ впереди праваго крыла на высотахъ праваго берега вышеупомянутаго ручья къ юго-востоку отъ Великаго Шелиговаца. *Лѣвое крыло* Банскаго корпуса, превосходившее по своей численности центръ почти въ два раза и находившееся подъ начальствомъ подполковника Молостова, занимало укрѣпленную позицію къ востоку отъ Великаго Шелиговаца фронтомъ къ Гредетину и Песчаницѣ. Общій фронтъ всего корпуса былъ обращенъ къ востоку-юго-востоку. Главная квартира банскаго корпуса къ тому времени перешла изъ Гревци въ Великій Шелиговацъ.

Центръ арміи занималъ укрѣпленную позицію отъ Дьюниша и Каоника до Кормана на Моравѣ и былъ обращенъ фронтомъ къ югу.

Лѣвое крыло арміи, находившееся подъ начальствомъ подполковника Протича, занимало Алексинацкую укрѣпленную позицію на правомъ берегу Моравы и входило въ связь съ центромъ у Бовиште.

¹⁾ Рюстовъ говоритъ, что корпусъ полковника Харватовича занималъ только лѣвый берегъ Дьюнишскаго ручья, но это не вѣрно. Что касается двойнаго названія этого ручья, то въ этомъ отношеніи необходимо отличать верхнюю часть его теченія отъ нижней. Обѣ эти части назывались по названіямъ находившихся на нихъ населенныхъ пунктовъ — Больеваца и Дьюниша.

Общій резервъ и главная квартира генерала Черняева находились по прежнему въ Делиградѣ.

Числительность сербскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ долину Моравы, включая и всѣ вновь сформированныя части, едва ли превышала 50,000 человекъ, общее же протяженіе занятыхъ этими войсками позицій доходило до 30 верстъ, при чемъ общій фронтъ арміи имѣлъ видъ дуги сильно вогнутой къ сторонѣ непріятеля.

Въ то же время турецкая армія вѣзлась клиномъ въ расположеніе противника. Фронтъ турецкихъ войскъ направлялся отъ Тешицы внизъ по лѣвому берегу Моравы до Нижняго Адроваца, оттуда подъ прямымъ угломъ на Круше близъ Гредетина, а затѣмъ, сдѣлавъ вторичный изломъ, почти въ южномъ направленіи восточнѣ Каменицы и Любтена. Хотя протяженіе этого фронта было также значительно, а именно доходило до 20 верстъ, но это въ данномъ случаѣ не имѣло особенно опаснаго значенія въ виду того, что вся турецкая армія была расположена довольно сосредоточенно на одномъ лишь лѣвомъ берегу Моравы, тогда какъ эта же рѣка разрѣзывала на двѣ части въ высшей степени растянутое расположеніе непріятельской арміи.

Числительность турецкой арміи, состоявшей изъ двухъ корпусовъ или пяти дивизій ¹⁾, доходила до 70,000 человекъ. Сверхъ того въ Прокопле, Куршумле, Бабиной-Главѣ, Акъ-Паланкѣ и Пиротѣ находилось 9,000, а Нишскій укрѣпленный лагерь былъ занятъ 20,000 человекъ. Такимъ образомъ въ распоряженіи турецкаго главнокомандующаго находилось до 100,000, изъ которыхъ 90,000 могли быть употреблены для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Сербовъ. Но время подобныхъ дѣйствій для Турокъ еще не пришло. Самъ Абдуль-Керимъ-паша основалъ свою главную квартиру въ Нишѣ, откуда рѣдко пріѣзжалъ къ арміи, изъ чего можно вывести заключеніе, что онъ не предполагалъ обращаться къ наступательному образу дѣйствій. Во время отсутствія его замѣнялъ Ахмедъ-Эюбъ-паша, который, судя по его дѣйствіямъ подъ Княжевацемъ, также былъ болѣе склоненъ къ пассивной оборонѣ.

¹⁾ Корпусами командовали, какъ и прежде, *Ахмедъ-Эюбъ* и *Али-Саибъ*, а дивизіями *Фазли*, *Сулейманъ*, *Адилъ*, *Селями* и *Гафизъ* паша.

Во всякомъ случаѣ, сравнивая силы и расположеніе обѣихъ сторонъ, приходится, къ сожалѣнію, вывести заключеніе, что на сторонѣ Турокъ находился рѣшительный перевѣсъ. Почему они не воспользовались имъ уже въ это время, неизвѣстно?

Многія изъ нашихъ газетъ, оцѣнивая въ то время положеніе обѣихъ сторонъ, приходили къ заключенію, что генераль Черняевъ «посадилъ Турокъ въ мѣшокъ, который, по всему вѣроятію, будетъ вскорѣ завязанъ». Мнѣніе это не выдерживаетъ критики. Гораздо правильнѣе было бы сравнить расположеніе сербской арміи съ тонкою паутиною, которая весьма легко могла быть прорвана. Справедливость этого послѣдняго заключенія тѣмъ болѣе очевидна, что, какъ уже было выше разъяснено, качественная сторона сербской арміи не допускала мысли о наступленіи даже противъ равносильнаго противника; наступленіе же противъ превосходныхъ силъ турецкой арміи, занимавшей къ тому же укрѣпленныя позиціи, было безусловно нецѣлесообразно и даже неблагоразумно. Въ виду этихъ соображеній не имѣется возможности понять причины, побудившія сербскаго главнокомандующаго расположить моравскую армію вопреки столь хорошо ему извѣстнымъ основнымъ началамъ военнаго искусства и предпринять наступленіе при столь неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, не представлявшихъ ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ.

Общее наступленіе съ цѣлью атаки лѣваго фланга Турокъ было произведено арміею генерала Черняева 16 (28) а не 17 (29), какъ утверждаетъ Рюстовъ. Во время этого сраженія лѣвое крыло Сербовъ содѣйствовало наступающимъ частямъ только огнемъ. Центръ арміи былъ направленъ на Песчаницу и Верхній Адровацъ. Лѣвое крыло и центръ Баньскаго корпуса наступали на Крушье (близъ Гредетина), а правое крыло того же корпуса, получившее передъ атакою сильныя подкрѣпленія, должно было нанести врагу рѣшительный ударъ, двинувшись отъ Любтена черезъ Каменицу въ обходъ крайняго лѣваго фланга непріятельскаго расположенія.

Атака эта, по свидѣтельству Рюстова, была ведена храбро, но безъ соблюденія надлежащей связи между дѣйствіями различныхъ частей арміи; къ тому же она не была подготовлена въ достаточной степени артиллеріею. Поэтому не удивительно, что она была

отбита, послѣ чего Сербы къ вечеру отступили на свои прежнія позиціи, Турки же не воспользовались одержаннымъ успѣхомъ и не перешли въ наступленіе.

Не имѣя возможности, въ виду недостатка данныхъ, описать подробно весь ходъ сраженія 16-го сентября, я долженъ ограничиться изложеніемъ тѣхъ лишь боевыхъ дѣйствій праваго крыла Баньскаго корпуса, въ которыхъ я лично участвовалъ.

15-го сентября командовавшій правымъ крыломъ Баньскаго корпуса полковникъ Медвѣдовскій собиралъ въ отрядный штабъ воѣхъ командировъ отдѣльныхъ частей и объяснилъ имъ, что на слѣдующій день мы должны овладѣть непріятельскими позиціями. Объ этомъ я узналъ отъ Лятура, присутствовавшего въ числѣ прочихъ въ этомъ собраніи. Относительно подробностей наступленія онъ не сообщилъ мнѣ ничего, быть можетъ, по той причинѣ, что и самъ онъ болѣе ничего не зналъ.

Въ ночь съ 15-го на 16-го сентября отъ моей четы были выставлены сторожевые посты. У непріятеля въ теченіи всей ночи господствовала полная тишина.

Около 5 часовъ утра Лятуръ получилъ изъ отряднаго штаба приказаніе выступить съ баталіономъ немедленно къ деревнѣ Люб-тенъ, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Онъ тотчасъ же поднялъ 2-ю, 3-ю и 4-ю четы и двинулся съ ними въ указанномъ направленіи, а мнѣ приказалъ собрать 1-ю чету и догнать баталіонъ. Чета собралась около 6 часовъ утра.

Передъ выступленіемъ два нижніе чина просили позволенія остаться по болѣзни. Осмотрѣвъ ихъ, я позволилъ остаться только одному. Затѣмъ, обративъ вниманіе на то, что люди не имѣли особенно бодрого вида, я подтвердилъ наредникамъ (унтеръ-офицерамъ), чтобы они никому не позволяли отставать, послѣ чего повелъ чету по той же дорогѣ, по которой, какъ мнѣ сказали, двинулся баталіонъ. Такъ какъ карты у меня не было, то пришлось идти частью по распросамъ встрѣчавшихся мѣстныхъ жителей, частью же наугадъ. Подходя къ деревнѣ Люб-тенъ, я обогналъ бригаду полковника Медвѣдовскаго, при чемъ, спросивъ одного изъ офицеровъ этой бригады, куда они двигаются, я узналъ что всей бригадѣ приказано двинуться отъ Люб-тена по кратчайшему на-

правленію къ ближайшимъ турецкимъ позиціямъ и атаковать ихъ, не теряя времени. Не зная, куда идти, я на удачу повернулъ на дорогу, отдѣляющуюся влѣво, и черезъ нѣсколько времени догналъ баталіонъ. Лятуръ выразилъ удивленіе и сказалъ, что не ожидалъ меня съ четою такъ скоро, но что во всякомъ случаѣ я прибылъ очень кстати, такъ какъ нашему баталіону приказано при предстоявшей атакѣ прикрывать лѣвый флангъ бригады полковника Медвѣдовскаго, а слѣдовательно намъ весьма скоро придется принять участіе въ бою.

Дойдя до деревни Каменицы, мы остановились на привалъ. Въ это время уже гремѣла канонада по всей боевой линіи отъ Моравы до Ястребацкихъ горъ, Небо было безоблачно и вообще погода стояла самая прекрасная. Въ девятомъ часу нашъ баталіонъ былъ выведенъ на высоты впереди Каменицы и расположился фронтомъ къ непріятелю въ линіи четныхъ колоннъ, послѣ чего послѣдовала команда «оправиться». Пока люди отдыхали, офицеры, въ томъ числѣ и я, собрались къ знамени, находившемся на правомъ флангѣ 3-й четы, но не успѣли мы разговориться, какъ Лятуръ scomандовалъ «въ ружье». Когда я подходилъ къ моей четѣ, люди лежали на землѣ; выраженіе лицъ ихъ было таково, что я ясно понималъ, что они одержимы чувствомъ страха, но чего они боялись, я не зналъ и поглядывалъ во всѣ стороны, недоумѣвая, въ чемъ дѣло.

Спустя небольшой промежутокъ времени, я услышалъ какой-то шипѣвшій звукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ граната, пролетѣвъ надъ четою, разорвалась, но никого не ранила и не убила. Признаюсь, я былъ крайне удивленъ тѣмъ, что нижніе чины моей четы, равно какъ и остальныхъ четъ нашего баталіона, до сихъ поръ еще не привыкли къ артиллерійскому огню, хотя уже успѣли побывать въ 13-ти бояхъ и сраженіяхъ. Въ свою очередь, какъ я узналъ позже, люди были удивлены тѣмъ, что я и вообще всѣ офицеры баталіона при пролетѣ гранатъ не ложились на землю.

Черезъ нѣсколько времени Лятуръ приказалъ моей и 2-й чатамъ разсыпаться и наступать къ сторонѣ противника, 3-я же и 4-я четы были имъ назначены въ резервъ.

Занятые нами высоты отдѣлялись отъ турецкихъ позицій довольно глубокою долиною, причемъ на сторонѣ Турокъ находи-

лось рѣшительное преимущество въ отношеніи командованія. Съ упомянутою долиною соединялось много лощинъ, врѣзывавшихся въ позиціи обѣихъ сторонъ. Мѣстность вообще была чрезвычайно пересѣченная.

Лятуръ лично повелъ обѣ разсыпанныя четы по перпендикулярному къ фронту баталіона направленію, но такъ какъ вправо и влѣво отъ насъ находились рощи, то столь близкое закрытіе соблазнило людей, которые бросились бѣгомъ направо и налѣво. Ни увѣщанія, ни личный примѣръ шедшихъ впереди командировъ на нихъ не дѣйствовали. Тогда Лятуръ приказалъ мнѣ принять возможно болѣе рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы понудить остановившуюся цѣпь къ дальнѣйшему наступленію. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ исполнить это приказаніе, да и то не вполнѣ, а только отчасти: изъ двухъ четъ я собралъ въ долинѣ, отдѣлявшей насъ отъ Турокъ, не болѣе $\frac{1}{4}$, т. е. около 40 человекъ ¹⁾, которыхъ я и довелъ до мертваго пространства у противоположнаго ската по ту сторону долины. Теперь надо было взобраться на этотъ скатъ и еще далѣе на высоты, увѣнчанныя непріятельскими окопами, при чемъ, по выходѣ изъ мертваго пространства, наступать подъ жестокимъ ружейнымъ огнемъ. Вправо бригада полковника Медвѣдовскаго вела жаркій бой, но люди наши не хотѣли двигаться впередъ. Лятуръ послалъ приказаніе 3-й и 4-й четамъ наступать, а затѣмъ съ отчаянія пошелъ впередъ одинъ, не взявъ даже ружья. Я пытался было усовѣщивать людей, но такъ какъ это не привело ни къ какому сколько-нибудь утѣшительному результату, то, взявъ отъ одного изъ выбывшихъ изъ строя ружье и суму съ патронами, я послѣдовалъ за Лятуромъ. За мною пошло пять человекъ. Мы поднялись на плато, представлявшее какъ бы громадный гласисъ для непріятельскихъ укрѣпленій, при чемъ попали подъ весьма сильный ружейный огонь. Я шелъ впередъ до тѣхъ поръ, пока не наткнулся на такой густой кустарникъ, что далѣе никакъ нельзя было пробираться. Въ это время около меня находился только одинъ солдатъ. Лятура нигдѣ видно не было. Желая его

¹⁾ Въ четахъ нашего баталіона, въ то время, состояло по 35—40 рядовъ.

найти, я пошелъ вправо, предполагая, что онъ пристроился къ бригадѣ полковника Медвѣдовскаго.

По пути ко мнѣ снова присоединились остальные люди, вышедшіе за мною изъ цѣпи, но засѣвшіе въ кустахъ. Черезъ нѣсколько времени мы пришли къ большой лощинѣ, врѣзывавшейся въ турецкую позицію и покрытой крупнымъ, но не очень густымъ лѣсомъ. Лощина эта обстрѣливалась весьма сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ. Гранаты, непріятельскія и наши, постоянно пролетали надъ нами. Мѣстами шла ожесточенная ружейная трескотня. При этомъ я былъ крайне удивленъ тѣмъ, что люди нашего баталіона, оставшіеся въ кустахъ по ту сторону долины, ни на минуту не прекращали огня, не смотря на то, что мы находились впереди ихъ. Обиднѣе всего было бы пасть не отъ непріятельской, но отъ своей пули. Къ счастью, огонь этотъ не приносилъ намъ вреда. Такъ или иначе, мы попали въ незавидное положеніе, подвергаясь огню съ фронта, справа и сзади, а что хуже всего, это полнѣйшая неизвѣстность относительно того, что слѣдовало дѣлать далѣе.

Окончивъ осмотръ мѣстности, я пришелъ къ заключенію, что бригада полковника Медвѣдовскаго, уже разъ отбитая и много потерявшая, ничего болѣе не сдѣлаетъ. Лятура я здѣсь не нашелъ, а потому двинулся къ сторонѣ нашего лѣваго фланга черезъ то же самое плато по которому проходилъ ранѣе. Мѣстами виднѣлись наши люди въ перемежку съ добровольцами вышеупомянутой бригады. Наконецъ мнѣ удалось найти Лятуру. Онъ совсѣмъ палъ духомъ и, находясь въ полнѣйшемъ отчаяніи, бродилъ по полю сраженія, не зная, что дѣлать. Я совѣтовалъ ему взять ружье съ тѣмъ, чтобы превратиться въ простаго рядоваго, если уже нельзя быть начальникомъ, но онъ какъ будто не слышалъ этого совѣта.

Часовъ около 12-ти Лятуръ былъ раненъ въ ногу на вылетѣ. Онъ сильно стоналъ и умолялъ меня поскорѣе вынести его изъ боя, рисуя мрачную картину наступленія Турокъ и его участи, когда онъ попадетъ въ руки баши-бузуковъ. Я перевязалъ его рану и началъ его нести, но такъ какъ я не считалъ возможнымъ бросить ружье, то мнѣ было очень тяжело. Пройдя такимъ образомъ шаговъ сто и увидѣвъ по близости въ кустахъ нѣсколькихъ чело-

вѣкъ нашего баталіона, я положилъ Лятура на землю, побѣжалъ къ этимъ людямъ, привелъ двухъ изъ нихъ къ Лятуру и приказалъ имъ его отнести на перевязочный пунктъ, что они и исполнили. Болѣе я его не видѣлъ, такъ какъ въ послѣдствіи онъ умеръ отъ раны.

Отправивъ Лятура на перевязочный пунктъ, я вспомнилъ, что послѣ него я старше всѣхъ офицеровъ баталіона, и что поэтому мнѣ приходится вступать въ командованіе этимъ же баталіономъ. Однако при этомъ самъ собою являлся вопросъ: кѣмъ же мнѣ командовать? Изъ 1-й и 2-й четъ близъ меня осталось лишь нѣсколько человѣкъ, а гдѣ находились 3-я и 4-я четы, мнѣ не было извѣстно. Вспомнивъ затѣмъ, что Лятуръ послалъ и имъ приказаніе наступать, я пошелъ еще болѣе влѣво, предполагая найти ихъ въ этомъ направленіи и надѣясь, что по крайней мѣрѣ хотя эти двѣ четы не потеряли приличнаго воинской части строя и вида.

Черезъ нѣсколько времени, спускаясь въ лощину, тянувшуюся параллельно вышеупомянутой большой лощинѣ, я увидѣлъ знамя, а при немъ Гамулецкаго и еще нѣсколькихъ человѣкъ. Оказалось, что и второй полубаталіонъ послѣдовалъ примѣру перваго, такъ что изъ всего баталіона я могъ собрать человѣкъ 10—15, которые сами рѣшились перейти черезъ роковую долину. Изъ словъ Гамулецкаго я могъ вывести заключеніе, что для него подобный образъ дѣйствій нашего баталіона нисколько не представлялъ неожиданности, такъ какъ и въ предъидущихъ бояхъ получались почти такіе же результаты. Въ виду этого я приказалъ знаменщику идти назадъ въ Зубовацъ и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Затѣмъ, по взаимному между нами соглашенію, мы съ Гамулецкимъ двинулись къ сторонѣ непріятеля. Къ намъ присоединилось нѣсколько добровольцевъ изъ бригады полковника Медвѣдовскаго, но, спустя нѣсколько минутъ, они отъ насъ снова отдѣлились кромѣ двухъ, Александрова и Кандыбы. Первый изъ нихъ былъ уроженецъ Смоленской, а второй, кажется, Полтавской губерніи. Оба произвели на меня очень хорошее впечатлѣніе. Кандыба обратилъ на себя мое вниманіе тѣмъ, что у него было русское ружье-берданка и болѣе 100 патроновъ. Не смотря на свой молодой возрастъ, онъ былъ записнымъ охотникомъ. Такъ какъ изъ насъ четырехъ только

одинъ Гамулецкій участвовалъ ранѣе въ бояхъ, то между нами было рѣшено, что онъ насъ поведетъ туда, куда найдетъ полезнымъ. Онъ повелъ насъ по тальвегу лощины, при чемъ мы вскорѣ попали на дорожку, которая направлялась прямо въ расположеніе протитника, хотя впрочемъ намъ предстояло еще пройти черезъ лѣсъ, покрывавшій верхнюю и среднюю части упомянутой лощины.

Пройдя нѣсколько сотенъ шаговъ, мы остановились у низенькаго заборчика, пересѣкавшаго избранную нами дорожку по перпендикулярному направленію, при чемъ товарищи мои начали курить, чѣмъ, какъ они говорили, можно до нѣкоторой степени заглушить въ себѣ чувство голода. Въ это время на опушкѣ лѣса, шагахъ въ 70 отъ насъ, показалось человѣкъ восемь Турокъ. Увидѣвъ насъ, они остановились въ недоумѣніи, но вскорѣ, обмѣнявшись между собою нѣсколькими фразами, начали заряжать ружья. Всѣ они отличались большимъ ростомъ, были хорошо обмундированы и вообще имѣли вполне хорошій воинскій видъ.

Первая пуля была выпущена съ нашей стороны Гамулецкимъ, который при этомъ убилъ одного изъ нашихъ враговъ наповаль.

Вслѣдъ затѣмъ я убилъ другаго Турка, который слишкомъ долго прицѣливался, какъ мнѣ казалось, въ меня, и почти въ то же самое время его пуля пролетѣла близъ моей головы. Товарищи меня поздравили, а послѣ того мы продолжали пальбу всѣ четверо, при чемъ особенно отличились Гамулецкій и Кандыба, которые стрѣляли точно на состязательной стрѣльбѣ. Турки, по всему вѣроятію, удивленные тѣмъ, что мы отъ нихъ не уходили, кричали намъ: «московъ, московъ»; мы же, не имѣя возможности отвѣчать имъ на ихъ родномъ языкѣ, кричали имъ по русски, но что именно, теперь не припомню.

Враги наши производили учащенную пальбу, которая однако была бесполезна, такъ какъ всѣ мы остались цѣлы и невредимы; наоборотъ они были частью перебиты, частью ранены, при чемъ изъ числа послѣднихъ одинъ ползкомъ пробрался въ лѣсъ.

По окончаніи этой перестрѣлки Гамулецкій предложилъ мнѣ, какъ старшему въ чинѣ, принять на себя управленіе дѣйствіями нашего звена, на что я согласился. Тотчасъ послѣ того мы перешли на болѣе удобную позицію, на высоту вправо, откуда мы получили

возможность пользоваться лучшим обстрѣломъ и видѣть гораздо болѣе, чѣмъ съ прежней позиціи. Въ это время влѣво отъ насъ, по ту сторону лощины, непріятель замѣтно подавался впередъ, такъ что вскорѣ мы стали подвергаться огню слѣва кромѣ фронтальнаго. Между тѣмъ съ фронта рѣдкая непріятельская цѣпь все еще оставалась на опушкѣ лѣса, при чемъ она такъ примѣнилась къ мѣстности, что мы ея не видѣли вовсе и стрѣляли только «на дымокъ». Вправо отъ насъ пока еще не было видно никого, а назади, въ разстояніи 50—100 шаговъ отъ занятой нашимъ звеномъ позиціи, собралось человѣкъ около пятнадцати разныхъ четъ нашего баталіона, а во главѣ ихъ былъ самъ «народный командиръ» ¹⁾, котораго, если не ошибаюсь, звали Миличъ Кузьмановичъ. Спустя нѣкоторое время, солдаты наши стали намъ подавать знаки и указывать вправо по направленію къ лѣсу, въ которомъ дѣйствительно раздавались какіе то крики. Сначала я не обращалъ на это вниманія, но когда эти крики стали усиливаться, то я подозвалъ къ себѣ ближайшаго солдата, очень усердно показывавшаго намъ знаками, что уже пора отступать. Онъ многозначительно покачалъ головою, указалъ на лѣсъ вправо и сказалъ: «господинъ капетанъ, на десно Турци». Въ это же время я замѣтилъ, что собравшіеся позади насъ солдаты уже почти всѣ начинаютъ отступать, а вслѣдъ затѣмъ изъ лѣса раздался явственно крикъ «аллахъ», и красныя фески показались на опушкѣ. Такимъ образомъ мы очутились какъ бы въ центрѣ полукруга, по дугѣ котораго была мѣстами разсыпана рѣдкая непріятельская цѣпь, въ разстояніи не мѣнѣе 100 шаговъ отъ насъ, а за нею видѣлись кое-гдѣ небольшія пѣхотныя колонны, наступленіе коихъ сопровождалось сигналами. Я пришелъ къ заключенію, что непріятель переходитъ въ наступленіе по тому направленію, по которому отступила бригада полковника Медвѣдовскаго. Товарищи мои, вполнѣ соглашаясь съ этимъ заключеніемъ, выразили мнѣ совершенно тождественное съ совѣтомъ вышеупомяну- таго Сербъ, т. е. признали своевременность отступления.

¹⁾ Этотъ народный командиръ въ отсутствіи офицеровъ командовалъ баталіономъ, а въ случаѣ, если офицеры имѣлись на лицо, исполнялъ обязанности помощника баталіоннаго командира или вѣрнѣе какъ бы «баталіоннаго фельдфебеля».

Около двухъ часовъ пополудни я приказалъ начать отступленіе.

Насъ было семь человѣкъ, а именно, кромѣ меня, Гамулецкій, Александровъ, Кандыба, народный командиръ и два солдата нашего баталіона. Отступленіе это производилось при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ. Объ огнѣ и говорить нечего; Турки не переставали обдавать насъ свинцовымъ дождемъ. Въ то же время мѣстность отличалась чрезвычайною пересѣченностью; горы, лѣса, кусты, рвы, валики, ручьи и болотца, все это постоянно насъ задерживало. Впрочемъ эти же мѣстные предметы представляли нерѣдко выгодныя стрѣлковыя позиціи, дававшія намъ возможность отступать шагъ за шагомъ, останавливаясь за каждымъ удобнымъ закрытіемъ, производя пальбу безъ суеты и вообще соблюдая всѣ правила устава.

Турки преслѣдовали насъ; нѣкоторые изъ нихъ бросались впередъ бѣгомъ, повидимому желая насъ захватить, но сравнительно рѣдкій огонь нашъ былъ губителенъ для этихъ смѣльчаковъ; всѣ мы старались производить выстрѣлы тщательно, что намъ и удавалось, такъ какъ бросавшіеся впередъ Турки валились на землю; однако справедливость требуетъ повторенія того, что уже было сказано выше, а именно, что Гамулецкій и Кандыба стрѣляли отлично и почти съ каждымъ выстрѣломъ отправляли въ Магометовъ рай какого-либо изъ насѣдавшихъ на насъ враговъ. Былъ моментъ, когда Турки находились отъ насъ довольно близко не только съ фронта, но отчасти и съ фланговъ, при чемъ обстановка была для нихъ на столько благопріятна, что намъ уже не приходилось надѣяться остаться въ живыхъ. Хотя я и понялъ въ этотъ моментъ, что жизнью можно дорожить, но, какъ мнѣ въ то время казалось, намъ оставался одинъ лишь исходъ: продать жизнь свою возможно дороже. На этомъ рѣшеніи я и остановился; посмотрѣвъ же на моихъ товарищей, я прочелъ на лицахъ ихъ то же самое рѣшеніе.

Остановившись въ складкѣ мѣстности, мы снова открыли пальбу, которая и на этотъ разъ была удачна, такъ какъ угрожавшіе намъ Турки сами пали жертвою своей храбрости, съ нашей же стороны было убито только одинъ сербскій солдатъ.

При дальнѣйшемъ отступленіи намъ пришлось взбираться на какой-то довольно высокій валъ, за которымъ начинался лѣсъ. Я

на столько усталъ, что не могъ преодолѣть этого сравнительно небольшого препятствія безъ чужой помощи. Товарищи мои точно такъ же были до крайности утомлены и сами едва двигались.

Было чрезвычайно жарко, а утолить жажду не было возможности; кромѣ того насъ одолѣвалъ сильнѣйшій голодъ, такъ какъ въ теченіи всего дня мы ничего не ѣли. При такихъ условіяхъ ружье и патронная сумка казались до крайности тяжелыми, что впрочемъ отчасти происходило вслѣдствіе неудовлетворительности упомянутой сумки, которая была пригодна, пожалуй, для почталіона, но никакъ не для солдата. Что касается ружья, то тяжесть его мало отличалась отъ средняго вѣса ружей, принятыхъ въ другихъ арміяхъ; главнымъ его недостаткомъ была неудовлетворительность экстракціи, которая давала себя чувствовать довольно сильно въ виду большого числа выстрѣловъ, произведенныхъ въ теченіи сравнительно небольшихъ промежутковъ времени; о числѣ же выстрѣловъ можно было судить хотя бы потому, что напримѣръ у меня, стрѣлявшаго, пожалуй, менѣе другихъ, буквально горѣли и болѣли глаза отъ пороховыхъ газовъ.

Описанное отступленіе нашего звена продолжалось въ теченіи двухъ часовъ. Около четырехъ часовъ пополудни мы добрались до цѣли піонерной четы, которая нѣсколько дней тому назадъ поступила въ составъ нашего отряда, а въ этотъ день находилась въ резервѣ, но затѣмъ была двинута впередъ для принятія на себя отступившихъ частей отряда, участвовавшихъ въ бою близъ деревни Каменицы. Наконецъ мы получили возможность остановиться и перевести духъ.

Между тѣмъ Турки отказались отъ прежняго своего намѣренія относительно перехода въ наступленіе и стали отходить къ прежнимъ своимъ позиціямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ перестрѣлка начала стихать. Изъ этого можно было вывести заключеніе, что бой оканчивался. Поэтому мы отправились на старый нашъ бивакъ, куда пришли около 6 часовъ вечера, нѣсколько позже захода солнца. На бивакѣ въ то время было до тридцати солдатъ, которыхъ я тотчасъ же приказалъ собрать и нарядить на службу на передовые посты, дабы подъ ихъ прикрытіемъ собрать баталіонъ. Въ это же время на бивакъ прибылъ незнакомый мнѣ сербскій подпоручикъ,

который объяснилъ, что онъ присланъ изъ отряднаго штаба въ Голубацкій баталіонъ въ виду того, что въ этомъ баталіонѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, всѣ офицеры выбыли изъ строя. Я въ свою очередь объяснилъ ему, что это свѣдѣніе не вѣрно, и что командованіе баталіономъ вообще и сборъ его въ особенности я считаю прямыми моими обязанностями, которыхъ не могу передать никому впредъ до надлежащаго свыше распоряженія. Узнавъ, что я старшій изъ офицеровъ баталіона, онъ поспѣшилъ представиться: „подпоручикъ Животичъ.“

Часамъ къ одиннадцати почти весь баталіонъ былъ собранъ. Въ каждой четѣ недоставало среднимъ числомъ около 10 человѣкъ. Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, я послалъ въ отрядный штабъ краткое донесеніе обо всемъ случившемся въ теченіи этого дня, но никакихъ приказаній изъ штаба не получилъ.

При столь грустныхъ обстоятельствахъ совершилось мое боевое крещеніе. Отдавая себѣ отчетъ за этотъ день, я переживалъ въ высшей степени тяжелыя минуты, изъ которыхъ каждая казалась мнѣ вѣчностью. Послѣдній лучъ надежды на успѣхъ того дѣла, которому я себя посвятилъ, исчезъ безвозвратно. Дѣйствительно качественная сторона сербской милиціонной арміи оказывалась столь неудовлетворительною, какъ ее описывали всѣ тѣ, которымъ я до сихъ поръ не хотѣлъ вѣрить. Бой, въ которомъ я участвовалъ, нисколько не походилъ на все то, что я до этого дня рисовалъ себѣ въ моемъ воображеніи. Я представлялъ себѣ тотъ внушительный и стройный боевой порядокъ, въ которомъ мнѣ столь часто приходилось наступать въ составѣ своего полка во время ученій и маневровъ при мирной обстановкѣ. Я привыкъ думать, что воинская часть, не сохраняющая надлежащаго порядка, не имѣетъ права существовать, и что тотъ, кто въ бою ограничивается только однимъ огнемъ, но не доводитъ дѣла до конца, т. е. до штыкового удара, совершаетъ преступленіе и безусловно заслуживаетъ пораженія. И вотъ мнѣ пришлось не только видѣть, но и быть дѣйствующимъ лицомъ въ такомъ бою, гдѣ вмѣсто порядка царилъ полнѣйшій хаосъ и гдѣ не только не могло быть рѣчи объ атакѣ, но даже и оборонительныя дѣйствія не выдерживали самой снисходительной критики.

Я старался уяснить себѣ причины столь неудовлетворительнаго образа дѣйствій нашихъ войскъ и находясь въ то время подѣ сильнымъ впечатлѣніемъ тѣхъ именно фактовъ, которые близко касались ввѣренной мнѣ части, я прежде всего обвинялъ себя въ томъ, что не умѣлъ воодушевить солдатъ и двинуть ихъ въ бой съ сохраненіемъ подобающаго воинской части строя и порядка. Однако, бесѣдуя съ моими сослуживцами, я узналъ, что то же самое происходило какъ въ теченіи всей кампаніи вообще, такъ и въ этомъ бою въ особенности, и во всѣхъ остальныхъ частяхъ нашей арміи, а слѣдовательно бремя, отягощавшее мою совѣсть, облегчалось въ значительной степени; впослѣдствіи же я сталъ относиться къ этому дѣлу спокойнѣе и вполне уразумѣлъ дѣйствительныя причины постигшей насъ неудачи и вообще источникъ всего зла, что уже было выяснено выше и о чемъ еще будетъ рѣчь впереди.

ГЛАВА IX.

17 сентября около 10 часовъ утра я получилъ приказъ по бригадѣ, въ которомъ было объявлено слѣдующее: «капитанъ 2-го класса Гейсманъ, вступившій въ командованіе V Голубацкимъ баталіономъ вслѣдствіе раны и выбытія изъ строя капитана 1-го класса Лятура, назначается командиромъ означеннаго баталіона.» Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ дали знать, что бригадный командиръ направляется къ нашему биваку. Баталіонъ быстро построился впереди бивака, послѣ чего я отдалъ установленную честь. Бригадный командиръ произведенный наканунѣ въ майоры, объявилъ людямъ о моемъ назначеніи, спросилъ о подробностяхъ сраженія 16-го сентября вообще и объ убыли въ особенности, ¹⁾ выразилъ благодарность мнѣ и прочимъ офицерамъ баталіона и приказалъ назначить подпоручика Животича командиромъ 1-й четы, а затѣмъ уѣхалъ обратно въ отрядный штабъ. Сопровождавшіе его чины штаба сообщили намъ различныя новости, въ томъ числѣ и свѣдѣнія о ходѣ боя 16-го сентября въ другихъ частяхъ нашей арміи. По ихъ словамъ центръ Баньскаго корпуса нѣсколько оттѣснилъ Турокъ и овладѣлъ

¹⁾ 16-го сентября выбыли изъ строя: 1 офицеръ и 37 нижнихъ чиновъ, т. е. 20% наличнаго состава офицеровъ и 10% таковаго же состава нижнихъ чиновъ.

передовою непріятельскою позиціею, лѣвый флангъ того же корпуса дѣйствовалъ также довольно удачно, и наконецъ въ остальныхъ частяхъ арміи никакихъ существенныхъ измѣненій не произошло.

Приказавъ подпоручику Животичу немедленно принять 1-ю чету на законномъ основаніи, я распустилъ баталіонъ и отправился въ нашу общую офицерскую палатку, гдѣ кромѣ моихъ подчиненныхъ засталъ нѣсколькихъ офицеровъ изъ другихъ частей нашего отряда. Всѣ они обсуждали значеніе вчерашняго боя, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ пришли къ заключенію, что бой этотъ въ общемъ выводѣ слѣдовало считать для насъ удачнымъ. Не считая возможнымъ согласиться съ ними, я возразилъ, что никогда не желалъ бы для нашихъ войскъ подобныхъ успѣховъ, а также что меня до крайности удивляетъ слишкомъ пассивный образъ дѣйствій Турокъ, которые, превосходя насъ численностью и вообще находясь въ отличномъ положеніи, не пользуются этими преимуществами.

Затѣмъ я объяснилъ, что такъ какъ солдаты наши въ сущности представляли ничто иное какъ сырой матеріалъ, то необходимо въ свободное время вести съ ними строевыя и прочія занятія подобно тому, какъ это дѣлалось въ тѣхъ войскахъ, въ которыхъ мы служили до отправленія въ Сербію. Въ предположенную мною программу занятій были включены: одиночное, шереножное, взводное и ротное ученіе, приготовительныя къ стрѣльбѣ упражненія, разсыпной строй и сторожевая служба. Прежде всего я намѣревался провѣрить обученіе «наредниковъ и десетарей» (т. е. унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ), а затѣмъ приступить къ систематическому обученію всего баталіона, причемъ для обученія пользоваться всякою свободною минутою, конечно, безъ ущерба для здоровья людей.

Еслибъ мнѣ удалось пройти весь предположенный курсъ, то я намѣревался закончить его баталіонными ученьями, какъ уставными, такъ и съ тактическою цѣлью. Все это, конечно, ставилось мною въ зависимость отъ того времени, которымъ можно было бы располагать, смотря по ходу военныхъ дѣйствій.

Офицеры вполне согласились съ моими взглядами и обѣщали содѣйствовать мнѣ въ достиженіи задуманной мною цѣли.

18-го сентября утромъ я получилъ изъ отряднаго штаба приказаніе представить къ наградамъ подчиненныхъ мнѣ офицеровъ и

нижнихъ чиновъ, отличившихся въ сраженіи 16-го сентября, но я не успѣлъ еще окончить этого представленія, какъ получилъ другое приказаніе: «выступить немедленно съ баталіономъ къ деревнѣ Яковле, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ полковника Медвѣдовскаго».

Я исполнилъ немедленно это послѣднее приказаніе, привелъ баталіонъ къ указанному мѣсту и расположилъ его на привалѣ у опушки лѣса близъ упомянутой деревни. Не получая весьма долго никакихъ приказаній, я отправилъ подпоручика Гамулецкаго къ начальнику отряда. Гамулецкій возвратился около часу пополудни и доложилъ, что баталіону приказано двинуться впередъ за линію аванпостовъ, подать правое плечо впередъ и выставить сторожевые посты по новому направленію, которое было опредѣлено двумя крайними пунктами, указанными на мѣстности. Цѣль этого движенія и принятія мѣръ охраненія объяснена не была; когда же подпоручикъ Гамулецкій спросилъ полковника Медвѣдовскаго относительно того, куда онъ прикажетъ отступать въ случаѣ неудачнаго исхода дѣла, то на это ему былъ данъ отвѣтъ, не допуская даже мысли объ отступленіи.

Я повелъ баталіонъ въ указанномъ направленіи и, подходя къ назначенному мѣсту, выслалъ впередъ 1-ю и 4-ю четы, отъ коихъ приказалъ выставить сторожевые посты; 2-я же и 3-я четы были мною назначены въ резервъ.

Осмотрѣвъ мѣстность, я пришелъ къ заключенію, что указанная мнѣ свыше линія для расположенія на ней сторожевой цѣпи была выбрана неудачно, такъ какъ впереди и позади ея находились высоты, покрытыя лѣсомъ, а между тѣмъ цѣпь было приказано расположить по долинѣ, раздѣлявшей оба ряда высотъ. Тѣмъ не менѣе я не считалъ себя въ правѣ отступить хоть сколько-нибудь отъ приказанія, которое было сформулировано весьма категорически.

Чтобы хоть сколько-нибудь парализовать невыгоды принятаго сторожевою цѣпью расположенія, я выбралъ для резерва довольно удобную позицію, небольшую высоту, занявъ которую, мы получили возможность видѣть нашу цѣпь и турецкія позиціи съ ихъ укрѣпленіями, а также обстрѣливать противника въ случаѣ, еслибы онъ перешелъ въ наступленіе, начиная съ 1200—1300 шаговъ.

По занятіи упомянутой высоты мои подчиненные, обсуждая между собою положеніе дѣлъ и стараясь уяснить себѣ, что могло бы означать принятое баталіономъ расположеніе, пришли къ заключенію, что, по всему вѣроятію, нашему отряду было приказано произвести демонстрацію. До нѣкоторой степени предположеніе это было правдоподобно, такъ какъ въ теченіи всего этого дня слышна была канонада со стороны позицій, занятыхъ центромъ и лѣвымъ крыломъ нашего корпуса.

Въ четвертомъ часу пополудни я получилъ изъ отряднаго штаба приказаніе привести немедленно баталіонъ въ деревню Яковле, гдѣ онъ ранѣе находился. Притянувъ тотчасъ же къ резерву 4-ю чету и пославъ командиру 1-й четы приказаніе сняться съ постовъ и присоединиться къ баталіону, я выступилъ съ тремя четами безотлагательно. По пути къ упомянутой деревнѣ мы встрѣтили отрядный и бригадный штабы въ полномъ составѣ, а затѣмъ и самаго полковника Медвѣдовскаго. Подѣхавъ къ нему, я доложилъ, какія приказанія были мною получены, и какое по нимъ послѣдовало исполненіе.

Начальникъ отряда объяснилъ, что послѣднее приказаніе было мнѣ послано по недоразумѣнію, и приказалъ мнѣ попытаться занять вновь только что очищенную баталіономъ позицію и отбросить Турокъ, которые въ это время начали переходить въ наступленіе. Цѣль дѣйствій всего отряда мнѣ и на этотъ разъ не была объяснена, а между тѣмъ было очевидно, что отряду дана какая-то серьезная задача, такъ какъ вслѣдъ за штабомъ потянулись всѣ войска, находившіяся въ послѣдніе дни у Зубоваца. Я могъ только догадываться, что, по всему вѣроятію, намъ было приказано продвинуться возможно болѣе впередъ, дабы привлечь на себя часть силъ противника, которыя дѣйствовали противъ нашихъ войскъ, занимавшихъ позиціи впереди Великаго Шелиговаца.

Между тѣмъ одна изъ нашихъ батарей выѣхала на позицію близъ дороги изъ деревни Яковле и открыла огонь по непріятельскимъ войскамъ, занимавшимъ укрѣпленную позицію къ югу отъ Гредетина. Подъ прикрытіемъ этого огня я предполагалъ вести наступленіе. 1-я чета еще не присоединилась, такъ что въ моемъ распоряженіи оставалось только три четы. Я выслалъ 4-ю чету

въ передовую линію, а 2-ю и 3-ю назначилъ въ баталіонный резервъ.

Наступая въ такомъ порядкѣ, баталіонъ подвергся огню непріятельской артиллеріи съ вышеупомянутой укрѣпленной позиціи. Въ то же время непріятельская пѣхота, успѣвъ занять прежнюю нашу позицію, встрѣтила 4-ю чету сильнымъ огнемъ. Я хотѣлъ усилить боевую часть обѣими четами резерва, но не могъ этого исполнить, такъ какъ 4-я чета начала отступать весьма поспѣшно, что, въ свою очередь, въ связи съ усилившимся огнемъ непріятельской артиллеріи, имѣло крайне печальныя послѣдствія: весь баталіонъ бросился назадъ бѣгомъ. Не взирая на всѣ старанія мои и командировъ четъ, намъ удалось собрать не болѣе 40 человекъ, съ которыми мы и начали отступление шагъ за шагомъ. Вскорѣ наступила темнота, а между тѣмъ оказалось, что всѣ остальные войска нашего отряда отступили уже давно, о чемъ намъ никто не сообщалъ. О 1-й четѣ также ничего не было извѣстно. Поэтому я повелъ остатки баталіона къ деревнѣ Яковле, близъ которой снова встрѣтилъ начальника отряда. Полковникъ Медвѣдовскій приказалъ мнѣ собрать баталіонъ и выставить сторожевые посты, какъ это дѣлалось въ прежніе дни. Приказаніе это было мною исполнено въ точности часамъ къ двѣнадцати ночи, равно какъ и другое приказаніе относительно завятія окоповъ впереди нашего бивака у Зубоваца.

Спрашивается однако, какова была цѣль описаннаго боя въ частности и въ какомъ положеніи находились въ это время обѣ стороны вообще?

Второй вопросъ можетъ быть разъясненъ въ томъ смыслѣ, что Турки въ этотъ день утвердились прочно на линіи Гредетинъ-Пещаница, т. е. на среднемъ теченіи Людакскаго потока, впадающаго въ Мораву близъ селенія Корманъ. При этомъ обѣ стороны ограничились главнымъ образомъ артиллерійскимъ боемъ, что по отношенію къ Сербамъ нисколько не удивительно, такъ какъ послѣ неудачной атаки 16-го сентября новое наступленіе представляло бы верхъ неблагоразумія; что же касается Турокъ, то они не только могли, но даже должны были дѣйствовать рѣшительно; почему они этого не сдѣлали, въ точности неизвѣстно.

Относительно перваго вопроса я не могу прибавить ничего къ тѣмъ предположеніямъ, которыя были изложены выше, при чемъ не считаю возможнымъ принять на себя отвѣтственность за то, что вопросъ этотъ остается безъ категорическаго отвѣта и представляю читателямъ полное право судить объ этомъ по своему усмотрѣнію.

Съ другой стороны, размышляя по поводу боя 18 (30) сентября¹⁾, я считаю долгомъ заявить, что мнѣ не только въ то время, но даже и нынѣ крайнѣ обидно то обстоятельство, что бой этотъ разыгрался такъ неудачно. Уже тогда мнѣ казалось, что дѣло приняло бы другой оборотъ, если бы мнѣ только была объяснена цѣль дѣйствій и въ особенности если бы я не получилъ противорѣчившихъ одно другому приказаній. Въ настоящее время считаю возможнымъ утверждать, что причиною неудачи, постигшей ввѣренный мнѣ баталіонъ, былъ недостатокъ должнаго порядка въ штабѣ нашего отряда, а можетъ быть и не распорядительность лицъ стоявшихъ у дѣла.

Во всякомъ случаѣ я не могъ относиться одобрительно къ дѣйствіямъ ввѣренной мнѣ части, обнаружившей полный недостатокъ устойчивости, а потому на будущее время рѣшился «подтянуть» баталіонъ, на сколько это окажется возможнымъ.

19-го сентября утромъ, вслѣдствіе приказанія изъ отряднаго штаба, баталіонъ былъ переведенъ на другое бивачное мѣсто, въ полуверстѣ отъ прежняго, ближе къ центру нашего корпуса. Строго говоря, передвиженіе это не вызывалось необходимостью и не приносило никакой особенной пользы. Самъ выборъ бивачнаго мѣста оставлялъ желать лучшаго: оно было открыто взорамъ противника; вода была довольно далеко, около $\frac{2}{3}$ версты; наконецъ позиція, находившаяся тутъ же впереди бивака, не имѣла никакого обстрѣла, такъ какъ впереди ея версты на двѣ тянулись кусты, а затѣмъ лѣсъ. Между этими кустами и бивакомъ по гребню высоты были устроены окопы, которые и приказано было занимать въ случаѣ тревоги. Окопы эти имѣли не боевую, но, такъ сказать, межевую

¹⁾ Бой этотъ обозначается числами, соответствующими, какъ старому, такъ и новому стилю, въ виду того, что иностранные источники, придерживающіеся новаго стиля, несогласны между собою относительно опредѣленія дня этого боя.

профиль и вообще были неудовлетворительны. Кѣмъ и по чьему распоряженію они были устроены, мнѣ и въ настоящее время не извѣстно.

Вполнѣ сознавая невыгоды подобнаго расположенія, я пытался было доложить объ этомъ кому слѣдовало, но, по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, доводы мои не были выслушаны до конца, а баталіону было приказано оставаться на этомъ же мѣстѣ. Мнѣ не оставалось болѣе ничего, какъ улучшить существовавшіе уже окопы и сколь возможно болѣе очистить мѣстность впереди позиціи отъ кустовъ, къ чему я и рѣшился приступить безотлагательно.

Послѣ боя 18-го (30) сентября настало почти полное затишье, продолжавшееся до 6-го (18) октября включительно и лишь изрѣдка прерывавшееся перестрѣлками въ различныхъ пунктахъ, въ особенности же у Бобовиштской переправы.

19-го сентября я снова получилъ изъ отряднаго штаба приказаніе представить отличившихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ къ наградамъ, что и было мною исполнено въ этотъ же день; я представилъ трехъ командировъ четъ, участвовавшихъ въ бояхъ 16-го и 18-го сентября, народнаго командира и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, лично мнѣ извѣстныхъ.

Съ этого же дня были начаты въ баталіонѣ строевыя занятія, при чемъ оказалось, что не только всѣ нижніе чины, но даже наредники и четоводы (фельдфебеля) подготовлены весьма слабо. Веденіе занятій съ должностными нижними чинами я поручилъ подпоручику Животичу, помощникомъ же ему назначилъ народнаго командира. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось дать этимъ занятіямъ такое развитіе, какое было по моему мнѣнію необходимо. Нечего и говорить, что перевоспитать баталіонъ въ столь короткій промежутокъ времени и при столь неблагоприятныхъ условіяхъ также не было возможности. Я добился только того, что нижніе чины замѣтно подтянулись въ отношеніи наружнаго ихъ вида, что было тогда же засвидѣтельствовано чинами отряднаго штаба, говорившими мнѣ, что они узнавали солдатъ Голубацкаго баталіона потому, что только они одни исправно отдавали честь всѣмъ офицерамъ безъ исключенія.

Во время упомянутого затишья бригада полковника Медвѣдовскаго и нѣкоторыя другія части были передвинуты изъ Зубоваца по направленію къ Делиграду, но куда именно, неизвѣстно. Послѣ того наше «правое крыло Баньскаго корпуса» снова осталось въ томъ же составѣ, въ какомъ оно находилось за нѣсколько дней до сраженія 16-го сентября. Начальство надъ отрядомъ снова принялъ полковникъ Журавлевъ, нашъ же бригадный командиръ майоръ Протичъ былъ его помощникомъ. Наименованій всѣхъ частей нашего отряда не помню за исключеніемъ лишь стоявшаго рядомъ съ нами Колубарскаго баталіона Бѣлградской бригады 2-го класса, которымъ командовалъ капитанъ Назарецкій; изъ офицеровъ этого баталіона помню лишь одного, поручика Троицкаго, служившаго прежде на Кавказѣ и обратившаго на себя мое вниманіе весьма правильными сужденіями о военномъ дѣлѣ вообще и о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ солдатомъ въ особенности.

Около 1-го октября начальникъ отряда приказалъ приступить къ возможно болѣе солидному укрѣпленію нашихъ позицій, что и исполнялось нижними чинами Голубацкаго и Колубарскаго баталіоновъ по указаніямъ одного изъ офицеровъ отряднаго штаба. Отъ посѣщавшихъ насъ офицеровъ другихъ частей мы узнали, что всѣ части арміи укрѣпляли точно также свои позиціи. Изъ этого можно было вывести заключеніе, что мы готовились къ оборонѣ. Въ виду этого соображенія меня чрезвычайно озабочивало то обстоятельство, что нашъ отрядъ былъ отдѣленъ отъ отряда полковника Клиндера нѣмъ не занятымъ промежуткомъ не менѣе четырехъ верстъ. Я по собственному почину сдѣлалъ распоряженіе объ освѣщеніи этого промежутка посредствомъ патрулей, но этого, конечно, было недостаточно. Я завелъ объ этомъ рѣчь въ отрядномъ штабѣ, но тамъ мнѣ сказали, что этого никоимъ образомъ исправить нельзя. Тѣмъ не менѣе я продолжалъ интересоваться вопросомъ о поддержаніи связи съ центромъ. Мнѣ пришла въ голову мысль, что въ случаѣ, еслибы Турки атаковали отрядъ полковника Клиндера, то намъ слѣдовало бы ударить имъ во флангъ и вообще оказать нашему центру возможно болѣе дѣйствительную поддержку. Эта мысль въ свою очередь привела меня къ заключенію о необходимости изслѣдованія путей, которые вели изъ Зубоваца къ позиціямъ остальныхъ частей

нашего корпуса. Поэтому я, съ разрѣшенія моего начальства, поручивъ временное командованіе баталіономъ командиру 3-й четы, отправился на позицію центра, а оттуда на лѣвый флангъ нашего корпуса, носившій названіе: «лѣво крыло Банскаго кора».

Здѣсь я встрѣтилъ двухъ товарищей по училищу, бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ: Бобянскаго и Данилова. Въ какихъ они состояли чинахъ, не помню. Они меня познакомили съ майоромъ Шпаковскимъ и капитаномъ Тессеромъ. Послѣдній, родомъ Чехъ, служилъ прежде въ австрійской арміи, а въ это время исполнялъ обязанности начальника штаба лѣваго крыла нашего корпуса. Всѣ они были чрезвычайно заняты укрѣпленіемъ своей позиціи. Майоръ Шпаковский въ качествѣ спеціалиста-минера усиливалъ устроенныя уже укрѣпленія минами. Товарищи мои показали мнѣ всѣ укрѣпленія и объяснили, гдѣ заложены мины. Укрѣпленія были построены и примѣнены къ мѣстности довольно хорошо и лишь нѣкоторыя изъ нихъ имѣли малый обстрѣлъ; впрочемъ предполагалось принять мѣры къ парализованію этого недостатка; было-ли это приведено въ исполненіе, неизвѣстно.

Окончивъ осмотръ этой позиціи, я пришелъ къ заключенію, что наше лѣвое крыло въ случаѣ наступленія Турокъ, могло бы оказать весьма сильное сопротивленіе, и что въ этомъ отношеніи оно находилось въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ отрядъ полковника Клиндера, не говоря уже о нашемъ Зубовацкомъ отрядѣ, занимавшемъ послѣднее мѣсто.

Однако товарищи мои не высказывали твердой увѣренности въ томъ, что ихъ отрядъ былъ бы въ состояніи отразить врага; причиною подобнаго пессимистическаго ихъ настроенія было хорошо извѣстное мнѣ обстоятельство, а именно недостатокъ устойчивости въ войскахъ, которыя и въ этомъ отрядѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ частяхъ арміи, были чрезвычайно впечатлительны ко всякимъ случайностямъ и, что всего хуже, въ высшей степени склонны къ поспѣшному отступленію и даже къ бѣгству.

Прощавшись съ товарищами, я отправился въ Шелиговаць, гдѣ предполагалъ найти Лятура, но въ тамошнемъ лазаретѣ его не оказалось, при чемъ я узналъ, что онъ отправленъ въ Делиградъ.

Изъ Шелиговаца я отправился назадъ въ Зубовацъ, но не по прямому пути, направлявшемуся по долину Больевацкаго ручья, а по высотамъ праваго берега этого ручья; направление это было мною выбрано съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть мѣстность въ тылу отряда полковника Клиндера и на лѣвомъ флангѣ позиціи нашего Зубовацкаго отряда.

Во время моего отсутствія не произошло ничего особеннаго.

Нѣкоторые изъ офицеровъ нашего отряда въ это же время ѣздили въ Делиградъ и привезли оттуда, кромѣ газетъ и писемъ изъ Россіи, еще различныя новости, изъ которыхъ однако не всѣ были утѣшительны.

По ихъ словамъ въ Делиградѣ собралось много праздныхъ добровольцевъ, которые, не отправляясь въ указанные имъ части войскъ, кутили и производили скандалы. Главная квартира оказывалась не въ силахъ водворить надлежащій порядокъ. Въ самомъ штабѣ арміи находились лица, подававшія поводъ къ нареканіямъ въ различныхъ отношеніяхъ. Не буду излагать всего того, что мнѣ приходилось слышать, такъ какъ объ этомъ въ свое время писалось много въ газетахъ, нашихъ и иностранныхъ, а слѣдовательно все это болѣе или менѣе извѣстно читателямъ; съ другой стороны утверждать то, на что не имѣется достовѣрныхъ данныхъ, я не признаю возможнымъ. Такъ, напримѣръ, относительно штаба арміи можно сказать, что организація его оставляла желать лучшаго, но въ то же время не годится повторять обвиненіе, которое попадалось и въ нашей печати, не говоря уже объ устныхъ разсказахъ участниковъ кампаніи, и которое встрѣчается и въ сочиненіи Рюстова; яснѣе говоря, этотъ писатель упоминаетъ между прочимъ о роскошныхъ пиршествахъ, устраивавшихся въ главной квартирѣ на деньги, собранныя въ Россіи славянскими комитетами, въ такое время, когда войска были вынуждены довольствоваться крайне скудною пищею ¹⁾. Приходилось и мнѣ слышать неоднократно разсказы въ этомъ же духѣ, но на сколько вѣрны эти разсказы, судить невозможно даже и въ настоящее время въ виду недостатка вполне

¹⁾ «Der Krieg in der Türkei», стр. 317 и 318.

достоверныхъ источниковъ; на будущее же время вопросъ этотъ можетъ быть объясненъ только очевидцами.

Во всякомъ случаѣ я считаю долгомъ выразить мое личное глубокое убѣжденіе въ томъ, что уважаемая личность главнокомандующаго тимоко-моравской арміей должна быть поставлена на надлежащую высоту, вѣ какихъ бы то ни было обвиненій. Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, этотъ доблестный боецъ за идею, первый солдатъ въ своей арміи, могъ, какъ и всякій человѣкъ, дѣлать ошибки, но никогда не покидалъ пути, начертаннаго ему чувствомъ долга, и всегда оставался въ высшей степени честнымъ и хорошимъ человѣкомъ.

Въ началѣ октября въ Делиградъ пріѣзжалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, исполнявшій также обязанности министра-президента, г. Ристичъ. Пріѣздъ его подалъ поводъ къ толкамъ о скоромъ заключеніи мира, прекратившимся тотчасъ послѣ его отъѣзда. Во всякомъ случаѣ можно было догадываться, что онъ былъ присланъ княземъ для оцѣнки состоянія арміи и совѣщаній съ главнокомандующимъ относительно того, имѣлась-ли еще возможность продолжать военные дѣйствія съ надеждою на отраженіе врага и на очищеніе занятой имъ части сербской территоріи, что, конечно, въ свою очередь, должно было бы быть принимаемо въ расчетъ при заключеніи мира.

ГЛАВА X.

Въ началѣ октября турецкій главнокомандующій наконецъ рѣшился обратиться къ активному образу дѣйствій и перейти въ наступленіе внизъ по лѣвому берегу Моравы, направляясь на Дьюнишъ, имѣвшій весьма важное стратегическое значеніе, какъ узелъ путей изъ Великаго Шелиговаца, изъ Делиграда и изъ Крушеваца. Первые два пути соединяли Банскій корпусъ полковника Хорватовича съ главною квартирою и остальными частями сербской арміи; эти же пути, въ случаѣ, еслибы Турки обошли правый флангъ Банскаго корпуса, дали бы возможность полковнику Хорватовичу отступить мимо Трубарева на правый берегъ Моравы, т. е. на присоединеніе къ войскамъ, находившимся подъ непосредственнымъ на-

чальством генерала Черняева. Что касается Крушевацкаго шоссе, то оно могло служить путемъ отступленія тому же Баньскому корпусу въ случаѣ, еслибы корпусъ этотъ былъ обойденъ непріятелемъ съ лѣваго фланга и отрѣзанъ отъ остальныхъ частей сербской арміи, а равно и отъ пути отступленія на Делиградъ. 5-го (17-го) октября турецкая армія получила новыя подкрѣпленія, послѣ чего *Абдуль-Керимъ-паша* могъ назначить для рѣшительнаго удара двойныя силы въ сравненіи со всѣми войсками, которыми могъ располагать генераль *Черняевъ*. Турки по прежнему были расположены сосредоточенно, Сербы же, не смотря на свою слабость, все еще охватывали ихъ съ обоихъ фланговъ, т. е. добровольно сами ставили себя въ крайне невыгодное положеніе. Такимъ образомъ всѣ шансы на успѣхъ находились на сторонѣ Турокъ, которымъ было весьма легко прорвать опутавшую ихъ тонкую паутину; такъ, а не иначе слѣдовало назвать въ высшей степени растянутае расположеніе сербской арміи.

Съ разсвѣтомъ 7-го (19-го) октября на правомъ флангѣ турецкаго расположенія дивизія *Фазли-паши* начала усиленное обстрѣливаніе сербскихъ укрѣпленныхъ позицій у *Алексинаца* и *Бобо-виште*. Въ то же время на лѣвомъ флангѣ Турокъ развернулись двѣ дивизіи, назначенныя для нанесенія рѣшительнаго удара: у *Гредетина* фронтомъ на сѣверъ дивизія *Гафиза-паши*, а у *Крушье* фронтомъ на западъ дивизія Сулеймана-паши. Въ резервъ за ними стали дивизіи *Адила* и *Азиса* пашей. Этихъ силъ было слишкомъ достаточно для борьбы противъ слабаго Баньскаго корпуса; даже лѣвое крыло этого корпуса, силою не болѣе 6,000—7,000 человекъ, не могло бы устоять противъ большей части дивизіи Гафиза-паши, подкрѣпленной дивизіею Адила-паши. Что же касается центра Баньскаго корпуса, силою около 4,000 человекъ, то объ отраженіи имъ двухъ дивизій Сулеймана и Азиса пашей не могло быть и рѣчи. Поэтому неудивительно, что, не смотря на всѣ усилія командовавшаго центромъ полковника Клиндера и его храбрыхъ сподвижниковъ, командировъ частей вѣреннаго ему отряда, Сербы не могли удержать за собою высотъ праваго берега Больевацкаго или Дьюнишскаго ручья.

Долго бой продолжался съ переменнымъ счастіемъ, но наконецъ

силы Сербовъ истощились, Турки же, воспользовавшись своимъ подавляющимъ превосходствомъ въ силахъ, овладѣли позиціею отряда полковника Клиндера и отбросили его за Великій Шелиговацъ, а затѣмъ обратились противъ лѣваго крыла Баньскаго корпуса. Поражаемые съ фронта и съ фланговъ Сербы и въ этомъ пунктѣ не были въ силахъ задержать тѣснившія ихъ массы Турокъ: всѣ укрѣпленія, возведенныя отрядомъ подполковника Молоствова, которыя я нѣсколько дней тому назадъ осматривалъ, были очищены Сербами и тотчасъ же заняты преслѣдовавшими ихъ по пятамъ Турками; при этомъ погибло не мало русскихъ добровольцевъ, въ томъ числѣ вышеупомянутый минеръ Шпаковский.

Пораженіе Баньскаго корпуса было чувствительно и для центра сербской арміи, занимавшаго позицію отъ Дьюниша и Каоника до Кормана на Моравѣ, такъ какъ съ этихъ поръ противъ позиціи центра направилась большая часть обоихъ турецкихъ корпусовъ. Еслибы и въ этомъ пунктѣ Сербы были разбиты, то кампанія могла бы считаться оконченною, такъ какъ Турки, овладѣвъ Дьюнишемъ, стратегическимъ ключемъ позиціи Сербовъ, отрѣзали бы Баньскій корпусъ отъ остальныхъ частей сербской арміи и имѣли бы полную возможность, тѣсня безостановочно остатки разбитыхъ непріятельскихъ войскъ, наступать къ сербской столицѣ. Поэтому генераль Черняевъ, оцѣнивъ правильно, хотя и нѣсколько поздно, важное значеніе Дьюнишъ - Каоникскаго участка позиціи центра, притянулъ къ этому пункту свой общій резервъ изъ Делиграда. Благодаря этому центръ сербской арміи получилъ возможность удерживать за собою свою позицію, не исключая и крайняго лѣваго ея фланга, Корманскаго участка, который былъ болѣе другихъ выдвинутъ впередъ, а слѣдовательно могъ быть весьма легко захваченъ Турками.

На лѣвомъ крылѣ Сербовъ не произошло ничего замѣчательнаго, правое же крыло ихъ ¹⁾, отступивъ на лѣвый берегъ Дьюнишскаго

¹⁾ Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не обо всемъ правомъ крылѣ сербской арміи, иначе называемомъ Баньскимъ корпусомъ полковника Хорватовича, но только о двухъ частяхъ этого корпуса, а именно о лѣвомъ его крылѣ или объ отрядѣ подполковника Молоствова и о центрѣ или объ отрядѣ полковника Клиндера. Что касается праваго крыла Баньскаго корпуса, т. е. отряда полковника Журавлева, то

ручья, заняло заблаговременно укрѣпленную позицію у Малаго Шелиговаца. Связь между тремя главными частями сербской арміи въ этотъ день нигдѣ еще прервана не была ²⁾; протяженіе фронта сербскихъ позицій отъ Малаго Шелиговаца черезъ Превину, Каоникъ и Корманъ къ Алексиначу сократилось до 18—20 верстъ; наконецъ общій резервъ арміи былъ переведенъ съ праваго на лѣвый берегъ Моравы и находился близъ стратегическаго ключа всего сербскаго расположенія. Повидимому положеніе Сербовъ было несравненно лучше, чѣмъ прежде; въ дѣйствительности же оно нисколько не улучшилось, такъ какъ съ одной стороны Турки прочно утвердились на плато между Великимъ Шелиговацемъ и Гредетиномъ, не потерявъ при этомъ преимущества болѣе сосредоточеннаго въ сравненіи съ Сербами расположенія; съ другой же стороны неудачный исходъ сраженія при Великомъ Шелиговацѣ 7-го (19) октября произвелъ на сербскую армію потрясающее впечатлѣніе, послѣ чего армія эта окончательно потеряла способность къ тому непомѣрному напряженію всѣхъ ея силъ, которое одно только и могло бы предотвратить угрожающую ей катастрофу.

Изложивъ такимъ образомъ ходъ сраженія при Великомъ Шелиговацѣ, къ сожалѣнію, въ слишкомъ общихъ чертахъ вслѣдствіе недостатка данныхъ, необходимыхъ для болѣе подробнаго изложенія, считаю своевременнымъ обратиться къ описанію того, что происходило въ день упомянутаго сраженія въ отрядѣ полковника Журавлева вообще, а также и того, что пришлось мнѣ самому видѣть и слышать въ этотъ же день въ особенности.

6-го октября у Турокъ слышны были звуки музыки, что у насъ было объяснено въ томъ смыслѣ, что къ нимъ прибыли подкрѣпленія. Тѣмъ не менѣе на слѣдующій день почти никто не предполагалъ наступленія Турокъ вслѣдствіе того, что погода, до сихъ поръ бывшая благопріятною, ухудшилось до крайности: начались дожди, которые въ высшей степени затрудняли положеніе войскъ

онъ и въ этотъ день оставался на своей позиціи у Зубоваца, будучи такимъ образомъ отрѣзанъ отъ остальныхъ частей корпуса, о чемъ будетъ сказано ниже.

²⁾ Связь поддерживалась: между Баньскимъ корпусомъ и центромъ по линіи Превина-Дьюнишъ, а между центромъ и лѣвымъ крыломъ арміи по линіи Корманъ-Бобовиште.

не только во время движенія, но даже и при расположеніи на мѣстѣ, если только приходилось располагаться подѣ открытымъ небомъ. Однако въ дѣйствительности случилось именно то, чего никто не ожидалъ.

Въ ночь съ 6-го на 7-е число меня будили два раза вслѣдствіе того, что со стороны Бобовиштской переправы, а также со стороны позиціи центра нашего корпуса слышна была сильнѣйшая перестрѣлка. Вторая тревога совпала съ началомъ наступленія Турокъ, которое было описано выше. Я приказалъ разбудить офицеровъ, послалъ донесеніе въ отрядный штабъ и, поднявъ баталіонъ съ бивака, занялъ назначенные намъ окопы. То же самое сдѣлали и прочія войска нашего отряда. Часовъ около восьми утра на позицію пріѣхали полковникъ Журавлевъ и майоръ Протичъ, которые предполагали, что и нашъ отрядъ будетъ атакованъ, а потому, одобливъ распоряженія мои и командира Колубарскаго баталіона, стали выжидать наступленія непріятеля. Между тѣмъ было очевидно, что въ центрѣ расположенія нашего корпуса завязалось весьма серьезное дѣло, тогда какъ противъ насъ не было видно даже непріятельскихъ разбѣдовъ. Когда поименованныя начальствующія лица спросили, каково мое мнѣніе относительно положенія дѣла, то я доложилъ, что слѣдовало бы двинуться на подкрѣпленіе къ полковнику Клиндеру если не со всѣмъ отрядомъ, то по крайней мѣрѣ съ частью силъ. Мнѣніе мое было признано несогласнымъ съ полученными свыше инструкціями, на основаніи коихъ мы должны были оставаться на нашей укрѣпленной позиціи.

Время проходило, бой въ центрѣ разгорался все болѣе и болѣе, а противъ насъ все таки не показывался ни одинъ Турокъ. Изъ отряднаго штаба не получалось никакихъ приказаній. Свѣдѣній о положеніи дѣла въ центрѣ никакихъ не было. Между тѣмъ начальникъ отряда и командиръ бригады начали совѣщаться между собою о томъ, какимъ образомъ можно было бы получить необходимыя свѣдѣнія, при чемъ жаловались на недостатокъ кавалеріи.

Тогда я предложилъ свои услуги и, получивъ разрѣшеніе, вызвалъ изъ своего баталіона охотниковъ. Вышло 10 человекъ. Кромѣ того вызвался пойти со мною и подпоручикъ Гамулецкій. Передавъ командованіе баталіономъ командиру 2-й четы, я повелъ свой па-

труль по кратчайшему направлеію къ правому флангу отряда полковника Клиндера, куда мы прибыли около 10 часовъ утра. Тутъ уже на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находились биваки войскъ центра, сыпался свинцовый дождь и начиналась суматоха. Резервовъ оставалось мало, такъ что можно было предвидѣть, что Турки задавятъ наши войска своими превосходными силами. Меня чрезвычайно поразило то обстоятельство, что нѣкоторыя части нашихъ войскъ кричали «ура», стоя на мѣстѣ. По моему мнѣнію это не приносило никакой пользы, такъ какъ не могло ни утѣшить противника, ни поднять уровень нравственныхъ силъ въ нашихъ войскахъ.

Увидѣвъ полковника Клиндера, я доложилъ ему, откуда и зачѣмъ я присланъ, и спросилъ, не прикажетъ-ли онъ передать что-либо полковнику Журавлеву? На это я получилъ слѣдующій отвѣтъ: «передайте, что непріятель на насъ сильно насѣдаетъ, и вообще доложите обо всемъ томъ, что вы видите; что же дѣлать вашему отряду, я не могу объяснить; это зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія полковника Журавлева».

Послѣ этого мнѣ не оставалось болѣе ничего, какъ собрать моихъ охотниковъ, пристроившихся къ одному изъ баталіоновъ, и возвратиться на Зубовацкую позицію, что я и исполнилъ.

На позиціи нашей все оставалось въ томъ же видѣ, какъ и прежде. Оба мои начальника съ нетерпѣніемъ ожидали моего возвращенія. Я доложилъ имъ о положеніи дѣлъ въ центрѣ, о томъ, что сказалъ мнѣ полковникъ Клиндеръ и прибавилъ, что безотлагательное движеніе нашего отряда на выстрѣлы съ цѣлью дѣйствій противъ лѣваго фланга Турокъ было бы въ высшей степени полезно. Хотя мое заключеніе и было признано правильнымъ, но, во исполненіе полученныхъ свыше приказаній, которыхъ впрочемъ мнѣ читать не приходилось, отряду нашему приказано было оставаться на занимаемой имъ позиціи и быть въ готовности къ отраженію атаки противника.

Между тѣмъ обозы всѣхъ частей отряда были отправлены съ утра къ Великому Шелиговацу, откуда имъ было приказано отступать далѣе согласно съ указаніями корпуснаго штаба. Такимъ образомъ правильное довольствіе горячею пищею прекратилось съ этого же дня, на слѣдующій же день отряду нашему угрожала опасность

остаться безъ хлѣба. Въ то же время погода не улучшилась. Дождь и холодный вѣтеръ смѣнялись по-очереди. Вообще положеніе нашего отряда было неприглядно и незавидно. Однако всѣ физическія невзгоды и лишенія, которыя намъ приходилось испытывать, были не столь тяжелы, какъ мысль о томъ, что лѣво-отъ насъ идетъ горячій бой, принимающій для нашихъ войскъ неблагопріятный оборотъ, что присутствіе наше на позиціи центра, быть можетъ, дало бы возможность отразить атаку противника, а между тѣмъ мы стоимъ на мѣстѣ, не понимая, какую пользу могло бы принести подобное бездѣйствіе. Но, дѣлать нечего, не оставалось болѣе ничего какъ повиноваться волѣ начальства.

Перестрѣлка въ центрѣ сначала становилась все болѣе и болѣе учащенною, но послѣ двухъ часовъ пополудни стала ослабѣвать; въ четвертомъ часу выстрѣлы стали замѣтно слышнѣе, а около пяти часовъ вечера къ лѣвому флангу нашей позиціи подошли остатки одного изъ баталіоновъ центра подъ начальствомъ вышеупомяну- таго добровольца подпоручика Лозинскаго. Въ виду этого я подаль назадъ лѣвое плечо вѣреннаго мнѣ баталіона.

Подпоручикъ Лозинскій сообщилъ, что Турки овладѣли позиціею отряда полковника Клиндера и всѣми высотами, командующими надъ Великимъ Шелиговацемъ, о чемъ я доложилъ по командѣ. Не помню, кто именно изъ моихъ начальниковъ спросилъ, каково мое мнѣніе относительно положенія дѣлъ, и что слѣдовало дѣлать нашему отряду? На это я доложилъ, что, принимая во вниманіе отступленіе центра и недостатокъ у насъ хлѣба, казалось бы цѣлесообразнымъ отступить на лѣвый берегъ Болъевацкаго ручья, гдѣ мы могли возстановить связь съ остальными частями нашего корпуса и откуда мы всегда имѣли бы возможность занять снова нашу позицію, такъ какъ на нашей сторонѣ находилось бы преимущество въ отношеніи командованія не только надъ Зубовацкою позиціею, но и надъ позиціею Турокъ у Великаго Шелиговаца. Въ подтвержденіе правильности моего мнѣнія я указывалъ на невыгоды, представляемыя занятіемъ Зубовацкой позиціи, которая и ранѣе не имѣла особенно важнаго для насъ значенія, а по отступленіи центра пріобрѣла значеніе, но уже не въ положительномъ, а въ отрицательномъ смыслѣ. Сверхъ того я докладывалъ, что и остатки отступив-

шаго къ цамъ изъ центра баталіона, находившіяся съ нами въ одинаковыхъ условіяхъ, готовятся отойти за Больевацкій ручей съ цѣлью присоединиться къ своему отряду.

Однако и на этотъ разъ мнѣніе мое уважено не было. Рѣшено было оставаться на Зубовацкой позиціи. вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ отряда приказалъ, выставивъ сторожевые посты отъ Голубацкаго и Колубарскаго баталіоновъ по указанію и подъ общимъ начальствомъ поручика Разнатовскаго, отпустить остальныхъ людей на ночь въ устроенные ими на бивакѣ шалаши.

При разстановкѣ сторожевой цѣпи особенное значеніе имѣлъ лѣвый ея флангъ, а потому, поручивъ старшему изъ командировъ четъ отвести баталіонъ на бивакъ, я отправился осматривать посты, выставленные отъ вѣреннаго мнѣ баталіона, коему, въ случаѣ наступленія непріятеля, приходилось бы дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ нашего отряда. Оказалось, что посты эти находились въ весьма близкомъ отъ бивака разстояніи; впрочемъ иначе и нельзя было ихъ поставить въ виду близости Турокъ, занявшихъ позицію отряда полковника Клиндера и имѣвшихъ полную возможность однимъ своимъ наступленіемъ противъ нашего лѣваго фланга или въ обходъ того же фланга вынудить насъ къ отступленію.

Осмотрѣвъ посты, я отправился на бивуакъ, гдѣ между тѣмъ случилось обстоятельство, бывшее на первыхъ же порахъ причиною большаго безпорядка и имѣвшее въ послѣдствіи роковое значеніе. Въ то время, когда Голубацкій баталіонъ находился на позиціи, отрядный штабъ притянулъ къ Зубовацу такъ называемые «*черногорскій баталіонъ и партизанскій отрядъ*» ¹⁾. Обѣ эти части, неизвѣстно по чьему распоряженію, въ то время, когда я осматривалъ сторожевые посты, произвели вторженіе на бивуакъ Голубацкаго баталіона и расположились на немъ въ перемежку съ моими подчиненными.

¹⁾ Какъ мнѣ объяснили, черногорскій баталіонъ былъ составленъ изъ переселившихся въ Сербію Черногорцевъ, а партизанскій отрядъ изъ добровольцевъ различныхъ національностей. Такъ какъ послѣдній представлялъ не конную, но пѣшую часть, то и его правильнѣе называть баталіономъ. Были-ли на бивуакѣ Голубацкаго баталіона обѣ эти части въ полномъ составѣ, мнѣ неизвѣстно, такъ какъ отъ людей, съ которыми я говорилъ, не было возможности добиться сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній.

Нечего и говорить, что бивуакъ этотъ, разбитый только для одного баталіона, былъ слишкомъ тѣсенъ для трехъ, что, казалось бы, должно было быть извѣстнымъ командирамъ черногорскаго и партизанскаго баталіоновъ, обнаружившихъ такимъ образомъ полное нежеланіе уважать интересы другой части своего же отряда.

Подобное вторженіе «не прошенныхъ гостей» представляло фактъ въ высшей степени прискорбный съ точки зрѣнія воинскаго порядка и дисциплины, поддержаніе которыхъ въ нашихъ войскахъ и безъ того уже было чрезвычайно затруднительно. Нижніе чины всѣхъ трехъ частей перемѣшались, при чемъ, конечно, не слушали приказаній чужихъ начальниковъ, а потому водворился полнѣйшій безпорядокъ. Я разыскивалъ командировъ упомянутыхъ частей, чтобы сообщая съ ними развести баталіоны и возстановить порядокъ, но поиски мои были безуспѣшны. Посланный мною съ донесеніемъ въ отрядный штабъ нижній чинъ вовсе не возвратился; другой же, разыскивавшій командировъ черногорскаго баталіона и партизанскаго отряда, нашелъ одного изъ нихъ и доложилъ ему, что я прошу раздѣлить наши части безотлагательно; но на это ему былъ данъ отвѣтъ, что лучше подождать до утра, когда это раздѣленіе будетъ гораздо легче, чѣмъ ночью.

Такимъ образомъ всѣ мои старанія возстановить порядокъ не привели ни къ какому положительному результату, а потому не оставалось болѣе ничего, какъ ожидать утра, на что я и былъ вынужденъ рѣшиться, какъ это ни было мнѣ прискорбно. Ожиданіе это было для меня въ высшей степени мучительно не только въ нравственномъ, но и въ физическомъ отношеніи, такъ какъ, не говоря уже о крайнемъ утомленіи и голодѣ, мнѣ приходилось переносить сильнѣйшую лихорадку.

Въ теченіи всей этой ночи у непріятеля никакихъ передвиженій замѣчено не было.

8-го октября утромъ я въ числѣ прочихъ командировъ отдѣльныхъ частей получилъ приказаніе прибыть въ отрядный штабъ, куда и отправился пѣшкомъ, такъ какъ начальникъ передовыхъ постовъ, попросившій у меня лошадь, еще не возвратился.

Въ отрядномъ штабѣ происходилъ военный совѣтъ относительно того, что дѣлать далѣе. Когда очередь дошла до меня, я снова

сказалъ, что намъ слѣдовало бы немедленно отступить за Больевацкій ручей на присоединеніе къ остальнымъ частямъ корпуса, при чемъ кромѣ доводовъ, приводимыхъ наканунѣ, я указывалъ еще на невысокое состояніе нравственнаго духа въ нашихъ войскахъ и на беспорядокъ, явившійся слѣдствіемъ вторженія Черногорцевъ и партизановъ на бивакъ Голубацкаго баталіона. Съ мнѣніемъ моимъ не согласился мой бригадный командиръ, который категорически заявилъ, что отступление ни на шагъ невозможно. Только что онъ успѣлъ это сказать, какъ намъ доложили, что весь отрядъ обратился въ бѣгство.

Выйдя тотчасъ же изъ штаба, я увидѣлъ весьма печальную картину: шалаши на бивакахъ горѣли, все же пространство отъ биваковъ до высотъ лѣваго берега Больевацкаго ручья было покрыто бѣжавшими солдатами. Такъ какъ у меня не было лошади, то я былъ вынужденъ двинуться вслѣдъ за бѣжавшею толпою пѣшкомъ и, конечно, шагомъ. Часъ спустя, мнѣ удалось собрать около 80 человѣкъ разныхъ четъ Голубацкаго баталіона, изъ которыхъ я и составилъ сводную чету. Въ это время отступавшая въ порядкѣ горная батарея выѣхала на позицію на террасообразной возвышенности, командовавшей надъ долиною Больевацкаго ручья и открыла огонь къ сторонѣ бывшей позиціи отряда полковника Клиндера. Я сталъ въ прикрытіи къ этой батарее. Непріятеля нигдѣ не было видно, и только турецкая артилерія отвѣчала на огонь нашей батареи.

Осмотрѣвъ мѣстность, я недоумѣвалъ, что могло быть причиною паническаго страха, охватившаго весь нашъ отрядъ; распросивъ же нѣкоторыхъ изъ собранныхъ мною людей, я пришелъ къ заключенію, что или партизаны или Черногорцы сбили съ толку остальныхъ солдатъ нашего отряда. Я не говорю, что они побудили ихъ бѣжать, но, не будучи дисциплинированы, они въ нѣсколько часовъ расшатали то подобіе дисциплины, которое мнѣ удалось водворить въ Голубацкомъ баталіонѣ въ теченіи трехъ недѣль; что же касается другихъ частей нашего отряда, то, по отношенію къ данному случаю, равно какъ и по отношенію ко всей кампаніи вообще, не имѣется никакого основанія предполагать, чтобы онѣ составляли исключенія изъ общаго правила, а потому и къ нимъ можно примѣнить то же самое, что было сказано о

Голубацкомъ баталіонѣ. Въ настоящее время я не считаю возможнымъ отказаться отъ упомянутого выше заключенія, что причиною безпорядка и бѣгства Зубовацкаго отряда было главнымъ образомъ прибытіе на бивуакъ этого отряда частей, непривыкшихъ къ строгой воинской дисциплинѣ и повиновенію начальникамъ и старшимъ вообще. Сверхъ того, не останавливаясь на этомъ заключеніи, считаю долгомъ присовокупить, что отвѣтственность въ данномъ случаѣ должна пасть на штабъ праваго крыла Баньскаго корпуса, проявившій непростительное бездѣйствіе и не потрудившійся указать вновь прибывшимъ частямъ мѣстъ для расположенія ихъ на отдыхъ, что имѣло слѣдствіемъ перемѣшиваніе частей и величайшій безпорядокъ. Этотъ же штабъ, съ начальникомъ отряда во главѣ, отвѣтственъ и за непонятное бездѣйствіе въ то время, когда въ четырехъ верстахъ влѣво, отрядъ полковника Клиндера вѣльнеравную борьбу и наконецъ былъ подавленъ двумя непріятельскими дивизіями, и за то, что войска Зубовацкаго отряда остались безъ хлѣба, не говоря уже о горячей пищѣ, и за то, что отрядъ этотъ, вопреки требованіямъ обстановки, оставался слишкомъ долго на невыгодной позиціи, и вообще за всѣ упущенія, имѣвшія слѣдствіемъ выше изложенныя, въ высшей степени неудачныя, дѣйствія войскъ праваго крыла Баньскаго корпуса ¹⁾.

Бѣгство всего отряда открыло наконецъ глаза нашему штабу. Послѣдовало приказаніе отступать на соединеніе съ отрядомъ полковника Клиндера, но куда именно, указано не было. Отступление

¹⁾ Изъ описанныхъ дѣйствій Зубовацкаго отряда нельзя не вывести заключенія, что начальникъ этого отряда не находился на высотѣ своего назначенія, что происходило вслѣдствіе малаго его знакомства со строевою и полевой службою войскъ, въ особенности же вслѣдствіе его нерѣшительности. Послѣдняя доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что онъ весьма часто спрашивалъ своихъ подчиненныхъ о томъ, что слѣдовало дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ, но не рѣшился исполнить почти ни одного изъ данныхъ ему хорошихъ совѣтовъ на томъ основаніи, что они не были согласны съ инструкціею, полученною изъ корпуснаго штаба. Правда, въ пользу буквального исполненія этой инструкціи высказывался старшій изъ его подчиненныхъ, командиръ Браничевской бригады 1-го класса, но это было все таки ни болѣе ни менѣе, какъ частное мнѣніе нисколько не обязательное для начальника отряда, которому принадлежало безусловное право отдать предпочтеніе мнѣнію даже самаго младшаго изъ подчиненныхъ, если только оно отвѣчало требованіямъ обстановки. Конечно, лучше всего было бы не собирать вовсе военныхъ совѣтовъ и дѣйствовать по своему непосредственному усмотрѣнію.

производилось каждою частью отдѣльно, не соображаясь съ другими частями, какъ бы при условіяхъ мирнаго времени. Это происходило по той причинѣ, что отрядный штабъ не позаботился о приданіи нашему маршу того вида, который въ этомъ случаѣ рекомендуется тактикою и заключается въ обезпеченіи отряда посредствомъ выдѣленія прикрывающихъ частей, высылки патрулей и разъѣздовъ и т. п.

Въ первомъ часу дня отрядъ нашъ былъ остановленъ на привалѣ близъ селенія Здравинѣ, гдѣ были собраны разбѣжавшіеся люди, и во всѣхъ частяхъ былъ восстановленъ порядокъ.

Около 2½ часовъ пополудни, вслѣдствіе полученнаго начальникомъ отряда приказанія изъ корпуснаго штаба, мы двинулись къ сторонѣ Великаго Шелиговаца, близъ котораго съ утра происходилъ бой; часъ спустя, мы пришли на поле сраженія и расположились на правомъ флангѣ укрѣпленной позиціи нашего корпуса, при чемъ горная батарея капитана Кузьманъ-Товаровича заняла укрѣпленіе на высотѣ, командовавшей надъ долиною Дюнишскаго ручья, а Голубацкій баталіонъ сталъ правѣе батареи въ одной линіи четныхъ колоннъ. Куда были направлены прочія части нашего отряда, я не видѣлъ, такъ какъ былъ занятъ своимъ баталіономъ.

Дождавшись наконецъ случая, когда этотъ баталіонъ былъ расположенъ на удовлетворительной позиціи и получилъ оборонительную задачу, я далъ себѣ слово постараться ни въ какомъ случаѣ не допустить самовольнаго отступленія, на что въ оборонительномъ бою еще можно было надѣяться.

Какова была цѣль происходившаго боя, намъ никто не сообщалъ. Приходилось догадываться объ этомъ самому. Турки въ этотъ день ограничились обороною и укрѣпленіемъ занятыхъ 7-го октября позицій. Наши войска частью занимали выше упомянутую укрѣпленную позицію, частью же перешли на правый берегъ Дюнишскаго ручья и произвели частный переходъ въ наступленіе съ цѣлью отбросить Турокъ за Великій Шелиговацъ и снова овладѣть потерянными въ предыдущій день позиціями. Нечего и говорить, что цѣль эта не могла быть достигнута, такъ какъ на сторонѣ непріятеля находились два преимущества: перевѣсъ въ

силахъ и выгодныя мѣстныя условія. Поэтому всѣ усилія нашихъ войскъ были тщетны. Бой окончился съ наступленіемъ темноты, послѣ чего войска, переходившія въ наступленіе, снова отошли за Дьюнишскій ручей, а войска праваго крыла Баньскаго корпуса, въ томъ числѣ и Голубацкій баталіонъ, были отведены на бивуакъ близъ С. Здравинье. Ко времени прихода на бивуакъ удалось, притянувъ обозъ, накормить людей горячею пищею и снабдить ихъ хлѣбомъ на два дня.

9-го октября утромъ въ нашемъ отрядѣ произошелъ весьма печальный случай, имѣвшій не менѣе печальныя послѣдствія. Солдаты партизанскаго отряда захватили бродившую, по его словамъ, въ полѣ свинью и тащили ее на бивакъ. Одинъ изъ офицеровъ отряднаго штаба, увидѣвъ его съ этою добычею, заподозрилъ его въ грабежѣ или въ воровствѣ, что и высказалъ тутъ же, возвысивъ голосъ и подкрѣпивъ выраженіе своего вполне справедливаго негодованія цѣлымъ рядомъ крѣпкихъ ругательствъ. На выручку своему солдату поспѣшилъ начальникъ партизанскаго отряда, который вступилъ въ ожесточенный споръ со штабнымъ офицеромъ. Къ несчастью, споръ этотъ усложнялся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что оба спорившіе плохо понимали другъ друга, такъ какъ начальникъ партизанскаго отряда былъ Русскій, не умѣвшій говорить по-сербски, тогда какъ штабный офицеръ былъ Сербъ, не понимавшій вовсе русскаго языка или по меньшей мѣрѣ понимавшій его въ весьма малой степени.

Очевидно это было недоразумѣніе. Тѣмъ не менѣе оно могло окончиться весьма плачевно. Поэтому, пользуясь тѣмъ, что я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Сербомъ и считая себя въ правѣ дать Русскому товарищескій совѣтъ, я поспѣшилъ развести ихъ, и, прекративъ такимъ образомъ этотъ нелѣпый споръ, уже надѣялся, что мнѣ удалось устранить возникшее недоразумѣніе окончательно. Однако надежда моя не оправдалась. Штабный офицеръ пожаловался начальнику отряда, который принялъ его сторону и объявилъ строгій выговоръ командиру партизанскаго баталіона; послѣдній же въ свою очередь разказалъ объ этомъ собравшимся у костра близъ штаба русскимъ офицерамъ всего отряда, которые стали на его сторону и единогласно порицали его противника и начальника

отряда. Когда я къ нимъ подошелъ, одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ вопросъ, кого изъ двухъ спорившихъ я нахожу правымъ, на что я отвѣтилъ, что по моему мнѣнію оба болѣе или менѣе виноваты, что лучше всего ихъ помирить, и что на будущее время слѣдуетъ избѣгать подобныхъ столкновеній, не забывая, что хотя мы и находимся среди дружески къ намъ расположенныхъ нашихъ соплеменниковъ, но въ то же время необходимо имѣть въ виду, что, мало насъ зная, они могутъ дурно понять и истолковать нашу излишнюю щепетильность. Однако товарищи мои не согласились со мною, командиръ же партизанскаго баталіона категорически объявилъ, что, получивъ незаслуженный выговоръ, онъ ни за что не помирится со своимъ противникомъ.

Всѣ мои старанія успокоить ихъ всѣхъ были безуспѣшны.

Между тѣмъ разнесся слухъ, что начальникъ нашего отряда полковникъ Журавлевъ вслѣдствіе болѣзни уѣзжаетъ совсѣмъ изъ арміи и передаетъ командованіе, въ виду отсутствія командира Браничевской бригады, ¹⁾ тому самому сербскому офицеру, который только что поссорился съ командиромъ партизанскаго баталіона. Всѣ офицеры начали громогласно протестовать противъ подобнаго назначенія, чего не могъ не слышать находившійся по близости начальникъ отряда. Я предполагалъ, что, не взирая на свою болѣзнь, онъ потребуетъ къ себѣ всѣхъ протестовавшихъ офицеровъ и дастъ имъ должное наставленіе. Между тѣмъ онъ потребовалъ къ себѣ только меня и спросилъ, что означалъ услышанный имъ шумъ; узнавъ же, въ чемъ дѣло, онъ поручилъ мнѣ объявить офицерамъ, что, оставляя отрядъ по болѣзни, онъ дѣйствительно передаетъ командованіе тому именно лицу, противъ котораго высказались почти всѣ офицеры нашего отряда. Сверхъ того мнѣ было приказано убѣдить моихъ товарищей въ необходимости повиноваться предполагаемому нашему начальнику, на что я доложилъ, что не ручаюсь за успѣхъ возлагаемаго на меня порученія и что отвѣчаю только за офицеровъ Голубацкаго баталіона.

¹⁾ Командиръ Браничевской бригады находился въ отсутствіи съ утра 8-го октября. Въ этотъ же день разнесся слухъ, что онъ остался на Зубовацкой позиціи и былъ взятъ въ плѣнъ Турками; утромъ же 9-го октября начали говорить, что онъ заболѣлъ и уѣхалъ въ Крушевацъ.

Когда я объявилъ товарищамъ все то, что приказалъ сообщить имъ начальникъ отряда, снова поднялся шумъ: всѣ единогласно заявили, что они ни за что не подчинятся тому лицу, которое хочетъ имъ «навязать» полковникъ Журавлевъ. Въ это время кто-то предложилъ, чтобы командованіе было поручено мнѣ. Моментально всѣ присутствовавшіе подхватили это предложеніе и просили меня доложить объ этомъ начальнику отряда. Я счелъ долгомъ объяснить имъ, что если бы я былъ на мѣстѣ полковника Журавлева, то ни въ какомъ случаѣ не исполнилъ бы столь странной просьбы, и что истинно преданные своему долгу военные люди не должны и помышлять объ избраніи себѣ начальниками такихъ лицъ, которыя въ данную минуту кажутся имъ подходящими, но что напротивъ того каждый изъ насъ обязанъ повиноваться безпрекословно тѣмъ начальникамъ, которые назначаются свѣше, независимо отъ того, пользуются-ли они симпатією съ нашей стороны или нѣтъ. Вполнѣ соглашаясь съ моими объясненіями и обѣщая на будущее время доказать это согласіе на дѣлѣ, упомянутые офицеры все таки доказывали, что данный случай представлялъ исключеніе изъ общаго правила, и вторично просили меня доложить о томъ же начальнику отряда, что я и исполнилъ.

Полковникъ Журавлевъ, внимательно выслушавъ мой докладъ, хотѣлъ было уже исполнить желаніе своихъ подчиненныхъ, но я просилъ его не дѣлать этого, дабы не давать имъ возможности думать, что имъ позволяется протестовать противъ получаемыхъ свѣше приказаній, а еще менѣе того давать указанія своему начальству. Начальникъ отряда призналъ мое мнѣніе правильнымъ и по моему же совѣту рѣшился поручить командованіе отрядомъ старшему по себѣ кавалерійскому капитану 1-го класса Небольсину, что и было приведено въ исполненіе и не встрѣтило серьезныхъ возраженій. Нашлись нѣкоторые беспокойныя головы, которыя хотѣли настаивать на томъ, чтобы начальникъ отряда исполнилъ выраженное всѣми офицерами желаніе, но я уговорилъ ихъ успокоиться, чего достигъ, указавъ на то, что не подобаетъ младшему вступать въ командованіе отрядомъ помимо старшаго.

Итакъ все окончилось благополучно. Начальникъ отряда и вышеупомянутый сербскій офицеръ уѣхали, послѣ чего капитанъ Не-

большинъ вступилъ въ исполненіе новыхъ своихъ обязанностей. Такъ какъ въ отрядномъ штабѣ остался только одинъ молодой офицеръ, которому къ тому же приходилось завѣдывать хозяйственною частью какъ этого штаба, такъ и бригаднаго управления, то новый начальникъ отряда предложилъ мнѣ исполнять обязанности начальника отряднаго штаба, на что я и вынужденъ былъ согласиться. Временное командованіе Голубацкимъ баталіономъ было поручено подпоручику Гамулецкому.

Между тѣмъ командиръ корпуса, сообщивъ о томъ, что въ этотъ день предполагалось вновь атаковать Турокъ, занявшихъ позиціи центра и лѣваго крыла нашего корпуса, приказалъ намъ попытаться овладѣть снова бывшею нашею позиціею у Зубоваца съ тѣмъ, чтобы къ вечеру отойти опять къ С. Здравинѣ, если не будетъ получено никакихъ новыхъ приказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ было объяснено, что предписываемое намъ движеніе не должно имѣть иного характера кромѣ демонстративнаго.

Наступленіе наше было произведено по тому же самому пути, по которому мы отступали съ Зубовацкой позиціи. Такъ какъ во всѣхъ баталіонахъ нѣкоторые четы были сильно разстроены, то въ авангардъ пришлось назначить сводный баталіонъ подъ начальствомъ подпоручика Гамулецкаго; въ составѣ этого своднаго баталіона находились 3-я и 4-я четы Голубацкаго баталіона; наименованій же остальныхъ четъ, а равно и баталіоновъ, отъ которыхъ онѣ были отдѣлены, припомнить въ настоящее время не могу. Авангардъ выступилъ около 11-ти часовъ утра и направился по дорогѣ въ Зубовацъ. Туда же были направлены боковые отряды: лѣвый по долину Болѣвацкаго ручья, а правый по горнымъ тропинкамъ черезъ деревню Рибаре. Главныя силы, имѣя артиллерію между четами Колубарскаго баталіона, выступили по пути, указанному для авангарда, нѣсколько позже 11¼ часовъ пополудни.

Въ виду неимѣнія кавалеріи вмѣсто развѣздовъ посылались патрули.

Я ѣхалъ въ головѣ колонны главныхъ силъ, начальникъ же отряда остался позади, чтобы пропустить всю колонну и лично повѣрить, поддерживался-ли во всѣхъ частяхъ надлежащій порядокъ. Во время движенія слѣдовавшія въ головѣ колонны 1-я и 2-я четы

Голубацкаго баталіона двигались, какъ всегда, полнымъ шагомъ, а потому отдѣлились отъ колонны на довольно значительное разстояніе. Я замѣтилъ это въ то время, когда упомянутыя четы перешли черезъ притокъ Больевацкаго ручья и начали подниматься на террасообразные скаты высотъ лѣваго берега этого ручья. Однако думать объ исправленіи этого разрыва было поздно, такъ какъ впереди въ это же самое время была слышна сильнѣйшая перестрѣлка. Поскакавъ впередъ, я получилъ свѣдѣніе о томъ, что авангардъ, подходя къ нашимъ прежнимъ позиціямъ, наткнулся на непріятельскую кавалерію и, уклонившись отъ ея атаки, поспѣшно отступаетъ. Въ виду этого я тотчасъ же развернулъ 1-ю и 2-ю Голубацкія четы и приказалъ имъ, принявъ на себя авангардъ, встрѣтить непріятеля огнемъ, что и было исполнено. Оказалось, что авангарду угрожали атакою до 400 Черкесовъ, наступавшихъ въ двѣ линіи. Опредѣленіе это основывается на полученныхъ мною донесеніяхъ; видѣть же ихъ всѣхъ непосредственно я не могъ вслѣдствіе лѣсистаго характера и вообще пересѣченности мѣстности. Тѣ Черкесы, которыхъ пришлось видѣть мнѣ самому, наступали въ разсыпномъ строѣ. Какъ бы тамъ ни было, огнемъ 1-й и 2-й Голубацкихъ четъ удалось отразить непріятеля, который не обнаружилъ особенной храбрости и не замедлилъ повернуть назадъ. Въ то же время авангардъ былъ остановленъ, приведенъ въ порядокъ и расположенъ правѣ столь своевременно поддержавшаго его подкрѣпленія.

Такъ какъ начальникъ отряда еще не прибылъ на мѣсто боя, то я приказалъ всѣмъ шести четамъ перейти въ наступленіе, о чемъ послалъ донесеніе.

Двинуть съ мѣста нашу цѣпь было весьма трудно. Тѣмъ не менѣе удалось понудить ее къ наступленію, въ чемъ, кромѣ офицеровъ Голубацкаго баталіона, мнѣ оказалъ большую помощь поручикъ Коноваловъ, служившій въ это время въ партизанскомъ отрядѣ, а до отправленія въ Сербію состоявшій на службѣ въ одной со мною дивизіи, въ Кексгольмскомъ гренадерскомъ Императора Австрійскаго полку.

Такъ какъ приходилось пробираться черезъ довольно густой лѣсъ, то я былъ вынужденъ спѣшиться, послѣ чего повелъ цѣпь по кратчайшему направленію на деревню Зубовацъ.

Выйдя на противоположную опушку лѣса, я увидѣлъ, что прежняя наша позиція никѣмъ не занята, что было для насъ весьма благопріятно. Однако, осмотрѣвшись кругомъ, я замѣтилъ, что въ распоряженіи моемъ находилось только около 30 солдатъ при офицерахъ. Положимъ, намъ не только не угрожала никакая опасность, но даже мы не имѣли передъ собою непріятеля, такъ какъ Черкесы отступили далеко и совершенно исчезли за высотами, на которыхъ прежде располагалась наша сторожевая цѣпь. Только непріятельская артиллерія, находившаяся на бывшей позиціи центра нашего корпуса, открыла огонь черезъ нѣсколько минутъ послѣ выхода нашего на открытое пространство: при этомъ снаряды падали весьма близко отъ насъ, но не разрывались и не приносили намъ никакого вреда.

Тѣмъ не менѣе я пришелъ къ заключенію, что дальнѣйшее наступленіе столь слабыхъ остатковъ нашего авангарда было бы бесполезно, а потому приказалъ отступать. Втянувшись снова въ лѣсъ, мы услышали сигналъ «отступление», который очевидно подавался по приказанію начальника отряда, желавшаго почему-нибудь поскорѣе собрать всѣ свои силы. Догадка эта оказалась совершенно вѣрною. Около 3¼ часовъ пополудни мы присоединились къ главнымъ силамъ, расположившимся на привалѣ близъ притока Болевацкаго ручья. Начальникъ отряда, выслушавъ мой докладъ, призналъ мои дѣйствія правильными, замѣтивъ лишь только, что мнѣ слѣдовало ранѣе отступить, а затѣмъ объявилъ, что намъ приказано снова двигаться назадъ и присоединиться къ центру нашего корпуса. Около получаса было употреблено на сборъ участвовавшихъ въ бою частей, а затѣмъ отрядъ нашъ совершилъ обратное движеніе.

Въ этотъ день не произошло ничего такого, что сколько-нибудь измѣнило бы положеніе обѣихъ сторонъ. Турки, какъ и въ предъидущій день, ограничились обороною занятыхъ ими позицій: съ нашей же стороны, хотя и производилось частное наступленіе, но не было одержано никакого успѣха.

Къ вечеру бой былъ прекращенъ, послѣ чего войска расположились на отдыхъ. Нашъ отрядъ по прежнему бивакировалъ близъ деревни Здравинье.

Между тѣмъ погода не только не улучшалась, но даже напротивъ становилась все хуже и хуже. Дождь шелъ почти безпрестанно. При подобной обстановкѣ болѣзненность въ отрядѣ чрезвычайно усилилась. Я самъ никакъ не могъ поправиться; лихорадка, которую я схватилъ 7-го октября, обострялась; кромѣ того къ ней прибавилась диссентерія. Къ моему несчастью, у насъ въ отрядѣ не было въ это время ни одного доктора. Кое-какъ я еще крѣпился, но чувствовалъ, что уже скоро не хватитъ силъ дотянуть до конца кампаніи.

Въ ночь съ 9-го на 10-е октября состоявшая въ нашемъ отрядѣ горная батарея удалилась съ нашего бивака по приказанію какого-то маіора Х—ча, прибывшаго изъ корпуснаго штаба. У насъ распространился слухъ, что командовавшій этою батареею сербскій офицеръ не хотѣлъ быть подъ начальствомъ Русскаго и, воспользовавшись прїѣздомъ упомянутаго маіора, упросилъ его взять съ собою батарею, какъ-бы во исполненіе полученнаго свыше приказанія ¹⁾. Бесѣдуя по поводу этого случая съ офицерами нашего отряда, я высказалъ имъ мое мнѣніе, сводившееся къ тому, что если упомянутый слухъ вѣренъ, то въ этомъ виноваты отчасти мы, русскіе офицеры, отнесшіеся чуть ли не враждебно къ предполагаемому назначенію начальникомъ отряда того сербскаго офицера, который поссорился съ командиромъ партизанскаго баталіона. Такъ какъ никто не возражалъ, то можно было думать, что товарищи мои признавали справедливость моего мнѣнія.

¹⁾ Случай этотъ былъ крайне непріятенъ для насъ всѣхъ, такъ какъ мы могли думать, что сербскіе офицеры относятся къ намъ не вполне дружелюбно. Мы старались уяснить себѣ причину подобной веосновательной недружелюбности. Оказалось, что командиръ горной батареи въ послѣднее время неоднократно высказывалъ опасенія по поводу слишкомъ рѣшительнаго характера русскихъ офицеровъ. Приводили даже его подлинныя слова: «Дѣйствовать вмѣстѣ съ Русскими крайне опасно; это какіе-то отчаянные люди, которые нисколько не дорожатъ ни своею, ни чужою жизнью; они думаютъ только о наступленіи, а отступленія не допускаютъ вовсе; съ ними навѣрное пропадешь». На сколько вѣрны всѣ упомянутые слухи, судить не берусь. Предоставляю это очевидцамъ.

Утромъ 10-го октября отряду нашему было приказано присоединиться къ отряду полковника Клиндера близъ деревень Сушица и Позлата.

Къ тому времени я захворалъ до такой степени, что уже не могъ болѣе исполнять моихъ служебныхъ обязанностей, а потому начальникъ отряда разрѣшилъ мнѣ отправиться въ г. Крушевацъ и поступить тамъ въ госпиталь. Однако въ этотъ день мнѣ пришлось еще слѣдовать вмѣстѣ съ отрядомъ въ виду недостатка перевозочныхъ средствъ.

Во время движенія присланный изъ корпуснаго штаба для указанія пути слѣдованія и передачи приказаній генеральнаго штаба капитанъ Вучковичъ поссорился съ начальникомъ нашего отряда. По мнѣнію всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ офицеровъ зачинщикомъ ссоры былъ Вучковичъ, позволившій себѣ произнести въ высшей степени рѣзкія и грубыя выраженія, повтореніе коихъ было бы неудобно. Конечно, это сильно возмутило всѣхъ офицеровъ отряда, причемъ возникъ вопросъ о подачѣ жалобы командіру корпуса.

Отрядъ нашъ пришелъ на назначенное мѣсто только къ вечеру, послѣ чего расположился бивакомъ во второй линіи за правымъ флангомъ корпуса. По приходѣ на бивакъ я получилъ отъ начальника отряда «*объяву*» для безпрепятственнаго слѣдованія въ Крушевацъ и поступленія въ госпиталь.

Я предполагалъ отправиться въ путь на другой день утромъ, но принужденъ былъ остаться еще на сутки вслѣдствіе неимѣнія подводъ и въ виду просьбъ товарищей, убѣждавшихъ меня отложить выѣздъ впредь до разрѣшенія вопроса о жалобѣ на Вучковича. Солдаты Голубацкаго баталіона помогли мнѣ перебраться въ какую-то избу, находившуюся въ полуверстѣ отъ бивака и покинутую хозяевами; въ этой избѣ собралось около 20 человѣкъ русскихъ добровольцевъ разныхъ чиновъ и званій. Предполагалось подать коллективное прошеніе на имя командира корпуса съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и съ ходатайствомъ о наложеніи на Вучковича такого взысканія, которое удовлетворило бы какъ начальника нашего отряда, такъ и всѣхъ офицеровъ, чувствовавшихъ себя одинаково оскорбленными. Я старался отговорить товарищей

отъ подачи подобнаго прошенія, объясняя имъ, что это несогласно съ порядками, установившимися въ военномъ быту, и что совершенно достаточно, чтобы начальникъ отряда, какъ старшій въ чинѣ и оскорбленный, подалъ рапортъ по командѣ. Однако всѣ мои старанія и увѣщанія были напрасны. Прошеніе было написано и подписано всѣми присутствовавшими, начиная съ начальника отряда и далѣе по порядку, причемъ было оставлено мѣсто для моей подписи. Я не хотѣлъ подписывать, говоря, что это противно моимъ убѣжденіямъ; товарищи же всячески убѣждали меня подписать, говоря, что въ противномъ случаѣ начальство подумаетъ, что я считаю Вучковича правымъ, а ихъ всѣхъ виновными.

Изнемогая отъ болѣзни и не будучи въ силахъ спорить, я подписалъ наконецъ это крайне не симпатичное мнѣ прошеніе, но предварительно взялъ слово съ тѣхъ, которые его составляли, что въ немъ не заключалось ничего противнаго долгу службы, и что сущность его сводилась лишь къ констатированію факта оскорбленія, нанесеннаго начальнику отряда капитаномъ Вучковичемъ, съ предоставленіемъ рѣшенія этого дѣла на усмотрѣніе начальства. Содержаніе этого прошенія неизвѣстно мнѣ и въ настоящее время, такъ какъ тогда я не былъ въ состояніи его прочитать, а позже мнѣ не приходилось встрѣчать никого, кто помнилъ бы его наизусть. Во всякомъ случаѣ я признаю безусловно неправыми всѣхъ подписавшихъ прошеніе, въ томъ числѣ и самого себя, за что и буду упрекать себя до конца моей жизни.

Вечеромъ того же дня ко мнѣ явилось нѣсколько человѣкъ, присланныхъ отъ имени всего баталіона съ просьбою оставаться ихъ командиромъ, а въ случаѣ, если бы болѣзнь моя требовала серьезнаго леченія, то по крайней мѣрѣ убѣдить прочихъ офицеровъ не покидать баталіона, который, по словамъ этихъ депутатовъ, до такой степени привыкъ быть подъ нашимъ начальствомъ, что безъ насъ «*растурился*», т. е. разсѣется или разбѣжится совершенно ¹⁾. Оказалось, что офицеры Голубацкаго баталіона, равно какъ и всѣ подписавшіе выше упомянутое прошеніе, рѣшились оставить свои

¹⁾ Они передали мнѣ письменное изложеніе своей просьбы, написанное народнымъ командиромъ. Оно и теперь хранится у меня.

части и отправиться въ главную квартиру, въ Делиградъ, чего я до сихъ поръ не зналъ. Я пытался было убѣдить ихъ остаться на мѣстахъ, но безуспѣшно, такъ, какъ они категорически заявили, что не могутъ исполнять своихъ служебныхъ обязанностей до тѣхъ поръ, пока не будетъ наказанъ Вучковичъ, о чемъ они намѣрены просить самаго главнокомандующаго. Тогда только я уразумѣлъ значеніе подачи прошенія, но уже было поздно. Не оставалось болѣе ничего, какъ упрекнуть товарищей за то, что они не объяснили мнѣ всего этого своевременно, такъ какъ въ такомъ случаѣ я ни за что не подписалъ бы прошенія. На это я получилъ отвѣтъ, что рѣшеніе отправиться въ Делиградъ было принято уже послѣ того, какъ прошеніе было подписано, и что никто и не думалъ скрывать его отъ меня, произошло же это случайно, такъ какъ я, будучи больнымъ, лежалъ въ углу и не слышалъ всего того, что говорилось въ другой комнатѣ ¹⁾. Принимая во вниманіе, что дальнѣйшіе разговоры были бы бесполезны, я приказалъ передать народному командиру, чтобы онъ вступилъ въ командованіе баталіономъ и обратился за приказаніями въ отрядный штабъ. Затѣмъ, попрощавшись съ представителями баталіона, я поручилъ имъ передать всѣмъ людямъ прощальный привѣтъ и увѣщаніе быть стойкими въ предстоявшихъ имъ оборонительныхъ дѣйствіяхъ, что для нихъ гораздо легче, чѣмъ въ наступательныхъ; при этомъ я обѣщаль, что возвращусь къ баталіону, какъ только поправится мое здоровье.

Считаю долгомъ заявить, какъ это ни покажется страннымъ, что я съ сожалѣніемъ разставался съ баталіономъ. Съ одной стороны я хотѣлъ дотянуть до конца кампаніи, оставаясь въ строю; съ другой же стороны я пришелъ къ заключенію, что хотя мои бывшіе подчиненные дѣйствовали въ бою весьма неудовлетворительно,

¹⁾ Я счелъ необходимымъ изложить подробно исторію подачи прошенія, такъ какъ вскорѣ послѣ окончанія войны, зимою 1876 года, въ одной изъ нашихъ газетъ происшествіе это было описано неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ не вполне вѣрно, что произошло потому, что авторъ упомянутой статьи не видѣлъ и не слышалъ лично того, что описывалъ, а между тѣмъ сообщенныя ему свѣдѣнія грѣшили противъ истины. Такимъ же образомъ не вполне вѣрно были описаны и многіе другіе факты, напримѣръ ссора командира партизанскаго баталіона съ офицеромъ штаба праваго крыла Ваньскаго корпуса и т. д.

но это происходило не по ихъ винѣ. Не будучи надлежащимъ образомъ обучены и не получивъ сколько нибудь сносной военной подготовки, они выступили въ походъ безъ офицеровъ, причемъ имъ пришлось на первыхъ же порахъ наступать и стратегически и тактически, что не всегда бываетъ подъ силу и болѣе благоустроеннымъ арміямъ. Вступая въ первые бои, они не видѣли хорошихъ примѣровъ, которые бы приучили ихъ къ стойкости, къ дисциплинѣ огня и вообще къ сохраненію строгаго порядка подъ какимъ бы то ни было огнемъ противника. Не удивительно поэтому, что они были въ высшей степени склонны къ поспѣшному отступленію и даже къ бѣгству. Когда мы явились къ нимъ, было уже поздно. Разъ усвоенныя привычки не могли быть скоро брошены, не взирая на всѣ наши усилія, тѣмъ болѣе что подобному перевоспитанію сербскихъ войскъ много препятствовали другія, не зависѣвшія отъ насъ, обстоятельства, а именно: въ высшей степени нецѣлесообразная разброска силъ въ связи съ занятіемъ позицій, которыя были несоразмѣрны ни съ силою, ни съ составомъ отряда, столь же нецѣлесообразныя наступательныя дѣйствія, производившіяся вопреки требованіямъ обстановки, непростительный безпорядокъ въ организаціи командной части и т. п. Въ виду всего этого я глубоко сожалѣлъ и сожалѣю о томъ, что намъ, русскимъ офицерамъ, вообще и мнѣ лично въ особенности не пришлось вступить въ командованіе нашими частями заблаговременно передъ войною, такъ какъ я твердо убѣжденъ, что въ такомъ случаѣ сербскій солдатъ, представляющій изъ себя отличный матеріалъ для обработки, могъ бы быть сдѣланъ страшнымъ для какого бы то ни было врага, если бы только мы имѣли возможность пропустить его черезъ хорошую школу и дать ему вполне серьезное военное воспитаніе и обученіе.

12-го октября подписавшіе прошеніе офицеры и добровольцы отправились въ Делиградъ, я же съ большими затрудненіями перѣбрался въ Крушевацъ, гдѣ, благодаря хорошему доктору, началъ быстро поправляться. Однако, прежде чѣмъ я успѣлъ выздоровѣть, кампанія окончилась, вслѣдствіе чего мнѣ пришлось отправляться не на позицію къ своему баталіону, но для продолженія леченія въ городъ Крагуевацъ.

ГЛАВА XI.

Описанный въ предъидущей главѣ переходъ Турокъ въ наступленіе, быть можетъ, и не былъ бы продолжаемъ съ достаточною энергіею, еслибы онъ по времени не совпалъ съ усиленнымъ воздѣйствіемъ европейской дипломатіи на турецкое правительство.

Возвратившійся изъ Россіи въ Константинополь, нашъ посолъ генераль-адъютантъ Игнатьевъ въ это время настойчиво требовалъ заключенія перемирія съ Сербіею и Черногоріею, причемъ требованіе это поддерживалось послами остальныхъ великихъ державъ. Хотя Порта и отличалась умѣньемъ уклоняться отъ прямыхъ отвѣтовъ на предъявляемые ей вопросы и требованія, но вести долго подобную игру не было возможности, а потому Турціи приходилось согласиться на перемиріе. Тѣмъ не менѣе, желая получить возможно болѣе шансовъ на заключеніе выгоднаго мира, Порта предписала Абдуль-Кериму-пашѣ обратиться къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и постараться разгромить сербскую армію до начала перемирія. Поэтому сердаръ-экремъ дѣйствовалъ рѣшительно, конечно, на сколько это было возможно для турецкаго генерала.

11 (23) октября Турки перешли отчасти на лѣвый берегъ Дьюнишскаго ручья и утвердились на высотахъ между Сушицею и Црквиною, при чемъ получили возможность обстрѣливать продолжнымъ огнемъ нижнее теченіе упомянутаго ручья. Однако, одержавъ этотъ частный успѣхъ, они не постарались развить его еще болѣе съ цѣлью довершить въ этотъ же день пораженіе Сербовъ, что было вполне возможно.

12 (24), 13 (25) и 14 (26) октября Турки бездѣйствовали, что, по всему вѣроятію, продолжалось бы еще долѣе, если бы изъ Константинополя не были получены новыя подтвержденія о безотлагательномъ и рѣшительномъ наступленіи.

15 (27) и 16 (28) Абдуль-Керимъ-паша хотѣлъ было наступать, но не могъ этого сдѣлать по причинѣ сильнѣйшаго дождя.

Наконецъ 17 (29) октября онъ рѣшился во чтобы то ни стало нанести противнику рѣшительный ударъ, что имѣло слѣдствіемъ „сраженіе при Дьюнишъ и Трубаревъ“, закончившее описываемую кампанію.

Къ этому времени сербская армія была расположена слѣдующимъ образомъ: 1) правое крыло подъ начальствомъ полковника Хорватовича, прикрывавшее путь отступленія на Крушевацъ, находилось на линіи Гаглова-Пасьякъ, выдвинувъ передовые посты къ Малому Шелиговацу и Дьюнишу и входя въ связь съ центромъ арміи черезъ Іозье и Панковацъ; 2) центр подъ начальствомъ полковника Межанинова, прикрывавшій мосты черезъ Мораву у Трубарева, ¹⁾ т. е. путь отступленія на Делиградъ и Ражанъ, занималъ передовыми частями окопы отъ участка шоссе Гаглова-Дьюнишъ черезъ Каоникъ до Дольняго Любеса на Моравѣ, а главною массою своихъ силъ два сильно укрѣпленные пункта, командующія высоты близъ Панковаца и между Дьюнишемъ и монастыремъ Св. Нестора; 3) лѣвое крыло по прежнему было расположено вдоль по правому берегу Моравы до Глаговицы близъ Алексинаца; 4) наконецъ общій резервъ все таки находился у Делиграда, Якубоваца и Прасковаца, т. е. на правомъ берегу Моравы, но впрочемъ въ готовности двинуться на лѣвый ея берегъ по первому востребованію.

Протяженіе фронта этого расположенія доходило до 16 верстъ, т. е. по прежнему оставалось въ высшей степени растянутымъ. Даже еслибы генераль Черняевъ и располагалъ, какъ говоритъ Рюстовъ, болѣе чѣмъ 45,000 человѣкъ, то и въ этомъ случаѣ сколько-нибудь прочное занятіе столь несоразмѣрно длинной позиціи было бы невозможно. А между тѣмъ численность сербской арміи было значительно менѣе выше указанной и не превышала 35,000—40,000 человѣкъ. О томъ, что позиція Сербовъ была раздѣлена рѣкою на двѣ части, было уже сказано выше. Кромѣ этого естественнаго разрыва былъ уже почти готовъ искусственный разрывъ въ пунктѣ соединенія праваго крыла съ центромъ арміи. Короче говоря, хуже подобнаго расположенія трудно и придумать. Неужели этого не сознавала главная квартира сербской арміи? Вотъ вопросъ,

¹⁾ У Трубарева, кромѣ постоянного каменнаго, были устроены два временные моста. Всѣ эти мосты прикрывались непосредственно тѣтъ-де-пономъ на лѣвомъ берегу Моравы и кромѣ того могли быть обстрѣливаемы съ батарей, расположенныхъ на правомъ берегу той же рѣки.

на который желательно было бы получить отвѣтъ отъ лицъ, стоявшихъ у дѣла?

Обращаясь къ Туркамъ, слѣдуетъ вспомнить, что къ концу кампаніи на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій они располагали по меньшей мѣрѣ двойными силами въ сравненіи съ Сербамъ, но, вслѣдствіе оставшихся до силъ поръ неизвѣстными соображеній турецкой главной квартиры, у Ниша и вообще назади держалось гораздо болѣе войскъ, чѣмъ слѣдовало. Къ полю предстоявшаго рѣшительнаго сраженія были притянуты только дивизія Ягіягъ-паши и часть иррегулярной конницы; послѣдняя была такимъ образомъ доведена до 6,000 коней. Вообще въ распоряженіи турецкаго главнокомандующаго для нанесенія рѣшительнаго удара находилось не менѣе 60,000 человѣкъ при 102 полевыхъ орудіяхъ, т. е. силы вполне достаточныя для одержанія успѣха даже при менѣе благопріятныхъ условіяхъ; при томъ же невыгодномъ положеніи, въ какое были поставлены Сербъ къ началу сраженія, предстоявшее столкновение обращалось какъ бы въ маневръ турецкой арміи не противъ дѣйствительнаго, но противъ обозначеннаго противника, который нигдѣ не могъ оказать серьезнаго сопротивленія и которому не оставалось болѣе ничего, какъ отступать всякій разъ, какъ только Турки переходили въ наступленіе. Въ этотъ день со стороны сербской главной квартиры уже не могло быть предпринято ничего такого, что могло бы сколько-нибудь измѣнить ходъ сраженія; рѣшеніе же вопроса объ окончаніи этого кровопролитнаго маневра находилось въ зависимости только отъ турецкаго главнокомандующаго, смотря по тому, когда наконецъ онъ начнетъ наступленіе. Искѣ говоря, пораженіе Сербовъ было неминуемо.

Къ утру 17 (29) октября турецкая армія развернулась слѣдующимъ образомъ: 1) дивизія *Фазли-паши*, какъ и прежде, вдоль по лѣвому берегу Моравы противъ лѣваго крыла сербской арміи; 2) дивизіи *Сулеймана* и *Гафиза* пашей отъ Горняго Любеса и Кормана на Моравѣ до Дьюнишскаго ручья сѣвернѣ Великаго Шелиговаца, т. е. противъ центра Сербовъ; 3) дивизія *Азиза-паши* на лѣвомъ берегу Дьюнишскаго ручья у Сушицы противъ праваго крыла сербской арміи; 4) дивизіи *Адиля* и *Ягіягъ* пашей въ общемъ резервѣ у Великаго Шелиговаца; 5) Черкесы и баши-бузуки на

флангахъ арміи. Расположеніе это имѣло цѣлью захватъ стратегическаго ключа позиціи противника и разобщеніе частей его арміи. Съ этой точки зрѣнія оно должно быть признано вполне цѣлесообразнымъ.

Около 8 часовъ утра вся турецкая артиллерія открыла усиленный огонь, направляя его главнымъ образомъ на линію Панковацъ—монастырь Св. Нестора; сербская же артиллерія, захваченная въ рас-
 плохъ, начала дѣйствовать только полчаса спустя.

Артиллерійскій бой и вообще подготовка атаки продолжались до перваго часа пополудни. Турки прежде всего заняли Дольній Любесъ и отбросили Сербовъ къ Витковацу, но затѣмъ были задержаны огнемъ Трубаревскихъ батарей. Въ то же время генераль Черняевъ двинулъ на позицію центра свой общій резервъ, который, будучи введенъ въ дѣло, опрокинулъ Турокъ къ Горному Любесу. Между тѣмъ на лѣвомъ флангѣ Турокъ дивизія Азиза-паши, подкрѣпленная дивизіею Ягіягъ-паши, отбросила передовыя части праваго крыла Сербовъ къ Малому Шелиговацу и Пасьяку, послѣ чего полковникъ Хорватовичъ отвелъ свой корпусъ нѣсколько назадъ и, будучи отрѣзанъ отъ центра арміи, ограничился обороною высотъ южнѣ Гагловой и Новаго Села и прикрытіемъ Крушевацкаго шоссе.

Около 12 часовъ дня дивизіи Сулеймана и Гафиза пашей начали наступленіе и, два часа спустя, овладѣли передовою позиціею сербскаго центра отъ Дольняго Любеса до Каоника, послѣ чего настала временный перерывъ боя вслѣдствіе того, что турецкая пѣхота оправлялась и отдыхала послѣ атаки, а артиллерія не могла дѣйствовать, такъ какъ опасалась поражать свою же пѣхоту, подошедшую къ противнику на весьма близкое разстояніе.

Между тѣмъ генераль Черняевъ не терялъ еще надежды на удержаніе за собою позиціи центра, чего и предполагалъ достигнуть, ставъ во главѣ войскъ, оборонявшихъ эту позицію.

Но ни личная храбрость главнокомандующаго, ни беззавѣтное мужество русскихъ добровольческихъ баталіоновъ не могли сдѣлать невозможнаго и оказались безсильными. Гораздо благоразумнѣе было бы начать въ это же время отступленіе, чтобы сберечь по возможности армію, но отступленіе крайне не симпатично русскому

сердцу, а потому рѣшено было отстаивать упомянутую позицію до послѣдней крайности.

Между тѣмъ турецкая артиллерія заняла новыя позиціи, только что отнятыя ея пѣхотою у Сербовъ, и снова открыла огонь, продолжая подготовку атаки. Кромѣ артиллеріи въ сильнѣйшемъ обстрѣливании противника приняла участіе пѣхота дивизій Азиза, Сулеймана и Гафиза пашей. Сербскія войска оказались не въ силахъ оставаться на позиціи при столь сильномъ огнѣ, вслѣдствіе чего, около 4-хъ часовъ пополудни, когда укрѣпленіе близъ монастыря Св. Нестора было обойдено Турками съ тыла, отступление было начато безъ приказанія: артиллерія начала сниматься съ своихъ позицій поспѣшно и большею частью въ безпорядкѣ, пѣхота же бросилась къ мостамъ у Трубарева, такъ что остановить ее не было возможности.

Послѣ этаго малочисленнымъ русскимъ добровольческимъ частямъ не оставалось болѣе ничего, какъ прикрывать отступление Сербовъ, что и было ими исполнено съ успѣхомъ, но цѣною весьма большихъ потерь ранеными и убитыми и особенно умерщвленными.

Около 5 часовъ пополудни Турки овладѣли высотами у монастыря Св. Нестора и близъ Панковаца и перевели туда же часть своей артиллеріи, которая открыла огонь по Трубаревскимъ мостамъ. Положеніе сербской арміи сдѣлалось критическимъ: Баньскій корпусъ былъ отрѣзанъ отъ остальныхъ частей арміи; стратегическій и тактическіе ключи позиціи Сербовъ находились въ рукахъ непріятеля; отступление совершалось при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ; наконецъ почти во всей арміи распространилась паника. Полнѣйшій разгромъ и уничтоженіе сербскихъ войскъ были бы неминуемы, если бы Турки продолжали наступленіе съ достаточною энергіею и вообще дѣйствовали рѣшительно. Между тѣмъ они удовлетволялись одержанною побѣдою и, едва только начавъ преслѣдованіе, прекратили его весьма скоро. Бой окончился съ наступленіемъ темноты.

Благодаря этому остатки центра сербской арміи отступили на правый берегъ Моравы къ Ражану. Въ то же время лѣвое крыло Сербовъ получило приказаніе очистить Алексинацкую позицію и отступать на присоединеніе къ центру.

Въ этомъ сраженіи Сербы потеряли 12 орудій и не менѣе 6,000 убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими, не считая временно разбѣжавшихся, которые были собраны въ теченіи слѣдующихъ дней. Потери Турокъ были значительно менѣе, отъ 2,000 до 3,000 человекъ.

Еще во время сраженія главнокомандующій сербскою арміею телеграммою въ Бѣлградъ донесъ Князю, что дальнѣйшее веденіе военныхъ дѣйствій было невозможно; Князь же, въ свою очередь, обратился къ нашему Государю Императору, умоляя Его Величество спасти Сербію отъ угрожавшаго ей разгрома и разоренія. Воззваніе это увѣнчалось успѣхомъ. 19 (31) октября генераль Игнатьевъ по Высочайшему повелѣнію передалъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, Савфету-пашѣ ноту, содержаніе которой сводилось къ слѣдующему: «Если въ теченіе 48 часовъ не будетъ заключено перемиріе съ Сербіею и Черногоріею и если къ тому же времени не будетъ приказано всѣмъ начальникамъ турецкихъ отрядовъ прекратить вовсе военныя дѣйствія, то Императорское посольство въ полномъ составѣ выѣдетъ изъ Константинополя.» Этотъ грозный ультиматумъ возымѣлъ свое дѣйствіе вполне. На слѣдующій же день Савфетъ-паша сообщилъ генералу Игнатьеву, что Турція согласна заключить перемиріе на два мѣсяца, считая съ этого же дня, и что во всѣ части турецкихъ войскъ посланы приказанія прекратить немедленно военныя дѣйствія.

Между тѣмъ на главномъ театрѣ войны послѣ Дьюнипскаго погрома не произошло почти ничего замѣчательнаго кромѣ того, что Фазли-паша продолжалъ обстрѣливаніе Алексинацкихъ укрѣпленій даже послѣ того, какъ они были очищены Сербами ¹⁾ въ ночь съ 18 (30) на 19 (31) октября. Посланные на рекогносцировку Черкесы донесли, что въ Алексинацѣ никого нѣтъ, и только тогда Фазли-паша рѣшился наконецъ занять этотъ городъ частью своихъ силъ. 20 октября (1 ноября) небольшія части турецкихъ войскъ, не зная еще, что перемиріе уже началось, дошли до Делиграда, но, наткнувшись на непріятеля, тотчасъ же отошли назадъ. Вообще Турки дѣйствовали крайне боязливо и повидимому

¹⁾ Лѣвое крыло сербской арміи отступило изъ Алексинаца частью на Делиградъ, частью же на Краљево и Суботинацъ.

не сознавали, сколь велики были одержанные ими успѣхи, конечно, не столько въ матеріальномъ, сколько въ нравственномъ отношеніи. Поэтому не удивительно, что они не воспользовались одержанною побѣдою и почили на лаврахъ гораздо ранѣе, чѣмъ было получено свѣдѣніе о началѣ перемирія.

На второстепенныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій ни Сербы, ни Турки не приобрѣли рѣшительнаго перевѣса.

Бывшая *тимоцкая* армія, подчиненная генералу *Черняеву*, придерживалась строго оборонительнаго образа дѣйствій и была раздроблена на мелкіе отряды, изъ которыхъ одни занимали нижнее теченіе р. Тимока, другіе же прикрывали пути изъ Парачина къ Зайчару и изъ Алексинаца къ Княжевацу. Противъ нихъ находился Виддинскій отрядъ *Османа-пашы*, который вмѣсто того, чтобы наступать въ Сербію, наблюдалъ за нейтральною Румыніею.

Ибарская армія генерала *Новоселова* перешла на турецкую территорію въ предѣлы Ново-Базарскаго санджака и одержала надъ Турками небольшіе успѣхи, не имѣвшіе однако особенно важнаго значенія. Отдѣленный отъ этой арміи отрядъ полковника *Чолакан-мича*, находившійся у Яневой-Клисуры и поддерживавшій связь съ моравскою арміею, также переходилъ на турецкую территорію, при чемъ, производя демонстрацію въ долину Топлицы, притока Моравы, дошелъ до Куршумле и привлекъ на себя часть силъ главной турецкой арміи, а затѣмъ отошелъ назадъ. Изъ состава сербской моравской арміи въ связи съ нимъ дѣйствовали упомянутый въ предъидущей главѣ партизанскій отрядъ.

На дринскомъ театрѣ войны армія генерала *Алимича*, перешедшая было на боснійскую территорію, отступила вскорѣ на правый берегъ р. Дрины; Турки же предполагали обратиться къ наступательному образу дѣйствій, но не привели этого намѣренія въ исполненіе.

Что касается Черногорцевъ, то они, какъ въ Герцеговинѣ, такъ и въ Албаніи, почти всегда побѣждали Турокъ и овладѣли нѣсколькими укрѣпленными пунктами, но, вслѣдствіе своей малочисленности, не могли дать своимъ операціямъ болѣе или менѣе значительнаго развитія.

Въ случаѣ, если бы перемиріе не было заключено, дальнѣйшее продолженіе военныхъ дѣйствій было бы возможно только для Черногоріи, но не для Сербіи. Такимъ образомъ послѣдняя была спасена лишь благодаря мощному слову Русскаго Царя, остановившему побѣдоносную турецкую армію какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Тѣмъ не менѣе затрудненія къ удовлетворительному рѣшенію сербскаго вопроса не только не были устранены, но даже увеличились и усложнились. Турція считала себя въ правѣ предписать Сербіи условія мира, но это было ей воспрещено могущественною сѣверною имперією, борьба съ которою была ей не по силамъ. Поэтому Турціи слѣдовало уступить и исполнить умѣренная требованія Россіи, поддерживаемыя остальными великими державами. Казалось, это было такъ ясно. Но такова была лишь лицевая сторона медали; обратная же ея сторона представлялась въ совершенно иномъ видѣ. Нѣкоторыя изъ числа великихъ державъ вовсе не были склонны къ оказанію Россіи дѣйствительной поддержки, одна же изъ нихъ, а именно Англія всѣми силами тайно побуждала Турцію не соглашаться на исполненіе требованій Россіи на томъ основаніи, что дѣло касалось улучшенія участи подданныхъ султана, т. е. съ турецкой точки зрѣнія внутренняго вопроса, въ рѣшеніе котораго не имѣла права вмѣшиваться никакая другая держава. Турція поддалась этой интригѣ и рѣшилась до поры до времени вести двусмысленную политическую игру, а въ рѣшительную минуту отвѣтить на требованія Россіи категорическимъ отказомъ. При подобномъ положеніи дѣлъ война между Россією и Турцією была неминуема ¹⁾, что сдѣлалось очевиднымъ вскорѣ по окончаніи сербско-турецкой войны, а именно въ началѣ ноября 1876 г., когда началась частная мобилизація нашей арміи. Такъ какъ описаніе кампаніи 1877 — 78 годовъ составитъ предметъ слѣдующей части моего труда, то дальнѣйшее изложеніе хода событій представляется излишнимъ за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ словъ объ участи русскихъ добровольцевъ, которымъ по окончаніи сербско-турецкой войны приходилось возвратиться на родину, такъ какъ,

¹⁾ Вопросъ о своевременности этой войны будетъ рассмотрѣнъ въ одной изъ слѣдующихъ частей моего труда.

несмотря на вѣроятность русско-турецкой войны, участіе въ этой войнѣ сильно разстроенной Сербіи представлялось сомнительнымъ ¹⁾.

Изъ числа русскихъ добровольцевъ, сражавшихся въ рядахъ моравской арміи, болѣе половины погибло въ бояхъ или лежало въ госпиталяхъ и лазаретахъ; остальные же, уцѣлѣвъ послѣ Дьюнишскаго погрома, должны были еще испытать цѣлый рядъ лишеній и бѣдствій, какихъ у насъ въ Россіи не приходится переносить даже каторжникамъ и бродягамъ, разъ какъ только они попадаютъ на попеченіе подлежащихъ властей.

Упомянутымъ добровольцамъ, и безъ того уже оборваннымъ, голоднымъ и не имѣвшимъ ни гроша денегъ, прежде всего приходилось пройти пѣшкомъ изъ арміи въ Смедерево на Дунаѣ, на что требовалось не менѣе недѣли. Страна, по которой они проходили, была истощена. Мѣстные жители, если бы и хотѣли накормить ихъ, не были бы въ состояніи этого исполнить ²⁾. Ни военное начальство, ни гражданскія власти не позаботились ни о правильной организаціи походнаго движенія добровольцевъ, ни о снабженіи ихъ предметами первой необходимости или хотя бы хлѣбомъ. Не удивительно поэтому, что это движеніе ознаменовалось различными, болѣе или менѣе печальными, происшествіями.

Въ Смедеревѣ было еще хуже. Въ этомъ небольшомъ городѣ столпилась масса добровольцевъ, которымъ ѣсть было нечего, положить голову было некуда и одѣться было не во что ³⁾. Опять

¹⁾ Миръ между Сербіею и Турціею на условіяхъ возстановленія status quo ante bellum былъ заключенъ въ началѣ 1877 года. Что касается Черногоріи, то и ей были предложены тѣ же условія, но, не принявъ таковыхъ, она вторично вступила въ войну съ Турціею, заключивъ вмѣстѣ съ тѣмъ союзъ съ Россіею.

²⁾ Дорога изъ Делиграда въ Смедерево служила этапнымъ путемъ, по которому постоянно слѣдовали войсковыя части и масса лицъ разныхъ званій, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ арміи. Поэтому на всемъ пути установилась страшная дороговизна на всѣ припасы и средства къ жизни. Даже деньги далеко не всегда спасали отъ лишеній. Въ справедливости этого я убѣдился, когда по выздоровленіи въ концѣ октября я долженъ былъ отправиться изъ Крагуеваца въ Смедерево. Въ сторонѣ отъ этапнаго пути меня вездѣ принимали радушно; нигдѣ я не голодалъ, при чемъ не рѣдко съ меня не хотѣли брать денегъ. На этапномъ пути наоборотъ мнѣ пришлось испытать разныя бѣдствія и лишенія, не смотря на то, что я не нуждался въ деньгахъ.

³⁾ Я самъ нѣкоторое время скитался по городу, не находя нигдѣ пристанища, до тѣхъ поръ, пока меня не принялъ къ себѣ докторъ Марконетъ, за что считаю долгомъ выразить ему еще разъ мою душевную благодарность.

таки со стороны подлежащаго начальства не было принято долж-
ных мѣръ къ подаіію помощи этимъ несчастнымъ людямъ, и
если бы не частная благотворительность ¹⁾, то добровольцы раз-
дѣлились бы на три категоріи: одни обратились бы къ гра-
бежу и т. п. дѣяніямъ, другіе стали бы наниматься въ качествѣ
рабочихъ, третьимъ же наконецъ оставалось бы только умереть
голодною смертію ²⁾:

Наконецъ кое какъ около 1000 добровольцевъ, большею частью
всетаки оборванныхъ и голодныхъ, перебралось въ Бѣлградъ, гдѣ
принимались мѣры къ отправленію ихъ въ Россію. Эта трудная
операція продолжалась до начала 1877 года.

Я не имѣю возможности описывать подробно пребываніе добро-
вольцевъ въ столицѣ Сербіи и возвращеніе ихъ на родину, такъ какъ
при первой возможности, получивъ увольненіе отъ службы въ княже-
ской арміи, я поспѣшилъ отправиться въ Россію и снова поступить
въ тотъ же полкъ, въ которомъ состоялъ на службѣ до отправленія
въ Сербію.

Печать наша и иностранная въ это время много писала о предо-
судительномъ поведеніи добровольцевъ и о произведенныхъ ими
безчинствахъ и скандалахъ. Я нисколько не удивляюсь иностран-
ной печати, которая большею частью всегда только и ожидаетъ
удобнаго случая, чтобы бранить Россію и все русское безъ исклю-
ченія. Что касается нашей печати, то, казалось бы, она имѣла пол-
ную возможность отнестись къ дѣлу безпристрастно и, клеймя ка-
кими угодно названіями личности, подававшія поводъ къ нарека-
ніямъ, не касаться людей, ни въ чемъ неповинныхъ. А между тѣмъ
въ дѣйствительности былъ произнесенъ безусловно обвинительный
вердиктъ по отношенію ко всей массѣ добровольцевъ безъ разбора
и безъ исключенія. Мнѣ могутъ возразить, что производившихъ

¹⁾ Извѣстное г. Марконету лицо, фамиліи котораго я, къ сожалѣнію, не помню,
въ одинъ день накормило и перевезло изъ Смедерева въ Бѣлградъ болѣе 200 доб-
ровольцевъ. Хотя я и не былъ въ ихъ числѣ, но не могу пройти молчаніемъ столь
отраднaго факта.

²⁾ Одному изъ добровольцевъ я предлагалъ нѣсколько денегъ въ видѣ займа,
но онъ не хотѣлъ ихъ отъ меня принять, говоря при этомъ, что «въ такое трудное
время онъ не считаетъ возможнымъ брать деньги отъ другаго, который самъ въ
нихъ нуждается или будетъ нуждаться, если не сегодня, то завтра.»

скандалы было весьма много, что и было причиною огульной травли тѣхъ же самыхъ людей, которые не задолго до того провозглашались бойцами за идею, героями и т. п. Конечно, въ этомъ отношеніи всѣ органы нашей печати, помѣщавшіе на своихъ страницахъ нападки на добровольцевъ, руководствовались вполне честными и похвальными побужденіями, а потому не могли не возмущаться тѣмъ, что приводило въ негодованіе всякаго порядочнаго человѣка; возмущаться же приходилось слишкомъ часто; поэтому неудивительно что съ теченіемъ времени являлось стремленіе къ обобщеніямъ. Но вѣдь въ томъ то и дѣло, что одна изъ важнѣйшихъ обязанностей печати заключается въ доставленіи обществу правдивыхъ свѣдѣній, а тѣмъ болѣе выводовъ; тѣ и другія должны быть основаны не на слухахъ или одиночныхъ фактахъ, но на вполне достовѣрныхъ данныхъ; поэтому печати нашей слѣдовало отличать правыхъ отъ виноватыхъ и не выводить слишкомъ поспѣшно общихъ правилъ и заключеній, вводившихъ общество въ заблужденіе.

Что касается нашего общества, то, видя немало примѣровъ дурнаго поведенія добровольцевъ и читая въ газетахъ еще больше рассказовъ о производимыхъ ими же скандалахъ, оно не могло не вывести въ высшей степени нелестнаго для всѣхъ добровольцевъ заключенія. Это было вполне естественно.

Такъ или иначе значеніе слова «доброволецъ» было опошлено, и самое это слово чуть ли не сдѣлалось браннымъ выраженіемъ.

Спрашивается, кто же однако въ этомъ случаѣ долженъ быть признанъ виновникомъ всего зла? Печать хотя и виновна, но вѣдь она и сама была введена въ заблужденіе вслѣдствіе несомнѣнной трудности разобраться среди массы получавшихся въ то время со всѣхъ сторонъ свѣдѣній самаго разнообразнаго свойства. И такъ съ печати вина слагается если не вполне, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени. Въ видѣ козловъ отпущенія, повидимому, остаются тѣ именно добровольцы, которые дѣйствительно производили безчинства и скандалы и причиняли безпокойство и даже страхъ всѣмъ тѣмъ, кому только приходилось съ ними встрѣчаться.

Но вѣдь и они въ сущности не виноваты или вѣрнѣе виновны по чужой винѣ, такъ какъ ихъ завербовали другіе, давъ имъ де-

нежные пособія и вообще доставивъ имъ возможность отправиться въ Сербію.

И такъ во всемъ виноваты славянскіе благотворительные комитеты, отъ которыхъ всецѣло зависѣло удовлетворительное рѣшеніе вопроса о наборѣ добровольцевъ и которые не понимали той простой истины, что въ данномъ случаѣ первенствующее значеніе принадлежало нравственному элементу и что для Сербіи важно было не количество, но качество отправляемаго въ ея армію укомплектованія.

Въ одинаковой, если не въ большей степени виновенъ и бывшій штабъ тимоко-моравской арміи въ русскомъ его составѣ, не разъяснившій этой истины упомянутымъ комитетамъ, не сзумѣвшій водворить между добровольцами надлежащаго порядка и дисциплины и не проявившій по отношенію къ нимъ должной заботливости, т. е. короче говоря, не исполнившій многихъ своихъ обязанностей.

Какимъ образомъ слѣдовало организовать это дѣло, было уже сказано выше, къ чему я и теперь не считаю возможнымъ прибавить ни одного слова.

Изложивъ мои мысли, воспоминанія и впечатлѣнія, находящіяся въ связи съ краткимъ очеркомъ сербско-турецкой войны 1876 года, считаю необходимымъ закончить первую часть моего труда вытекающими изъ вышеизложеннаго заключительными выводами.

Война между Турціею и южно-славянскими княжествами 1876 года представляла несомнѣнно борьбу слишкомъ неравную вслѣдствіе несоразмѣрности силъ обѣихъ сторонъ. Турція могла выставить до 200,000, а еслибы военныя дѣйствія продолжались далѣе, и до 300,000 человѣкъ, тогда какъ Сербія и Черногорія въ сложности могли располагать вдвое меньшими силами, т. е. при крайнемъ ихъ напряженіи 150,000 человѣкъ.

Недостатокъ въ отношеніи числительности ни мало не вознаграждался качествомъ, такъ какъ хотя Черногорцы и были идеальными воинами, но ихъ было слишкомъ мало; главнай же масса славянскихъ войскъ, т. е. сербская милиціонная армія въ сущности представляла необученное народное ополченіе, которое страдало не-

достаткомъ устойчивости и вообще въ нравственномъ отношеніи не могло выдерживать сравненія съ турецкою арміею ¹⁾.

Вслѣдствіе неудовлетворительности качественной стороны сербской арміи перевѣсъ въ силахъ, бывшій первоначально на сторонѣ Сербовъ, не принесъ имъ никакой пользы, на что повліяли также и слѣдующія обстоятельства: во первыхъ, Сербія и Черногорія не выработали одного общаго плана кампаніи и не согласовали своихъ дѣйствій, центръ тяжести которыхъ долженъ былъ находиться въ Босніи и Герцеговинѣ, а никакъ не въ Болгаріи; во вторыхъ, въ сербскихъ руководящихъ сферахъ оцѣнка обстановки была произведена неправильно, вслѣдствіе чего было принято рѣшеніе наступать на всѣхъ театрахъ войны вообще и на моравскомъ въ особенности, т. е. нанести врагу главный ударъ по операціонному направленію Алексинацъ-Константинополь. Рѣшеніе это было основано на данныхъ фантастическаго свойства, а потому не удивительно, что оно не только не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но даже имѣло слѣдствіемъ необходимость отступать съ главною арміею въ предѣлы Сербіи и вообще обратиться къ стратегической и тактической оборонѣ.

Несмотря на это, главнокомандующій моравскою, а позже тимокко-моравскою арміею или былъ далекъ отъ уразумѣнія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, или же, понимая его вполнѣ хорошо, надѣялся достигнуть успѣха или по крайней мѣрѣ затянуть войну посредствомъ демонстративнаго веденія операцій вопреки основнымъ началамъ военного искусства. И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли оправдать его дѣйствія, начиная съ августа мѣсяца, когда Турки, перемѣнивъ нѣсколько разъ планъ кампаніи, наконецъ надумались перейти въ наступленіе въ обходъ праваго фланга Сербовъ внизъ по лѣвому берегу Болгарской Моравы? Что дѣлаетъ въ этомъ случаѣ генераль Черняевъ? Правда, онъ передвигаетъ часть своихъ силъ

¹⁾ Сдѣланная русскимъ обществомъ попытка усилить сербскую армію при помощи добровольцевъ хотя и принесла большую пользу и дала возможность продлить войну на два мѣсяца, но, конечно, не могла доставить побѣды сербскому оружію, такъ какъ добровольцевъ было слишкомъ мало не только для того, чтобы замѣнить ими сербскихъ солдатъ, но даже для заполнения офицерскихъ кадровъ. Къ тому же, еслибы даже ихъ и было достаточно для послѣдней цѣли, то учить и воспитывать сербскихъ солдатъ во время войны было бы уже поздно.

на лѣвый берегъ, но самъ съ главною квартирою и съ остальною частью своей арміи, въ томъ числѣ съ общимъ резервомъ, остается на правомъ берегу Моравы. Выказывая замѣчательную твердость характера и силу воли, онъ ни за что не хочетъ отказаться отъ разъ укоренившагося въ немъ убѣжденія, которое сводилось къ тому, что главное значеніе принадлежало не лѣвому, но правому берегу Моравы, что и было правильно съ точки зрѣнія наступленія, а между тѣмъ Сербамъ приходилось обороняться. Мало того, стратегически обороняясь, генераль Черняевъ, 16-го сентября, обращается къ тактическому наступленію, что съ милиціонными войсками, имѣющими всѣ свойства импровизованныхъ армій, было не только рискованно, но даже неблагоприятно. Начиная съ конца августа и до начала октября, времени было вполне достаточно для того, чтобы опредѣлить въ точности силы и намѣренія противника и исправить свои ошибки, изъ коихъ, кромѣ раздѣленія арміи на двѣ части и оставленія общаго резерва на правомъ берегу Моравы, важнѣйшею была непомѣрная разброска силъ. Ничуть не бывало. Генераль Черняевъ, опутавъ врага тонкою паутиною, какъ бы предполагаетъ, что онъ охватилъ его желѣзнымъ полукольцомъ или же, по выраженію нашей печати, посадилъ его въ мѣшокъ, который остается только завязать для того, чтобы повторить Мецскій и Седанскій опыты 1870 года.

Но паутина не можетъ приобрѣсти свойствъ желѣза или хотя бы болѣе или менѣе прочнаго мѣшка и если она въ этомъ случаѣ остается весьма долго не прорванной, то это происходитъ потому, что лѣнивый и сонный непріятель не понимаетъ, что онъ имѣетъ передъ собою ничего не стоящее препятствіе. Наконецъ Турки, уразумѣвъ это обстоятельство, прорываютъ въ высшей степени растянутое расположеніе сербской арміи; генераль же Черняевъ до послѣдней минуты остается вѣрнымъ самому себѣ и только тогда, убѣдившись въ несостоятельности своихъ предположеній, отказывается отъ дальнѣйшаго веденія операцій. Вообще въ теченіи всей кампаніи генераль Черняевъ слѣдуетъ той же тактикѣ, которая прославила его въ Туркестанѣ, т. е. придерживается въ высшей степени активнаго образа дѣйствій, что при данной обстановкѣ является совершенно неумѣстнымъ, а потому онъ и претерпѣваетъ полное пораженіе.

Въ виду вышесказаннаго, не взирая на величайшую симпатію къ главнокомандующему тимоко-моравскою арміею, дѣйствія его, съ точки зрѣнія безпристрастной критики, не могутъ быть оправданы ни въ какомъ случаѣ.

Тѣмъ не менѣе генералъ Черняевъ заслуживаетъ полнаго уваженія со стороны всѣхъ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности, такъ какъ онъ первый у насъ явился выразителемъ того прекраснаго чувства любви къ нашимъ соплеменникамъ, которое охватило въ описываемое время всю Россію, и той безавѣтной готовности пожертвовать собою въ борьбѣ за правое дѣло, которую по истинѣ могутъ гордиться русскіе люди.

Что касается Турокъ, то не смотря на то, что они одержали побѣду, дѣйствія ихъ все таки не выдерживаютъ критики. Разъ какъ турецкое правительство желало поддержать свое владычество въ Европѣ, то надлежало въ Болгаріи и въ Босніи держать войска въ гораздо большемъ числѣ и въ несравненно большей готовности, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Упущеніе это было исправлено лишь благодаря слабости и ошибкамъ непріятеля.

Организація турецкой арміи имѣла въ весьма сильной степени характеръ случайный и хаотическій. Вслѣдствіе неспособности пашей и неудовлетворительности состава корпуса офицеровъ, армія эта, не смотря на отличныя качества турецкаго солдата, была неспособна къ энергическому образу веденія войны и къ наступательнымъ дѣйствіямъ въ широкихъ размѣрахъ, т. е. въ отношеніи стратегическомъ. Даже съ Сербами Турки едва едва справились, не смотря на то, что всѣ шансы были на ихъ сторонѣ. Въ тактическомъ отношеніи Турки имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ Сербами, въ особенности по отношенію къ оборонѣ. Они вообще оборонялись очень хорошо, примѣнялись къ мѣстности и окапывались отлично. При наступленіи они дѣйствовали гораздо хуже по винѣ своихъ начальниковъ, которые, не будучи хорошо знакомы съ этимъ дѣломъ, прибѣгали къ приемамъ устарѣвшимъ и вообще нецѣлесообразнымъ.

Въ храбрости у нихъ недостатка не было. Ихъ фаталистическое упорство производило потрясающее впечатлѣніе на сербскія войска, слабыя въ нравственномъ отношеніи, но оно не производило ни

малѣйшаго впечатлѣнія на сильныхъ въ этомъ же отношеніи Черногорцевъ, которые, отлично примѣняясь къ характеру и излюбленному образу дѣйствій Турокъ, побуждали ихъ почти всегда.

Дьюнишскій погромъ ясно доказалъ, что Сербія не была въ силахъ бороться съ Турціею. Сама же по себѣ маленькая Черногорія, хотя и побѣдила Турокъ, равнымъ образомъ не могла состязаться со всѣми силами оттоманской имперіи. Такимъ образомъ оба эти княжества не могли собственными силами добиться удовлетворительнаго рѣшенія возбужденнаго ими *сербскаго вопроса*. Поэтому они обратились къ единовѣрному и единокровному могущественному русскому народу, который, въ виду своихъ вѣковыхъ традицій и своихъ жизненныхъ интересовъ, не могъ оттолкнуть родственное племя, просившее помощи.

Выступая на арену, столько разъ уже обогренную потоками русской крови, Россія не могла ограничиться стремленіемъ къ рѣшенію одного лишь сербскаго вопроса. вмѣстѣ съ тѣмъ ей пришлось поставить на очередь болгарскій и другіе второстепенные или частные вопросы, являвшіеся составными элементами одного общаго, *великаго восточнаго вопроса*, сущность котораго была выяснена въ началѣ этого сочиненія.

Такимъ образомъ сербско-турецкая война 1876 года сама по себѣ не могла имѣть окончательнаго значенія и представляла какъ бы одно изъ дѣйствій великой исторической драмы, вслѣдъ за которымъ должно было неминуемо разыгратъ слѣдующее гораздо болѣе грандіозное дѣйствіе, а именно русско-турецкая война 1877—78 годовъ.

II. Гейсманъ.

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собствен. домъ, № 14.

ПРОДАЮТСЯ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ О КОМПАНИИ 1877—1878 гг.

Восточная война и брюссельская конференція 1874—1878 гг.

Ф. Мартенса, профессора спб. университета и члена института международного права. 1879 г. Сочиненіе это внесено въ основной каталогъ для офицерскихъ библиотекъ . . . 3 р.

Въ журналѣ «Русская Мысль» 1880 г. за Февраль мѣсяцъ помѣщенъ объ этомъ сочиненіи подробный отзывъ начинающійся такъ: «Сочиненіе извѣстнаго профессора Ф. Мартенса интересно не только для лицъ, специально занимающихся изученіемъ политическихъ наукъ и для юристовъ вообще, но и для каждаго образованнаго русскаго читателя.»

Кабулетскій отрядъ въ минувшую войну 1877—1878 гг.

Воспоминанія офиц. Б. М. Колюбанина. 1885 г. 2 р.

Осады и штурмъ крѣпости Карса въ 1877 г.

Историческій очеркъ. Сост. В. Гиппиусъ. Съ тремя картами и пятью планами. 1885 г. 5 р.

Въ отзывѣ «Русскаго Инвалида» отъ 1-го Юня 1885 г. о книгѣ между прочимъ сказано :

«Главнымъ предметомъ сочиненія г. Гиппиуса служить описаніе военныхъ дѣйствій подъ Карсомъ, т. е. блокада этой крѣпости, осады, предпріятыя противъ нѣкоторыхъ изъ ея фортговъ, и штурмъ ихъ; полевыя сраженія соотвѣтственнаго періода времени рассмотрѣны лишь въ краткихъ чертахъ, на сколько это необходимо для выясненія ихъ вліянія на ходъ операций подъ Карсомъ. Кромѣ описанія этихъ событій авторъ предпослалъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о городѣ Карсѣ и бѣглый обзоръ минувшихъ его осадъ. Наконецъ приложенъ списокъ раненыхъ, убитыхъ и контуженныхъ офицеровъ во всѣхъ сраженіяхъ кампаніи 1877—1878 гг. и на азіатскомъ театрѣ войны. Такова общая программа труда г. Гиппиуса.

.....Сочиненіе г. Гиппиуса представляетъ самымъ полнымъ, самымъ освѣщеннымъ описаніемъ достопамятныхъ событій подъ Карсомъ въ минувшую войну; и офицеръ генеральнаго штаба, и артиллеристъ и инженеръ, хотя нерѣдко поспорятъ съ г. Гиппиусомъ, но прочтутъ его трудъ съ такимъ же любопытствомъ, какъ и съ пользою для себя».

Дѣйствія отрядовъ Генерала Скобелева. Изъ исторіи Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. **Ловча и Плевна.** Двѣ части съ картою театра дѣйствій, съ большимъ планомъ окрестностей Плевны и 9-ью планами. Трудъ Генеральнаго Штаба Генераль-Маіора Куропаткина. 1885 г. Цѣна за обѣ части 5 р.

Трудъ этотъ исправленъ и значительно пополненъ указаніями, сообщенными участниками автору, на статьи его «Ловча, Плевна и Шейново», помѣщавшіяся въ «Военномъ Сборникѣ» въ 1881—1883 гг., а также свѣдѣніями, заимствованными изъ рукописнаго перевода сочиненія на турецкомъ языкѣ о дѣйствіяхъ арміи Османа-паши подъ Плевною.

Трудъ этотъ: Внесенъ въ первое дополненіе къ «Основному каталогу для войсковыхъ офицерскихъ библіотекъ».

» **Объявленъ въ Циркулярѣ Главнаго Штаба 1884 г. № 227.**

Отзывъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1884 г. № 250, гдѣ между прочимъ сказано:

«..... Нынѣ авторъ собралъ всѣ эти статьи вмѣстѣ, снабдилъ ихъ «необходимыми картами, планами и кроки и издалъ отдѣльно въ двухъ частяхъ. «Такое изданіе, при замѣчательныхъ достоинствахъ труда г. Куропаткина, «даже въ первоначальномъ видѣ, было бы важнымъ пріобрѣтеніемъ для «русской военной литературы; но оно является, кромѣ того, нѣсколько «измѣненнымъ и значительно пополненнымъ, благодаря массѣ заявленій» «полученныхъ авторомъ отъ участниковъ кампаніи, а также по даннымъ, «заключающимся въ турецкомъ описаніи дѣйствій арміи Османа-паши.

«.....Въ общемъ мы полагаемъ, что трудъ г. Куропаткина пріобрѣтетъ «обширную извѣстность не только въ своемъ отечествѣ, но сдѣлается цѣннымъ «достояніемъ Европейскаго военнаго общества».

Описаніе дѣйствій западнаго отряда дѣйствующей арміи подъ начальствомъ Генераль-Адъютанта Гурко, съ 25 Декабря 1877 года до Филиппопольскаго боя включительно. А. Бальцъ. Съ планами 1880 года 2 р.

Матеріалы для исторіи Шипки, съ картою части Шипкинскаго перевала. NN. 1880 г. 1 р.

Переходъ черезъ Балканы отряда Генераль-Адъютанта Гурко, зимою 1877 г. Составилъ А. Пузыревскій, 1881 г., съ картами 1 р. 75 к.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 30-го Января 1881 г. за № 24 о книгѣ сказано:

«.....Книга г. Пузыревскаго, написанная живымъ языкомъ и снабженная весьма хорошими планами, представляетъ по полнотѣ разсказа, большой интересъ и заслуживаетъ вниманіе всѣхъ слѣдящихъ за литературою послѣдней войны».

Дома и на войнѣ 1853—1881 гг. Воспоминанія и разсказы Александра Верещагина. Изданіе 2-е иллюстрированное виньетками и портретами. 1886 г. Часть I. Изъ домашняго быта временъ крѣпостнаго права. — II. Изъ Русско-Турецкой войны 1877—1878 гг. — III. Тенинская Экспедиція Снобелева 1880—1881 гг. 600 стр. текста 2 р. 50 к.

Внесено въ основной каталогъ.

ОТЗЫВЫ О 1-мъ ИЗДАНИИ,

КОТОРОЕ РАСПРОДАНО ВЪ ТЕЧЕНІИ МѢСЯЦА:

Въ отзывѣ М. Драгомирова, помѣщенномъ въ № 255 «Русскаго Инвалида», отъ 23-го ноября 1885 г., между прочимъ сказано: «Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ г. Верещагинъ далъ рядъ прекрасно нарисованныхъ бытовыхъ и военныхъ «сценъ, которыя не могутъ не заинтересовать любого читателя, а военного тѣмъ болѣе. Взявшись за книгу, трудно оторваться отъ нея, до такой степени разсказъ «живъ, правдивъ, полонъ добродушнаго юмора...» «Попадаются у него, и нерѣдко «такія мѣста, которыя могутъ быть поставлены на ряду со сценами величайшаго «изъ живописцевъ военнаго обихода — гр. Л. Н. Толстаго»....

Кромѣ того, объ этомъ сочиненіи были отзывы въ 1885 году: Московскія вѣдомости № 335, Новое Время № 3503, Новости № 326 и № 6, 1886 г. (статьи Д. Мордовцева и К. Скабичевскаго), Петербургскія вѣдомости № 353, Правительственный вѣстникъ № 3, 1886 г., Свѣтъ № 259, 21-го ноября, 24-го ноября, Русскія вѣдомости № 342, Петербургская газета № 328 и № 331, Недѣля № 48, Вѣстникъ Европы № 1, 1886 г., Русская старина № 1, 1886 г.

На пересылку слѣдуетъ прилагать отъ 10 к. до 20 к. на рубль заказа.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

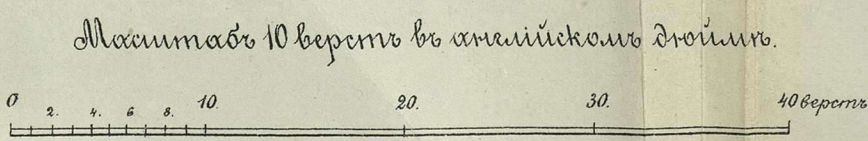
В. А. БЕРЕЗОВСКОМУ

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.

КАРТА №2.

ТИМОКО-МОРАВСКИЙ ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.
Приложение къ Части I Славяно-Турецкой борьбы 1876-78 г.г.
Сост. П. Гейсманна.

I

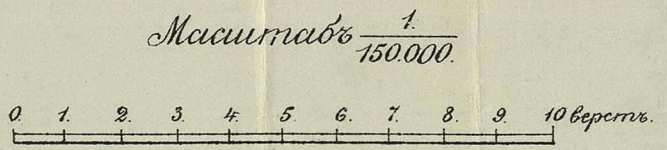

КАРТА №3.

Приложение къ Сербско-Турецкой войны 1876 года,
(Ч. I Славяно-Турецкой борьбы 1876-78 годовъ).
соч. П. Гейсмана.

Примечаніе. Карта эта составлена по
картѣ масштаба $\frac{1}{300.000}$ австрійскаго
изданія и не вполне согласна въ отноше-
ніи разстояній съ картами №1 и №2,
составленными по спеціальнымъ
картамъ русскихъ изданій.

Условный знакъ.
----- Сербско-Турецкая граница.

II

История преем-

Мусеяса — Паша

mt p. 8.

2024607199